

Дх
5136/2

Часть II

Въ Японскомъ плѣну

**МАЛО ПРОЖИТО—
МНОГО ПЕРЕЖИТО**

=== ВПЕЧАТЛѢНІЯ МОЛОДОГО
ОФИЦЕРА О ВОЙНѢ И ПЛѢНѢ

— Часть II —

ВЪ ЯПОНСКОМЪ ПЛѢНУ ===

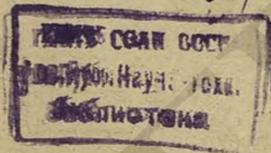
Р—дѣ

Зав

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Спб. Т-ва „Трудъ“. Фонтанка, 86
1907

2X
5736
N2

2
105 97

Первые дни плѣна.

Уходъ съ форта. Въ Квантунскомъ экипажѣ. Телеграмма Государя Императора. Условія капитуляціи. Около укрѣпленія № 5. Походъ въ Дальній. Въ палаткахъ. Жизнь въ „Мацубарѣ“. Переходъ въ Японію на пароходѣ „Синь-коо-мару“. Въ Симоносекскомъ проливѣ. Карантинъ на Ниппонѣ въ городѣ Узина. Переходъ въ городъ Такахаму на островѣ Сикокъ.

Портъ-Артуръ сданъ... Изъ штаба Начальника Квантунскаго укрѣпленнаго района въ 8 часовъ вечера 20 декабря 1904 года было приказано всѣмъ, оставивъ батареи и форты, отправиться въ мѣста стоянокъ своихъ частей. Я уничтожилъ всѣ лишнія вещи, оставилъ лишь самую необходимую (вѣсъ ихъ не долженъ былъ превышать, какъ намъ объявили, 36 фунтовъ) и съ мичманомъ,—командиромъ Соляной батареи, отправился въ Морской госпиталь, гдѣ мы надѣялись переночевать. Было 9 часовъ вечера. Шли очень медленно. Мичманъ за день сильно усталъ отъ работы, доставшейся на его долю—уничтожить

все на батарее; я быстро идти не могъ: нога моя не совсѣмъ поправилась отъ раны, полученной 19 октября, и сильно побаливала отъ долгой въ тотъ день ходьбы. Безконечно тащились мы, то-и-дѣло останавливаясь для передышки. Часовъ въ 11 пришли въ Морской госпиталь; тамъ совершенно не было мѣстъ; даже на полу нельзя переночевать: все занято пришедшими раньше насъ. Нечего дѣлать—отправились оттуда въ Новый Квантунскій экипажъ, въ послѣдніе мѣсяцы осады обращенный въ госпиталь для поправлявшихся раненыхъ. Но и тамъ мѣста не оказалось. Пришлось идти въ Старый городъ въ надеждѣ переночевать въ экипажѣ. Пошли. Въ Новомъ городѣ на улицахъ всюду горѣли костры; вокругъ которыхъ ночевали войска. На верхушкѣ Перепелиной горы что то ярко горѣло. Въ Старомъ городѣ уже расположился полкъ японцевъ. Долго еще мы бродили, наконецъ совсѣмъ усталые пришли въ экипажъ. Мой товарищъ, плававшій на „Побѣдѣ“, пошелъ къ своимъ; они занимали казармы 10-го полка; я же остался въ экипажѣ въ дежурной комнатѣ и расположился на стульяхъ. Тамъ уже спало нѣсколько офицеровъ; кто на диванѣ, а кто и на полу.

Рано утромъ на слѣдующій день я пошелъ въ бухту—Бѣлый Волкъ, гдѣ командиръ, офицеры

и команда „Отважнаго“ размѣстились въ фанзахъ. Проходя мимо порта, видѣлъ, какъ японцы смѣняли свои посты. Очевидно наканунѣ они успѣли занять всѣ важныя части и разставить часовыхъ. Командиръ „Отважнаго“ сообщилъ о назначеніи меня вести роту въ плѣнъ. Около часу дня пришелъ молоденькій японскій офицеръ съ нѣсколькими солдатами занять укрѣпленія въ Бѣломъ Волкѣ. Поздоровавшись съ нами, онъ взошелъ на склонъ горы, возвышавшейся надъ нашими фанзами, сѣлъ тамъ на землю вмѣстѣ съ солдатами, досталъ изъ своей сумки рисъ и галеты и началъ завтракать, затѣмъ, разставивъ всюду часовыхъ, ушелъ.

Въ 4 часа дня я собралъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, назначенныхъ въ мою роту и повелъ ихъ въ экипажъ. Мы пришли туда часамъ къ семи. На площади передъ экипажемъ у костровъ ночевали матросы съ различныхъ кораблей. Найдя мѣсто въ экипажѣ, я расположилъ тамъ свою роту, а самъ переночевалъ опять въ дежурной комнатѣ.

Вечеромъ въ экипажѣ разнеслись слухи, что японцы будто предлагаютъ офицерамъ дать подписку не воевать, что офицеры тогда могутъ ѣхать въ Россію, что всѣ нижніе чины пойдутъ въ плѣнъ, и что генераль Стессель просилъ теле-

граммою Государя Императора разрѣшить офицерамъ подписку. Еще никто не зналъ ничего вѣрнаго объ условіяхъ сдачи:

22-го декабря сухопутныя войска сдавали оружіе. Я видѣлъ, какъ одинъ полкъ проходилъ мимо бассейна. Солдаты измученные, усталые съ отчаяніемъ въ лицѣ бросали патроны и штыки въ воду. Нѣкоторые разставались такимъ образомъ даже съ винтовками, не желая отдать ихъ врагу. Трогательная была ихъ любовь къ родинѣ, но до чего они казались жалкими. Сколько раненыхъ, сколько больныхъ среди нихъ; какъ медленно всё передвигались. Какъ грязно, изодрано ихъ обмундированіе. Видно, они не мало потрудились, а еще больше протерпѣли. Множество больныхъ и раненыхъ; всякій, лежащій въ госпиталѣ лишь только могъ стоять на ногахъ, выписывался и уходилъ. Никому не хотѣлось остаться тамъ. Всякій стремился къ своимъ товарищамъ. Трудности и лишенія осады сблизили всѣхъ и разставаться было тяжело. Этимъ и объясняется почему въ послѣдній день какъ на позиціяхъ такъ и въ госпиталяхъ числилось по 9 тысячъ, между тѣмъ, когда произошла сдача, вышедшихъ въ плѣнъ оказалось значительно больше, чѣмъ въ госпиталяхъ, гдѣ оставались только тяжело раненые и больные.

Вечеромъ, вернувшись въ экипажъ, я увидѣлъ на столѣ печатныя условія капитуляціи крѣпости.

Они были слѣдующаго содержанія:

„Капитуляція Портъ-Артура:

Ст. I. Русская армія, флотъ, охотники и должностныя лица въ крѣпости и въ водахъ Портъ-Артура становятся военноплѣнными.

Ст. II. Всѣ форты, батареи, броненосцы, корабли, лодки, оружіе, амуниція, лошади и всѣ другіе предметы войны, равно какъ и деньги и другіе предметы, принадлежащіе русскому правительству, должны быть переданы японской арміи въ томъ видѣ, въ которомъ находятся въ данный моментъ.

Ст. III. Если двѣ предыдущія статьи будутъ приняты, то, въ видѣ гарантіи за точное исполненіе, русская армія и флотъ должны вывести всѣ гарнизоны изъ всѣхъ фортовъ и батарей на Итцушанѣ, Шуаньшишанѣ и Тайяншишанѣ и со всей цѣпи холмовъ на юго-востокъ отъ вышеупомянутыхъ горъ и передать форты и батареи японской арміи 3-го января до полудня.

Ст. IV. Если будетъ замѣчено, что русская армія и флотъ разрушаютъ и какимъ бы то ни было способомъ измѣняютъ настоящее состояніе

предметовъ, указанныхъ въ ст. II, послѣ подписанія капитуляціи, японская армія прекратитъ всякіе переговоры и будетъ имѣть свободу дѣйствій.

Ст. V. Русскія военныя и морскія власти должны выбрать и передать японской арміи планы и укрѣпленія Портъ-Артура и карту, съ указаніемъ мѣстъ фугасовъ, подводныхъ минъ и другихъ опасныхъ предметовъ, таблицу организациі арміи и флота, находящихся въ Портъ-Артурѣ, номенклатуру военныхъ и морскихъ офицеровъ, опредѣляющую ихъ чины и обязанности; тоже самое относительно военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; то же самое о броненосцахъ, корабляхъ и лодкахъ съ номенклатурой экипажей; таблицу, показывающую число, полъ, расу и профессію мирныхъ жителей.

Ст. VI. Все оружіе, включая носимое частными лицами, амуниція, предметы, принадлежащіе правительству, лошади, броненосцы, корабли со всѣмъ находящимся на нихъ имуществомъ, кромѣ частнаго, должны содержаться въ порядкѣ на прежнихъ мѣстахъ. Способъ передачи ихъ долженъ быть рѣшенъ русско-японскимъ комитетомъ.

Ст. VII. Въ воздаяніе почести храбрымъ защитникамъ Портъ-Артура, русскимъ военнымъ и морскимъ офицерамъ и чиновникамъ разрѣшается

носить холодное оружіе и имѣть при себѣ предметы, необходимые для ихъ жизни. И рѣшено, что тѣ изъ офицеровъ, охотниковъ и чиновниковъ, которые дадутъ письменное обѣщаніе не браться снова за оружіе и ни въ какомъ случаѣ не дѣйствовать противъ интересовъ Японіи во время настоящей войны, могутъ отправиться на свою родину. Каждый офицеръ имѣетъ право имѣть одного денщика, который, какъ исключеніе, освобождается отъ письменнаго обѣщанія.

Ст. VIII. Обезоруженные унтеръ-офицеры, солдаты и моряки русской арміи и флота, а также охотники, должны двинуться цѣлыми частями подъ командой ихъ непосредственныхъ офицеровъ къ мѣсту сбора, указанному японской арміей, въ присвоенной имъ формѣ, имѣя при себѣ походныя палатки и собственныя вещи первой необходимости. Детали этого будутъ указаны японскимъ комитетомъ.

Ст. IX. Для ухода за больными и ранеными и для обезпеченія плѣнныхъ, санитарный персоналъ и интендантская часть русской арміи и флота въ Портъ-Артурѣ должны оставаться до тѣхъ поръ, пока японская армія считаетъ ихъ необходимыми, и оказывать услуги подъ управленіемъ японскихъ санитарныхъ и интендантскихъ чиновъ.

Ст. X. Размѣщеніе частныхъ жителей, пере-

дача административныхъ дѣлъ и финансовъ го- рода, вмѣстѣ съ документами относительно по- слѣднихъ и другія дѣла, связанныя съ исполне- ніемъ настоящей капитуляціи, должны быть раз- сматриваемы въ дополненіи, которое имѣетъ та- кую же обязательную силу, какъ статьи капиту- ляціи.

Ст. XI. Настоящая капитуляція должна быть подписана уполномоченными обѣихъ сторонъ и вступить въ силу тотчасъ же послѣ подписанія.

Дополненіе:

Разъясненіе 1-ое. Для исполненія капитуляціи должны быть назначены японскими и русскими властями слѣдующіе комитеты: во-первыхъ, коми- тетъ относительно шестой статьи капитуляціи, состоящій изъ подкомиссій для фортовъ, батарей, оружія, амуниціи и пр. на сушѣ. Подкомиссія для броненосцевъ, кораблей и лодокъ; подкомиссія для провіантскихъ складовъ; подкомиссія для уда- ленія опасныхъ предметовъ. Во-вторыхъ, комитетъ относительно восьмой статьи капитуляціи; въ — третьихъ, комитетъ относительно девятой статьи капитуляціи; въ четвертыхъ, комитетъ относи- тельно десятой статьи капитуляціи.

Разъясненіе 2-ое. Комитеты, упомянутые въ разъясненіи первомъ, должны быть въ Шуйшинѣ

ровно въ 9 часовъ утра 3-го января и присту- пить къ исполненію возложенныхъ на нихъ обя- занностей.

Разъясненіе 3-е. Армія и флотъ, находящіеся въ крѣпости Портъ-Артуръ, должны выступить по частямъ, согласно установленнаго японской арміей плана, такъ чтобы голова колонны при- была къ восточному концу Кокоси ровно въ 9 час. утра 5-го января для полученія приказа- нія отъ комитета согласно восьмой статьѣ капи- туляціи. Только офицерамъ и чиновникамъ по- зволено имѣть холодное оружіе. Унтеръ-офицерамъ, солдатамъ и матросамъ не разрѣшается имѣть никакого оружія. Всѣ лица ниже офицеровъ должны имѣть при себѣ провизіи на однѣ сутки.

Разъясненіе 4-ое. Русскія должностныя лица, не принадлежащія къ арміи и флоту, должны образовать группы по специальностямъ и слѣдо- вать за войсками, упомянутыми въ разъясненіи третьемъ. Тѣ должностныя лица, которыя не были внесены въ списки волонтеровъ, должны быть освобождены безъ всякаго обѣщанія.

Разъясненіе 5-ое. Для передачи фортовъ, бата- рей, зданій, складовъ и др. предметовъ нѣсколько офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и др. назначенныя лица должны остаться, гдѣ эти предметы на- ходятся.

Разъясненіе 6-ое. Лица, входяція въ составъ русской арміи и флота, добровольцы, должностныя лица, которыя будутъ носить оружіе послѣ 9 часа утра 5-го января или не явятся на мѣсто сбора, подвергнутся должному обращенію со стороны японской арміи, кромѣ больныхъ и раненыхъ.

Разъясненіе 7-ое. Необходимые предметы, составляющіе частную собственность офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ, помѣщенные въ седьмой статьѣ капитуляціи, будутъ подвергнуты осмотру, если сочтутъ нужнымъ, и ихъ багажъ не долженъ превышать вѣса, дозволеннаго офицерамъ соотвѣтствующаго чина въ японской арміи.

Разъясненіе 8-ое. Военные и морскіе госпитали и госпитальныя суда въ Портъ-Артурѣ будутъ осмотрѣны японскимъ комитетомъ и будутъ использованы согласно правиламъ, выработаннымъ этой комиссіей.

Разъясненіе 9-ое. Мирные жители могутъ спокойно продолжать жить, но тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ оставить Портъ-Артуръ, будетъ разрѣшено взять съ собой всю ихъ частную собственность. Семействамъ офицеровъ и чиновниковъ, которыя пожелаютъ уѣхать, японская армія предоставитъ всѣ удобства, какія въ ея силахъ.

Разъясненіе 10-ое. Если японская армія най-

детъ нужнымъ нѣкоторыхъ изъ жителей Портъ-Артура выселить, то они обязаны сдѣлать это своевременно и путемъ указаннымъ сей арміей.

Разъясненіе 11-ое. Русскій комитетъ, помѣченной 10-ой ст. капитуляціи, долженъ сообщить условія администраціи и финансовъ, передать тому же комитету всѣ документы, общественныя суммы, относящіяся къ этимъ дѣламъ.

Разъясненіе 12-ое. Японскіе военно-плѣнные, находящіеся теперь въ Портъ-Артурѣ, должны быть переданы японскому комитету, упомянутому въ 9-ой ст. капитуляціи въ 3 часа пополудни 3-го января“.

Въ тотъ же день, оказалось, была получена телеграмма отъ Государя Императора:

„Разрѣшаю каждому офицеру дать подписку не воевать и вернуться на родину или раздѣлить участь нижнихъ чиновъ. Благодарю храбрый гарнизонъ за доблестную защиту“.

„Николай“.

Между офицерами, бывшими въ экипажѣ, по полученіи извѣстія объ этомъ, мало было разсужденій. Рѣшительно всѣ оказались одного мнѣнія: должны идти въ плѣнъ. Да и думали, что пойдетъ безъ колебаній весь гарнизонъ во главѣ съ генераломъ Стеселемъ. Иначе и нельзя было.

Нижніе чины такъ много сдѣлали, столько вынесли и испытали; теперь можетъ быть имъ придется протерпѣть еще больше, и почему же теперь мы не будемъ дѣлать съ ними всѣхъ невзгоды и лишенія, а уѣдемъ кейфовать въ Россію?

Страшно мнѣ хотѣлось вернуться домой, но я твердо рѣшилъ идти въ плѣнъ. Всѣ, кого я спрашивалъ о томъ въ Портъ-Артурѣ, неизмѣнно подтверждали мое рѣшеніе. Поэтому я былъ увѣренъ, что въ Россію никто не поѣдетъ. Надо же исполнить долгъ до конца!

Настала очередь и нашимъ морскимъ частямъ разстаться съ оружіемъ утромъ 23-го декабря. Матросы въ присутствіи японскихъ офицеровъ бросали винтовки въ овражекъ передъ экипажемъ: одни съ силою, чтобы сломать; другіе, заранѣе зажавъ конецъ дула между камнями, сворачивали стволъ; третьи гнули ихъ. Не хотѣлось матросамъ покидать ружья. Наконецъ, исполнивъ тяжелое обязательство, всѣ выстроились на площади передъ экипажемъ, чтобы выступить къ укрѣпленію № 5. Въ это время входилъ въ городъ какой-то японскій полкъ; впереди играли трубачи. Что за разительный контрастъ между побѣдителями и побѣжденными! Японцы шли бодро, довольные, радостные, празднично одѣтые. У всѣхъ за ранцами привязаны красныя и зеле-

ныя одѣяла (смотря по ротѣ), что еще рѣзче усиливало яркость и красоту картины шествія. Впереди величественно подвигалось распущенное знамя.

У меня оказалось въ ротѣ 118 человекъ; все нижніе чины съ „Отважнаго“ и „Гиляка“. На „Отважномъ“ въ началѣ войны было 182 матроса и столько же, вѣроятно, на „Гилякѣ“. И такъ къ концу осады осталось меньше трети; на другихъ корабляхъ вышло еще больше.

Въ 12 часовъ всѣ тронулись въ путь. Первыми пошли команды съ броненосцевъ и крейсеровъ, затѣмъ съ лодокъ и миноносцевъ, наконецъ Квантунскій флотскій экипажъ. Сухопутные части ушли 21-го и 22-го декабря. Подвигались медленно, поминутно останавливаясь; проходя мимо фортовъ видѣли работавшихъ на нихъ японцевъ. Удивительно они энергичны! Лишь только укрѣпленія и форты перешли въ ихъ руки, сейчасъ же японскіе солдаты тамъ закишѣли; начались исправленія и постройки. Часамъ къ 3-мъ мы подошли къ госпиталю, гдѣ отдохнули. Только къ 5-ти часамъ достигли укрѣпленія и тамъ расположились на площади около казармъ 27-го полка. Японцы никого въ казармы не пускали; у всѣхъ дверей стояли часовые; ночевать пришлось на воздухѣ, а ночь прехолодная; морозъ въ 8° при сильномъ вѣтрѣ.

У меня ни одной теплой вещи. Одѣтъ налегкѣ въ китель, тужурку и пальто, безъ башлыка—одинъ лишь шлемъ. Страдали мучительно; не изъ чего было развести костеръ. Матросы, не обращая вниманія на часовыхъ, какъ-то ухитрились поджечь одну казарму; она горѣла цѣлую ночь. Таскали двери, скамейки, табуретки, ломали ихъ и раскладывали костры. Японцы конечно этого не позволили бы, но въѣд часовые не могли за всѣмъ услѣдить. Одинъ костеръ и намъ удалось развести; кругомъ расположились два командира миноносцевъ, я и три матроса. Заснуть невозможно; все время ворочался, тщетно обогрѣваясь у костра то съ одного, то съ другого бока; за-вернулся въ одѣяло (оно у меня было). Но и это не помогало. Полежу немного, встану, пройду межъ костровъ, затѣмъ опять лягу. Ляжешь лицомъ къ костру—спина отмерзала, спиной—лицевая сторона мерзла. Поминутно вынималъ изъ кармана часы и заставлялъ ихъ звонить (они были съ репетуаромъ), считая нетерпѣливо сколько оставалось времени до разсвѣта. Японскій часовой, замѣтивъ ихъ у меня, попросилъ показать; они ему сильно понравились; долго приставалъ онъ ко мнѣ продать ему за іену и не давалъ мнѣ покоя, объясняясь разными знаками. Наконецъ онъ надоѣлъ и я объяснилъ ему,

что заявлю унтеръ-офицеру, если не отстанетъ. Въ 2 часа ночи смѣняли карауль. Къ намъ подошелъ японецъ и, указывая на свои галуны, произнесъ: „хфелфелбъ“. Мы посмотрѣли равнодушно, а фельдфебель оказался на дѣлѣ симпатичнымъ и услужливымъ малымъ. Я объяснилъ, что намъ очень холодно; онъ взялъ одного изъ матросовъ, повелъ куда-то, далъ какое-то бревно, и у насъ могъ горѣть костеръ до утра.

Ночь была мучительная; никогда въ жизни ея не забуду. Я проклиналъ свою судьбу. И какъ на зло японцы были одѣты очень хорошо. Въ прекрасныхъ шинеляхъ, съ широкими, какъ у нашихъ священниковъ, рукавами, поднявъ мѣховые воротники, они не чувствовали мороза. А наши?—тутъ совсѣмъ другое было. Да и обидно къ тому же: рядомъ зданія, сидишь возлѣ, а войти нельзя. Какое глупое положеніе! Видитъ око, да зубъ нейметъ.

Наконецъ прошла томительная ночь и насталъ день. Солнце немного отогрѣло насъ. Мы грязны отъ пыли, а какъ же мыться на такомъ холодѣ? Ну подождемъ какого-нибудь благопріятнаго случая! Въ экипажѣ тоже не представлялось возможности; и такъ я уже 4 дня не мылся.

23-го декабря первая дивизія ушла въ Дальній садиться на параходы по назначенію въ Японію.

Узнавъ, что японцы отправили изъ 1-ой дивизіи въ госпитали 700 человѣкъ, негодныхъ къ дальнему пути вслѣдствіе ранъ и болѣзней, я построилъ свою роту и вызвалъ впередъ тѣхъ, кто нехорошо себя чувствуетъ; ни одинъ не вышелъ. Тогда приказалъ всѣмъ по одиночкѣ проходить мимо и отставлялъ въ сторону идущихъ съ трудомъ; таковыхъ оказалось 6 человѣкъ. Я отправилъ ихъ въ госпиталь. Впослѣдствіи въ походъ японцы вернули туда же еще нѣсколько человѣкъ.

Вечеромъ 24 декабря при ротѣ остался другой офицеръ, а я пошелъ спать въ морской госпиталь, гдѣ помылся и легъ на полу. Тамъ уже собралось много офицеровъ, скрывавшихся отъ мороза. Всѣ кровати заняты — много раненыхъ. Пришедшіе офицеры расположились кто на стульяхъ кто на полу.

Въ 4 часа утра мы направились къ укрѣпленію № 5. Было еще темно; морозецъ. Ночь очевидно была такъ же холодна, какъ и та, оставшаяся въ моей памяти. Взобравшись на горку, мы увидѣли горящія костры около 5-го укрѣпленія. Мнѣ пришла въ голову мысль узнать по числу костровъ количество войска. Но къ чему это теперь?

Я взялъ съ собой саблю и револьверъ. Кто-то изъ офицеровъ сказалъ, что японцы отнимутъ револьверъ, поэтому я разобралъ его на части помалъ и закопалъ въ землю.

Въ первый день Рождества Христова морскія команды двинулись въ походъ въ Дальній. Сухопутныя части прошли 23-го и 24-го декабря. И такъ въ этотъ день я разстался съ Портъ-Артуромъ, гдѣ пробылъ 303 дня. Черезъ версты три, подошли къ какимъ-то палаткамъ. Тамъ было много японскихъ офицеровъ и генераловъ. На одной палаткѣ, помню, было написано: „Мѣсто клятвы“. Кто желалъ дать подписку не воевать, долженъ былъ войти туда и подписать клятвенный листъ. Рѣдко кто входилъ туда; почти всѣ миновали её. Когда наши команды остановились около этой палатки, и японскій офицеръ предложилъ намъ войти туда и подписаться, мы всѣ отказались. Офицерамъ тогда выдали такіе листки:

„Перепись плѣнниковъ

Имя, отчество и фамилія.

Названіе войска.

Родъ оружія.

Чинъ и должность.

Мѣсто рожденія.

Званіе.

Возрастъ.

Когда плѣнился.

Раненъ или здоровъ.

По какой причинѣ плѣнился.
Предметы личные.
Сохраняющіеся предметы.
Предметы конфискованные.
Войско плѣненное.

Примѣчаніе“.

Офицеры обязывались, заполнить всѣ графы, отдать листки японцамъ. Ротные командиры получили такіе-же листки на всѣхъ нижнихъ чиновъ и должны были сдать свои роты въ Дальнемъ съ готовыми листками японскимъ офицерамъ. Мы вели нижнихъ чиновъ только до Дальняго. Въ графѣ. „По какой причинѣ плѣнился“ одни писали: „по случаю капитуляціи крѣпости“, другіе:— „по приказанію генерала Стесселя“, основываясь на томъ, что 20-го декабря запрещено было стрѣлять, и что гарнизонъ не сдался, а что его сдали.

Послѣ нѣкоторой задержки у палатокъ, насъ повели дальше и остановили въ полѣ. Интересно было смотрѣть, какъ ѣхалъ верхомъ японскій жандармскій полковникъ, а за нимъ бѣжалъ солдатъ—полковничій ординарецъ. Онъ долженъ былъ все время слѣдовать за всадникомъ; онъ не уставалъ, и не удивительно: японцы, какъ я

потомъ узналъ, чудные рикши *) не хуже по скорости нашихъ хорошихъ извозчиковъ; тогда меня подобная сцена занимала и удивляла. На груди у солдата висѣло много орденовъ; значитъ онъ къ тому же былъ и храбрый воинъ. Скоро пришелъ японскій обозъ; его организація меня поразила. Такъ дѣльно, толково все тамъ уложено. Чистенькія, одноконныя повозочки выстраивались на мѣстѣ, какъ на ученьи. Все показывало, что японскій обозъ подвергался тщательному обученію, такъ какъ безъ предварительныхъ подготовокъ едва ли можно было-бы дѣлать такіе маневры.

Въ полѣ японцы роздали намъ провизію: каждому офицеру и матросу по 3 пачки галетъ и полбаночки мясныхъ консервовъ. Они мнѣ не понравились: мясо было сладковато. Офицерамъ кромѣ того выдавалось по бутылкѣ коньяку на 6 человекъ. Какой-то японецъ фотографъ вздумалъ было насъ снимать, но каждый разъ, при наводкѣ аппарата, мы оборачивались спиной и не дали ему возможности снять насъ. Указываю на это, такъ какъ нигдѣ потомъ не встрѣчалъ фотографій того момента.

*) Рикша — японскій извозчикъ. У него лошади нѣтъ, а онъ самъ возитъ всюду сѣдока въ своей небольшой колясочкѣ, называемой—„курума“.

Пробывъ въ полъ часа полтора и позавтракавъ, мы двинулись дальше. Тутъ японцы, пропуская насъ, вводили между каждой ротой взводъ своихъ вооруженныхъ солдатъ. Такимъ образомъ составила смѣшанная колонна: мы шли подъ конвоемъ. Минувъ японскіе окопы и горы: Трехголовую, Угловую и другія, я увидѣлъ японскую мортирную батарею и тѣ страшныя 11-ти дюймовыя пушки, такъ сильно насъ изнурявшія: Вотъ она — одна изъ главныхъ причинъ паденія Портъ-Артура!

Часамъ къ 6-ти вечера мы пришли въ какую-то деревню и расположились тамъ въ китайскихъ фанзахъ. Матросамъ суждено было жить на воздухѣ. Который это день они оставались безъ крова! Китайцы начали продавать намъ яйца и японское пиво. Жадно мы набросились на эти лакомства. Какъ давно уже (болѣе пяти мѣсяцевъ) не видѣли яицъ. Накупили ихъ цѣлую корзину, сварили и ѣли въ фанзѣ, запивая коньякомъ, полученнымъ отъ японцевъ. Офицеры „Севастополя“ и „Отважнаго“ заняли одну фанзу. Около 11-ти часовъ ночи пришелъ къ намъ японскій переводчикъ Іекура и, сообщивъ, что дальше пойдѣмъ завтра утромъ, сѣлъ и началъ разговаривать. Тутъ между прочимъ онъ выпрашивалъ у насъ на память золотыя деньги, давая взамѣнъ ихъ свои визитныя карточки. Фанза оказалась грязною, хо-

лодною, безъ оконъ и дверей, отверстія которыхъ мы завѣшивали купленными у китайцевъ циновками. Японцы принесли намъ немного древеснаго угля; мы вырыли ямки въ фанзѣ и развели „хибачи *)“. Но тепла они не давали. Безъ пальто и не укутавшись въ одѣяло, спать было невозможно. Все-таки въ фанзѣ было гораздо теплѣе, чѣмъ на воздухѣ. Іекура долго съ нами разговаривалъ. Около часу ночи прискакалъ японскій кавалеристъ и что-то сказалъ ему. Іекура перевелъ намъ. Оказывается японскій генералъ прислалъ сообщить, что мы дальше пойдѣмъ не завтра, а черезъ день, т. е. 27-го декабря. Это извѣстіе насъ огорчило. Намъ хотѣлось скорѣе бы выйти изъ такого положенія, а то такія скитанія слишкомъ уже были тягостны. Вѣчно въ верхней одеждѣ, грязи и мерзости. Спишь на землѣ въ пыли. Утромъ встанешь, не моешься; къ тому же очень холодно. Все страшно опротивѣло!

На слѣдующій день мы прогуливались вокругъ деревни, и тамъ въ одномъ оврагѣ увидѣли двухъ мертвыхъ китайцевъ; ихъ головы были пробиты пулями. Да! японцы мнѣ представлялись дѣтьми:

*) Хибачъ—небольшой горшокъ, въ которомъ насыпана зола и положены раскаленные древесные угли. Въ Японіи хибачами согрѣваются жилища, а сами японцы грѣютъ надъ ними руки, сидя иногда передъ хибачемъ цѣлыя часы.

моложавые на видъ, маленькіе, юркіе — совсѣмъ какъ дѣти. Но тутъ у оврага я началъ понимать, что шутки съ этими дѣтьми не безопасны.

Рано утромъ 27-го декабря мы тронулись въ путь. Дуль сильный вѣтеръ, вздымая тучи пыли; вся одежда и лицо покрылись густымъ ея слоємъ. Посреди дороги сдѣлали привалъ и закусывали галеты. Кое гдѣ чернѣли огромныя ямы, образованныя разрывами нашихъ большихъ снарядовъ; видно, что дорога не разъ обстрѣливалась. Временами насъ окружали великолѣпные виды, въ особенности около бухты Луиза. Но вѣтеръ и пыль портили все впечатлѣніе. Къ вечеру пришли опять въ какую-то деревню и тамъ расположились въ японскихъ палаткахъ. А матросы снова на воздухѣ! Японскія палатки были не такъ устроены какъ наши: у насъ онѣ снизу окапываются землей; у японцевъ же внизу оставляется огромная, толщиною въ футъ, щель, такъ какъ колышки у нихъ желѣзные и очень длинные; отъ этого въ палаткахъ было такъ же холодно, какъ и на воздухѣ. Нижніе чины очень страдали. Многіе начали заболѣвать, но, несмотря на это, ихъ не отправляли въ госпиталь, а заставляли идти дальше. Помню, подойдешь вечеромъ къ своей ротѣ, когда та располагалась спать у костровъ, и слышишь сильный общій кашель. Всѣ кашляли.

И этотъ кашель слышался цѣлую ночь. Ёсть японцы давали два раза въ день: утромъ часовъ въ одиннадцать и вечеромъ въ семь. Давали галеты, чай, мелкій сахаръ къ чаю, мясо, зелень, соль и коньякъ. Мясо варить намъ не въ чемъ было, поэтому брали банки отъ галетъ и на кострахъ въ такихъ кастрюляхъ готовили превкусный супъ. Чай, у кого не было стакановъ, пили изъ банокъ отъ соли или отъ консервовъ, а мясо брали руками. Нельзя было жаловаться, что давали мало, такъ какъ всѣ были сыты, къ тому же японскія галеты очень намъ нравились.

28 декабря, послѣ такой же томительной и холодной ночи, какъ и у укрѣпленія № 5, мы потянулись дальше къ вокзалу на станцію Инченцзы и снова расположились въ палаткахъ въ полѣ. У насъ были свои сабаки. Японцы большіе любители собакъ и выпрашивали ихъ у насъ. Они говорили, что все равно намъ не позволяютъ везти собакъ въ Японію, поэтому просили отдать имъ; приходилось разставаться съ любимыми животными. Я помню, какъ какой-то толстый забавный японскій кавалеристъ, пріѣхавшій изъ Портъ-Артура, выпросилъ пять собакъ, надѣлъ на нихъ арканы, и держа въ рукахъ веревки, вскочилъ на лошадь и поскакалъ навадъ. Однако нѣкоторымъ офицерамъ удалось провезти въ Японію своихъ

собакъ. Можетъ быть и я провезъ бы своего „Нодзу“, если бы онъ остался живъ.

Отъ Дальняго до Инченцы японцы успѣли про- вести узкоколейную, какъ у себя дома, желѣзную дорогу.

Въ палаткахъ съ устроенными внутри печур- ками было немного лучше, чѣмъ наканунѣ; но все-таки очаги грѣли немного, къ тому же япон- цы на каждую палатку отпускали на ночь только одинъ мѣшокъ угля. Къ 4 часамъ утра топливо истощалось и холодъ усиливался. Температура понизилась до 10°—12° ниже нуля. Лежали на землѣ ногами къ печуркѣ, такъ какъ офицеровъ было много. Офицеры съ „Отважнаго“ располо- жились вмѣстѣ съ офицерами „Гиляка“. Въ на- шей палаткѣ еще спало нѣсколько матросовъ. Я подложилъ подъ голову свою грязную котомку, завернулся въ одѣяло и заснулъ. Грязь сильно допекала насъ. Спать было невозможно. Все вре- мя просыпался отъ холода. Земля была мерзлая и служила слишкомъ жесткою постелью. Вста- нешь, отогрѣешься около печурки и снова ля- жешь. Закутаешься весь въ одѣяло, но холодный вѣтеръ изъ подъ палатки пронизывалъ насквозь.

29-го декабря японцы начали перевозить на поѣздахъ въ Дальній морскія команды. Около четырехъ часовъ на вокзалъ пріѣхалъ генераль

Стессель съ женой. Тутъ я увидѣлъ его вто- рично. Въ первый разъ видѣлъ его въ Портъ- Артурѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, проѣзжающаго вер- хомъ. Съ тѣхъ поръ не встрѣчалъ его. Стессель сильно измѣнился. Раньше былъ полный, бодрый, жизнерадостный. Теперь онъ сильно осунулся, постарѣлъ и уныло смотрѣлъ по сторонамъ. Ка- кихъ-то два японскихъ генерала провожали его. Мы знали, что генераль Стессель въ плѣнъ не пойдетъ, а все-таки удивлялись почему онъ, сдавъ непріятелю весь гарнизонъ, самъ возвращается въ Россію. И уѣхалъ то онъ, не простившись съ войсками!

Японцы сообщили намъ, что команды канонер- скихъ лодокъ поѣдутъ въ Дальній въ 6 часовъ вечера. Мы съ нетерпѣніемъ ждали этого момен- та. Наконецъ то пріѣдемъ въ городъ и помѣ- стимся гдѣ нибудь въ тепломъ углу. Но вотъ уже 6 часовъ, а о поѣздѣ нѣтъ и помину. Не- ужели ждетъ насъ опять холодная мучительная ночь въ палаткахъ?

Къ счастью въ одиннадцать часовъ подали поѣздъ. Онъ весь состоялъ изъ платформъ, на которыхъ возятъ орудія, песокъ и пр. Очевидно японцы не пожелали дать намъ хотя бы товар- ные вагоны. Насъ вмѣстѣ съ офицерами „Пере- свѣта“ и „Паллады“ размѣстили на платформахъ

человѣкъ по 30-ти на каждой. Тѣсно, холодно. Около часу насъ заставили сидѣть на морозѣ на этихъ платформахъ въ ожиданіи отхода поѣзда. Тронулся онъ только въ первомъ часу ночи. Всюду на площадкахъ стояли съ винтовками японскіе часовые. Поѣздка была не изъ веселыхъ. Часа черезъ три пріѣхали въ Дальній. Тамъ насъ повели въ какіе-то сараи или вѣрнѣе балаганы и сдѣлали чрезвычайно странный медицинскій осмотръ: японскіе санитары заставляли насъ высовывать языки, затѣмъ начинали трясти руку, взявъ её за большой палецъ. Для чего служилъ имъ этотъ пріемъ — до сихъ поръ осталось загадкой. Когда мы увидѣли подобный медицинскій осмотръ, то не могли удержаться отъ смѣха. Затѣмъ какой-то переводчикъ выдалъ намъ листы съ поясненіемъ, какъ надо производить „зиденфекцію“ *) помѣщеній. Но понять что либо изъ этихъ листовъ было очень трудно, такъ какъ они состояли изъ какого-то набора русскихъ словъ.

Изъ балагановъ насъ повели къ какому-то зданію. Тамъ всѣхъ офицеровъ выстроили и начали переписывать, потомъ предложили войти въ зданіе, назначенное намъ для житья. Войдя туда, мы увидѣли, что хуже подобнаго ничего быть не

*) Такъ было написано въ японскихъ постановленіяхъ.

можетъ. Грязь, мерзость, ни стола, ни стула. Подобіе грязнаго еврейскаго жилища. А вѣдь оказалось раньше это была женская гимназія, но когда японцы заняли Дальній, передѣлали это зданіе на свой ладъ и назвали „Мацу бара“ — сосновое поле.

Мы заявили протестъ и просили доложить генералу о невозможно скверномъ для житья помѣщеніи. Переводчикъ началъ ругаться и наконецъ пришлось смириться. Легли на грязный полъ, подложивъ подъ голову, что у кого было.

Зданіе было двухъ-этажное. Потолокъ былъ со щелями и съ верхняго этажа на насъ сыпалась всякая дрянь. Странно все-таки: въ городѣ такъ много хорошихъ домовъ и не могли помѣстить насъ лучше.

30-ое, 31-ое декабря и 1-ое января я прожилъ въ этомъ зданіи. Спать приходилось въ палато, такъ какъ было довольно холодно и постоянно откуда-то дулъ вѣтеръ.

Въ Дальнемъ намъ разрѣшилось гулять по шоссе передъ Мацубарой на разстояніи не болѣе 200 саженой. Вокругъ были разставлены часовые, а въ зданіи въ нѣкоторыхъ комнатахъ жили ихъ караулы. 30-го декабря японскіе офицеры приняли отъ насъ роты, и мы были отдѣлены отъ матросовъ, хотя и жили на одномъ дворѣ.

Я познакомился съ однимъ переводчикомъ—Санзо Симизу. Онъ былъ очень умный человекъ, окончилъ Токийскій университетъ, хорошо говорилъ по русски и начитанный. О всѣхъ нашихъ писателяхъ онъ имѣлъ очень хорошее понятие. Я узналъ отъ него про потери, которыя японцы понесли подъ Портъ-Артуромъ. Однихъ убитыхъ было свыше 60-ти тысячъ. При гибели „Хатсузе“ погибли всѣ. Симизу рассказывалъ, что гибель „Хатсузе“ и „Яшима“ произвела ошеломляющее впечатлѣніе на всю Японію, а на него особенно, такъ какъ тамъ погибъ одинъ лейтенантъ—лучшій его другъ. „Яшима“ затонулъ въ тотъ же день, когда японцы старались увести его въ Японію. При отраженіи атаки, которую мы называли „ночной балетъ“ погибло шесть миноносцевъ. Симизу утверждалъ, что эта война будетъ очень долгая. По расчетамъ японцевъ она можетъ затянуться на восемь лѣтъ. Онъ такъ же говорилъ, что если русскія войска будутъ все отступать и отступать, то японцы дойдутъ до Уральскихъ горъ, построятъ тамъ сильныя крѣпости и не пустятъ русскихъ. Больше имъ ничего не надо.

Недалеко отъ шоссе на полѣ лежали огромные запасы провіанта. Цѣлыя горы сложенныя изъ риса, сѣна, древеснаго угля, ящиковъ съ галетами и т. п. Кромѣ того тутъ было построено много

деревянныхъ сараевъ, которые тоже были заполнены различными предметами продовольствія.

Меня нѣсколько поразило отсутствіе женщинъ. Ни одной японки, ни одной иностранки не было видно во всемъ городѣ. Были только войска и рабочіе. Дѣйствительно у японцевъ на войнѣ женщинъ не было, между тѣмъ, какъ у насъ онѣ заполняли не только тѣ города, гдѣ квартировались войска, но жили даже вблизи позицій. Пользы, я думаю, отъ этого мало. Къ чему напримѣръ столько сестеръ милосердія? Отлично вѣдь существовалъ безъ нихъ офицерскій морской госпиталь въ Портъ-Артурѣ, и никто изъ раненыхъ отъ этого хуже себя не чувствовалъ. Я лично даже чувствовалъ себя лучше и свободнѣе. Въ одномъ Владивостокѣ, какъ мнѣ говорили, насчитывались сотни сестеръ милосердія, а раненыхъ тамъ почти и не было. Что же онѣ тамъ дѣлали? А вернувшись изъ плѣна въ ноябрѣ 1905 года, мы видѣли тамъ еще много сестеръ милосердія. Куда не оглянешься—сестра милосердія. Имѣтъ ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ такомъ количествѣ я думаю—лишнее. Онѣ хороши тамъ, куда эвакуируютъ раненыхъ, но не на поляхъ битвъ. У японцевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій сестеръ милосердія совершенно не было, но зато въ Японіи въ госпиталяхъ ихъ было довольно много.

Въ Дальнемъ японцы насъ хорошо кормили. Тамъ же были и маркитанты, которые продавали намъ миканы *), булки, виски, разные припасы и вещи. Супъ мы готовили въ жестяныхъ мискахъ, которыя были выданы намъ для умыванія; иногда приходилось варить въ жестянкахъ отъ галетъ; въ нихъ же кипятили и чай.

Каждый день часть сухопутныхъ войскъ отправляли въ Японію. еще много ихъ оставалось здѣсь, и мы ждали долгой очереди. Японцы все же обѣщали въ 10 дней всѣхъ отправить.

Ежедневно японцы объявляли, что вечеромъ въ послѣдній разъ будутъ принимать подписку отъ жаждущихъ права уѣхать въ Россію. Пройдетъ вечеръ—на слѣдующее утро опять объявление. Многіе офицеры, испытавъ обращеніе японцевъ въ первые дни плѣна, боялись его въ будущемъ и спѣшили подписаться. Каждый вечеръ въ комнату, гдѣ принималась подписка, являлось нѣсколько офицеровъ для подписи клятвенныхъ листовъ, дающей право вернуться на родину. Давшіе подписку должны были носить, для отличія отъ другихъ, на рукѣ красную перевязь. Число подписывающихся все увеличивалось и увели-

*) Родъ апельсиновъ, какъ мандарины; растутъ только въ Японіи.

чивалось. Мнѣ тоже очень хотѣлось въ Россію. Очень ужъ тяжело было выносить обращеніе японцевъ. Но я все-таки превозмогъ себя и воспользовался случаемъ поскорѣе уѣхать въ Японію—подальше отъ соблазна.

Въ ночь на 2-ое января пришелъ въ комнату, гдѣ я спалъ, одинъ изъ японскихъ переводчиковъ съ фонаремъ и началъ осматривать спавшихъ. Я спросилъ, что ему надо. Переводчикъ отвѣтилъ, что утромъ уходитъ въ Японію пароходъ, который повезетъ пять офицеровъ, не желающихъ дать подписку. Я попросилъ его устроить тамъ меня и еще четырехъ моихъ товарищей. Съ этимъ переводчикомъ я былъ знакомъ. Онъ былъ очень забавный и часто потѣшалъ насъ своими разговорами. По русски онъ говорилъ плохо. О русскихъ выражался такъ: „Русскіе нехорошій народъ: коварные, лживые, жестокие. Еще болѣе они хуже тѣмъ, что любятъ женщинъ, а женщина самое скверное существо, потому что у нихъ нечистая душа; кто же съ ней будетъ связываться, тотъ самъ становится такимъ“. Онъ говорилъ это такъ забавно и былъ такъ уморителенъ, что мы не могли не хохотать.

Я пошелъ наверхъ, гдѣ спали мои товарищи, разбудилъ ихъ и предложилъ завтра же утромъ уѣхать въ Японію. Они съ радостью приняли мое

предложеніе. Переводчикъ выдалъ намъ билеты. Мы должны были идти на пароходъ „Синкоомару“.

2-го января встали рано утромъ, одѣли сабли, взяли котомки и вышли на шоссе; съ нами пять матросовъ—нашихъ вѣстовыхъ. Около шоссе видимъ два столба; на одномъ написано: „Мѣсто для плѣнныхъ офицеровъ“, на другомъ: „Мѣсто для ѣдущихъ въ Россію“. Мы стали около перваго столба; около второго было уже большое число офицеровъ съ красными ленточками: какой-то огромный пассажирскій пароходъ уходилъ въ тотъ день въ Нагасаки.

Около столба простояли мы недолго. Черезъ полчаса подошелъ къ намъ какой-то японскій офицеръ и повелъ насъ на пристань. Онъ былъ красивой наружности, хорошо воспитанъ, джентельменъ и прекрасно говорящій по англійски. Всю дорогу онъ разговаривалъ съ нами. Отъ него мы узнали, что офицеромъ сталъ онъ только на войнѣ, что прежде былъ юристомъ и долго жилъ въ Америкѣ. Простился онъ съ нами на пароходѣ. Капитанъ, который со своими помощниками оказались очень симпатичными и обязательными людьми, очистили намъ свое помѣщеніе, а сами переселились въ штурманскую рубку. Трое моихъ товарищей расположились въ каютѣ капитана, а я съ однимъ мичманомъ въ каютѣ

двухъ его помощниковъ; наши же вѣстовые въ каютъ-компаніи помощниковъ; около 280 нашихъ матросовъ размѣстились въ трюмахъ. Японскій караулъ былъ небольшой—человѣкъ двадцать; можетъ быть онъ былъ и больше, но мы этого не замѣтили. На другихъ пароходахъ оказывалось, что караулъ состоялъ повидимому изъ 10—20 человѣкъ, но когда пароходы приходили въ Японію, откуда-то изъ трюма вылѣзало до роты японскихъ солдатъ. Очевидно японцы припрятавали ихъ на случай возмущенія.

Снялись съ якоря часовъ въ десять утра. Въ гавани проходили очень близко мимо японскихъ военныхъ судовъ „Чиньена“ и К⁰ (К⁰—„Матсушима“, „Игцукушима“ и „Хашидате“). Какіе хорошенькіе и чистенькіе были тѣ корабли. Все выкрашено, вычищено. На одной изъ Шимъ былъ поднятъ адмиральскій флагъ. Было еще нѣсколько миноносцевъ, канонерскихъ лодокъ и „Чиода“.

Въ 12 часовъ намъ подали завтракъ, состоящій изъ двухъ блюдъ и чаю, Кстати надо замѣтить, что на пароходѣ насъ кормили очень хорошо. Тамъ мы просто таки объѣдались. Подадутъ масло, хлѣбъ, огромное блюдо микановъ, сгущенное консервированное молоко или еще чего-нибудь—мы все съѣдали. Чувствовалась даже какая-то неловкость передъ японцами отъ подобнаго аппетита.

Къ нашему обѣду въ 5 часовъ вечера приходилъ капитанъ. Онъ обѣдалъ съ нами, а его помощники въ помѣщеніи нашихъ матросовъ. Мы о многомъ тогда бесѣдовали съ нимъ по-английски. Объяснялся капитанъ очень скверно и понять его было трудно. Между прочимъ отъ него мы узнали что наши миноносцы, ушедшіе изъ Портъ-Артура въ ночь на 2-ое декабря, благополучно укрылись, чѣмъ мы были очень довольны. Капитанъ былъ большой любитель японскаго вина „саке“ и къ столу оно всегда подавалось. Его пьютъ горячимъ изъ маленькихъ чашечекъ. Имѣетъ оно какой-то особый запахъ и довольно вкусное.

Вечеромъ съ разрѣшенія капитана намъ устроили ванну. Что за блаженство! Наконецъ-то впервые послѣ четырнадцатаго ноября удалось раздѣться, помыться и переѣмнить бѣлье.

Жизнь на пароходѣ показалась раемъ. Хорошо въ койкѣ: чистенько, уютно, одѣяла новыя, одно—подушки неудобныя. Своей у меня не было и спать пришлось на японскомъ валикѣ, туго набитомъ сѣномъ; но я скоро съ нимъ свыкъся.

Все свободное время мы проводили въ разговорахъ, гуляньи по палубѣ и игрѣ въ карты. У капитана былъ хорошій лакей Имай, очень услужливый, добрый и красивый японецъ. Однажды

въ каютѣ капитана я спросилъ его, что означаетъ ящикъ, висѣвшій на стѣнкѣ съ позолоченнымъ изображеніемъ какого-то чудовища. Имай, набожно скрестивъ руки, объяснилъ намъ знаками, что этотъ ящикъ всесильный и все можетъ сдѣлать, и что наша судьба зависитъ отъ того чудовища, которое красовалось внутри ящика. Не желая разувѣрять его, я съ нимъ согласился, и Имай остался очень доволенъ, что мы тоже съ благоговѣніемъ относимся къ ихъ богамъ. Въ углу капитанской каюты было много божковъ, красиво увѣшанныхъ различными бездѣлушками.

Послѣ обѣда на слѣдующій день капитанъ повелъ одного изъ нашихъ мичмановъ въ штурманскую рубку и тамъ указалъ на картѣ нашъ путь и мѣсто, гдѣ мы находились въ морѣ. Очень ужъ довѣрчивъ былъ капитанъ. Вѣдь мы же могли его и помощниковъ арестовать и уйти совсѣмъ не туда, куда ему было назначено привести пароходъ.

Вечеромъ въ своемъ кругу мы начали разсуждать, что хорошо было бы теперь ночью подговорить матросовъ связать японцевъ, запереть въ трюмъ, уйти въ Чифу и оттуда уѣхать въ Россію. Одинъ изъ нашихъ вѣстовыхъ, слушая это, сказалъ: „А что сдѣлаютъ японцы съ остальными нашими командами, которыя сидятъ еще въ Даль-

немъ, если мы уйдемъ на этомъ пароходѣ? Обсудивъ свое положеніе, мы рѣшили, что въ Чифу пройти почти невозможно, такъ какъ, когда пароходъ проходилъ мимо острововъ, онъ передавалъ на японскіе наблюдательные пункты какіе-то сигналы, откуда вѣроятно сообщали на слѣдующіе пункты о проходѣ судна съ плѣнными. Поверни мы назадъ, японцы сейчасъ бы замѣтили исчезновеніе парохода и послали бы погоню. Намъ еще занималъ вопросъ, что было бы, если мы и дошли бы до Чифу? У насъ на пароходѣ 280 матросовъ, какъ поступить съ ними? Обсудивъ все, рѣшили мы, что теперь невозможно уйти, лучше попытаемся потомъ—какъ-нибудь изъ Японіи.

Погода намъ благопріятствовала. Море все время было спокойное; дни солнечные. Пріятно идти ночью: иллюминаторовъ не зачѣмъ задраивать *); шли съ огнями; не боялись встрѣчи неприятеля; давно уже не ходили такимъ образомъ. Не то было въ Портъ-Артурѣ, когда изъ-за одного какого-нибудь огонька японцы могли произвести удачную атаку съ плачевными для насъ послѣдствіями.

Съ каждымъ днемъ становилось все теплѣе и теплѣе, и 3-го января уже была почти лѣтняя

*) Закрывать.

погода. Вечеромъ 4-го января мы вошли въ живописнѣйшій уголокъ земного шара—Симоносекскій проливъ. Его красота меня поразила. Мы долго стояли на ютѣ и любовались зеленѣющими горами, рейдами двухъ городковъ: Моджи и Симоносеки и чудными деревушками, расположенными на склонахъ горъ. Солнце бросало на все угасающіе лучи, разукрашивая картину прелестными причудливыми цвѣтами.

Въ 6 часовъ вечера стали на якорь у города Моджи. Солнце уже зашло. Сгущались сумерки. На берегу зажглись тысячи огоньковъ, ихъ отраженія въ водѣ, фантастически переливаясь, все болѣе и болѣе усиливаемыя темнотою, окружили, покрыли весь проливъ золотистыми узорами, манили мечтательный глазъ вглубь того неизвѣданнаго, что скрывалось за ихъ предѣлами. Скажу здѣсь, что всѣ берега Японіи усѣяны небольшими городками; и всюду, даже въ маленькой деревушкѣ, заведено электрическое освѣщеніе.

На слѣдующее утро опять мы любовались окружающимъ насъ пейзажемъ. Красивы японскіе домики и построены съ изяществомъ. Всюду сады, зелень. Недалеко отъ насъ возвышалась батарея съ мортирными орудіями. Въ бинокль отлично можно было рассмотреть ихъ положеніе. Подъ горой, гдѣ батарея, орудійный заводъ. Тогда на

немъ готовили крѣпостныя орудія и къ нимъ щиты.

Къ десяти часамъ пріѣхали японскіе доктора и осмотрѣли всѣхъ матросовъ, послѣ чего послѣдніе были перевезены въ Моджи. Изъ трюмовъ начали выгружать ящики отъ снарядовъ, гильзы, артиллерійскія повозки и двуколки, захваченныя гдѣ-то у насъ на сѣверѣ. Очевидно, японцы нагрузили ихъ въ Дальнемъ до насъ, и когда мы шли на пароходѣ, не знали о ихъ существованіи. Цѣлый день выгружали.

Въ четыре часа всѣхъ матросовъ свезли на берегъ и на пароходѣ остались мы—пять мичмановъ и пять нашихъ вѣстовыхъ. Мы хотѣли съѣхать на берегъ сдѣлать необходимыя покупки, но намъ не разрѣшили: капитанъ самъ отправился за торговцами. Вечеромъ онъ вернулся, привезъ къ чаю какихъ-то конфетъ и сказалъ, что завтра будутъ торговцы.

Дѣйствительно, они пріѣхали. Намъ хотѣлось купить бѣлье, воротнички, надувныя подушки и разную мелочь. Они съ любопытствомъ оглядывали насъ. Имай научилъ насъ говорить немного по-японски; но это оказалось лишнимъ, такъ какъ очень много туземцевъ говоритъ по-англійски. Днемъ прибыли японскіе артиллерійскіе фельдфебеля, поднесли намъ корзинки съ миканами и

обратились съ заученною на русскомъ языкѣ рѣчью. Они говорили, что теперь мы не враги ихъ, а хорошіе друзья, что они насъ очень уважаютъ. Мы отвѣтили подобною-же любезностью, но чѣмъ-либо отдарить не могли, такъ какъ ничего не имѣли.

Жизнь на кораблѣ текла плавно, мирно, хорошо. Черезъ 5 дней мы совершенно съ нимъ сжились и съ избыткомъ отдохнули отъ томительнаго похода изъ Артура въ Дальній. Одно плохо: отсутствіе свободы. Чувствовалась какая-то подневольная зависимость. Безъ чужого вѣдома нельзя сдѣлать ни шагу: положеніе арестанта, хотя и при хорошей обстановкѣ.

Въ четыре часа капитанъ уѣхалъ въ городъ и вернулся на слѣдующій день, — а старшій его помощникъ, штурманъ, занялъ у насъ за обѣдомъ капитанское мѣсто. Онъ говоритъ только на японскомъ языкѣ, и объясняться съ нимъ было невозможно. Видимо, желая быть намъ пріятнымъ, онъ обильно угощалъ насъ пивомъ и „саке“. Мы скоро влили въ себя столько пива, что каждая новая бутылка вызывала въ насъ одно лишь отвращеніе. Дѣлать нечего, приходилось пить поневолѣ, чтобы не обидѣть сильно уже захмелѣвшаго гостепріимнаго штурмана. Ему хотѣлось разговаривать съ нами, но тутъ то и была бѣда. Ничего

не выходило. Среди насъ оказался штурманскій офицеръ одного изъ броненосцевъ, чѣмъ японецъ былъ очень доволенъ, все чокался съ нимъ и говорилъ: „Уи наугетеръ“, что значило: „вы навигаторъ“. Мы тоже вторили: „аната навигетеръ“ и чокались. Въ этомъ и заключался весь нашъ разговоръ. Пробовали обмѣниваться мимикою и знаками, но неудачно. Вдругъ нашъ штурманъ что-то вспомнилъ, ушелъ и больше не возвращался. Вѣроятно у него было какое-то дѣло по службѣ на кораблѣ, о чемъ онъ забылъ, сидя среди насъ до восьми часовъ вечера. Скоро и мы изъ каютъ-компаніи разошлись спать.

На слѣдующій день седьмого января мы снялись съ якоря и направились въ городъ Узину, рядомъ съ Хиросимой. Шли Японскимъ Средиземнымъ моремъ. Едва ли въ мірѣ существуетъ, что-нибудь прелестнѣе этого. Плавалъ я въ Средиземномъ морѣ, проходилъ разными проливами, но великолѣпнѣе Японскаго Средиземнаго моря ничего не видѣлъ. Множество живописныхъ островковъ съ гористыми берегами, разсыпанные по склонамъ горъ городки и деревни, покрытые сплошь зеленью—составляли дивную картину—картину сказочную. Ночью, когда зажигались всюду электрическіе огни—еще великолѣпнѣе. Стоишь на палубѣ, любишь, мечтаешь... Да, это рай!

Капитанъ прекрасно управлялся своимъ кораблемъ и хотѣлъ намъ себя показать. Сидѣли мы разъ въ каютъ-компаніи, вдругъ онъ вбѣгаетъ и зоветъ насъ всѣхъ наверхъ и тамъ указываетъ на два острова, только что оставшіеся позади насъ. Проходъ между островами былъ чрезвычайно узкій. Мы никакъ не предполагали, что прошли такое мѣсто и дѣйствительно были поражены искусствомъ капитана. Вильни чуть-чуть рулемъ, мы коснулись бы острова.

Восьмого января утромъ пришли въ Узину и стали на якорь. День былъ дождливый. Узина карантинное мѣсто. Всѣ японскія войска, возвращавшіяся съ театра военныхъ дѣйствій и всѣ плѣнные, попадающіе въ Японію, должны пробывать тамъ не менѣе сутокъ.

Часа черезъ два къ пароходу подошла шлюпка. Мы простились съ радушнымъ капитаномъ, сѣли въ шлюпку и переѣхали на берегъ, откуда насъ сейчасъ же повели въ какое-то зданіе, съ торчащими возлѣ огромными печами. У вѣстовыхъ взяли вещи и разложили ихъ въ печахъ для „зиденфекціи“. Тамъ онѣ сильнымъ выпариваніемъ обеззараживались. Офицерскія вещи дезинфекціи не подвергались. Насъ провели въ одну изъ комнатъ и велѣли раздѣться. Было очень холодно, такъ какъ у японцевъ въ оконныхъ рамахъ вмѣсто

стекло тоненькая бумага, хорошо пропускающая свѣтъ. Японцы поставили хибачи и дали намъ теплые кимоно. Нашу одежду взяли для дезинфекціи, а насъ повели въ ванны. Офицеровъ было много. Насъ всѣхъ пятерыхъ посадили въ общую ванну, гдѣ мы сидѣли полчаса. Затѣмъ вернулись въ прежнее помѣщеніе, гдѣ уже лежала приготовленная наша одежда. Послѣ насъ въ ванну пошли слѣдующіе пять офицеровъ, за ними слѣдующіе пять и т. д. Вода не мѣнялась. Можно представить себѣ, что это была за вода послѣ пятой смѣны. Пребываніе въ ваннахъ было очень забавно. Старый полковникъ, бывший твой командиръ, идетъ вмѣстѣ съ тобою въ одну ванну. Нашимъ генераламъ тоже не суждено было избѣжать ванны. Одѣвшись, мы пошли въ бараки, гдѣ былъ поданъ завтракъ. Днемъ прибыло еще нѣсколько партій офицеровъ, вечеромъ еще прибавилось, такъ что всѣ бараки были заняты. Пароходы съ плѣнными приходили безпрестанно. Воображаю, что представляли изъ себя ванны къ концу вечера! Для офицеровъ имѣлись три ванны. Нижнихъ чиновъ сажали въ особые. Мыться не разрешали, а только просидѣть извѣстный срокъ. Въ этомъ и заключался карантинъ. Вода безъ всякихъ примѣсей, только очень горячая.

Бараки были расположены на ровномъ плацу.

Надъ ними возвышалась живописная гора. Хотѣлось бы погулять, но дождь мѣшалъ. Вечеромъ все же удалось выйти, и тутъ на плацу я увидѣлъ своихъ матросовъ съ „Отважнаго“. Подошелъ къ нимъ. Они говорили, что теперь себя чувствуютъ очень скверно и жаловались на сдачу Портъ-Артура. Гораздо лучше сидѣли бы тамъ и били японцевъ. Среди матросовъ много больныхъ, съ большимъ трудомъ двигающихся; японцы все-таки не обращали на нихъ никакого вниманія и заставляли ихъ дѣлать то же, что и здоровыхъ.

Переночевали мы въ баракахъ на кроватяхъ. Вездѣ чисто, опрятно; о прежней грязи ни помину. Я думаю, что японцы въ этомъ отношеніи первенствуютъ въ мірѣ.

На слѣдующій день утромъ всѣхъ офицеровъ и многихъ нижнихъ чиновъ на двухъ маленькихъ пароходахъ „Senkai № 1“ и „Senkai № 2“ повезли въ Такахаму — портъ Мацуямы. День солнечный. Воздухъ послѣ дождя необыкновенно свѣжъ. Проходили вблизи береговъ. На пути встрѣчалось много фунегъ *) съ рыбаками. Женщины работали наравнѣ съ мужчинами. Я видѣлъ въ Моджи, какъ одна японка съ ребенкомъ на спинѣ гребла

*) Фунегъ — небольшое парусное судно. (По-японски „фуне“ значитъ корабль).

большимъ весломъ въ то время, когда ея мужъ правилъ рулемъ и парусами. На берегу тѣ же прелестныя ландшафты. Во многихъ мѣстахъ встрѣчались небольшія батареи. Проходили мимо пироксилиновыхъ и пороховыхъ заводовъ. Все видѣнное указывало, какъ сильно вооружена Японія. Защиту ея береговъ далеко нельзя сравнить съ нашею. Я думаю, подойти къ Японіи невозможно, не говоря ужъ про высадку десанта. Этого-то никакъ не сдѣлать.

Въ два часа дня мы высадились въ Такахамѣ. Теперь мы на островѣ Сикокѣ, въ часѣ ѣзды отъ Мацуямы, гдѣ намъ предстоитъ томиться въ плѣну. Съ приѣздомъ въ Мацуяму кончатся наши скитанія. Но что насъ ждетъ впереди—въ плѣну?...

Въ Мацуямѣ.

Приѣздъ въ Мацуяму. Жизнь въ „Кванденси“. Карантинъ. Арестъ. Жизнь въ „Міоэндзи“. Разговоры съ японками—сосѣдками. Прогулка въ „Митцу“ и „Доого“. Охана санъ. Допросъ у полковника Кооно. Честное слово японца. Письма главнаго переводчика въ Мацуямѣ. „Соблюденіе строгой жизни“. Письмо Оханѣ санъ.

Въ Такахамѣ всѣ здоровые вышли на берегъ; на пароходѣ остались больные, изъ которыхъ многіе не только ходить, но даже встать не могли. Японцы принесли носилки, разложили на землѣ и затѣмъ, перенесли съ парохода больныхъ и раненыхъ, положили ихъ на носилки. Недалеко была станція желѣзной дороги. Надо было подождать подачи поѣзда, который отвезетъ насъ въ Мацуяму. Начальникъ станціи попросилъ насъ собраться въ одномъ мѣстѣ и черезъ переводчика обратился къ намъ съ рѣчью. Сначала онъ выражалъ радость по поводу того, что ему первому на японской землѣ выпало на долю встрѣтить

такихъ храбрыхъ воиновъ; потомъ онъ „сожалѣвалъ“, что намъ придется жить въ плѣну; въ заключеніе же высказывалъ надежду, что онъ часто будетъ насъ видѣть своими гостями въ Такахамѣ.

При входѣ въ вокзалъ виднѣлась висящая на стѣнѣ слѣдующая надпись на русскомъ языкѣ:

„Жители города Такахамы привѣтствуютъ дорогихъ воиновъ, храбро сражавшихся за свое отечество. Просятъ не забывать и почаще навѣщать“.

Очень мило и трогательно! Но было бы не лишнее, чтобы любезные жители города просили бы о томъ также и японскую администрацію, которая, какъ оказалось впоследствии, когда мы очутились въ Мацуямѣ, не только не пускала насъ въ Такахаму, но даже рѣдко на улицу въ Мацуямѣ, не говоря уже о томъ, чтобы кого-нибудь навѣстить—этого нельзя: внутрь домовъ намъ воспрещалось входить.

Около желѣзнодорожной станціи на берегу моря, въ кіоскѣ, молоденькая японка продавала миканы, папелмусты и другіе фрукты. Видно, что она насъ ждала: очень эффектно одѣлась къ нашему приѣзду. Поѣзда пришлось ждать довольно долго, поэтому мы сѣли около японки и начали ухаживать. Она насъ угощала японскимъ чаемъ, нали-

вая его въ маленькія чашечки своими крохотными ручками. Давно уже мы не видѣли такого созданища. Довольно красивая она сразу приобрѣла себѣ много поклонниковъ.

Поѣздъ подали въ четыре часа. Разставшись съ гостепріимною японкою, мы сѣли въ маленькіе вагончики и быстро понеслись въ Мацуяму. Проѣзжали черезъ небольшой тоннель, мимо горъ, небольшихъ бамбуковыхъ лѣсовъ и полей. Все было замѣчательно красиво. Всюду выдѣлялись изящество и искусство. Прелестны горы, гдѣ устроены поля. Всѣ склоны обдѣланы террасами. Не видно клочка земли, котораго бы человѣческая рука не коснулась. Все зеленѣло: въ Японіи нѣтъ зимы; она круглый годъ въ зелени и цвѣтахъ.

Отъ Такахамы до Мацуямы двѣ промежуточные станціи: „Митцу“ и „Комачи“. Поѣздъ стоялъ тамъ не больше двухъ минутъ. Черезъ часъ приѣхали въ Мацуяму. Наконецъ-то окончились наши скитанія, продолжавшіяся 21 день отъ Артура до Мацуямы.

На вокзалѣ въ Мацуямѣ насъ выстроили, считали и повели въ предназначенное для нашего житья зданіе. Охъ ужъ эти счеты! На каждомъ маленькомъ перекресткѣ во время нашего шествія въ плѣнъ насъ постоянно выстраивали и считали. Какой-нибудь японскій солдатъ построить

насъ и давай считать. Считаетъ разъ, другой, третій; кажется всѣ,—довольно было бы! нѣтъ, онъ еще разъ. Разницы между штабъ и оберъ офицерами не дѣлалось.

Мы проходили по какимъ-то улицамъ, впервые увидѣвъ японскій городъ, его дома и лавочки. На улицахъ тьма мальчиковъ и дѣвочекъ. Можно подуматъ, что японцы очень плодovиты. Неудивительно, что тѣсно жить у себя, и они должны переселиться на материкъ. При такомъ размноженіи имъ скоро мало будетъ земель, пріобрѣтенныхъ послѣднею войною. Черезъ лѣтъ 10—20 снова придется воевать изъ за территоріи.

Насъ привели къ храму съ названіемъ „Кванденсія“. Тамъ на дворѣ вручили печатные бланки, которые мы должны были тогда же заполнить и сдать обратно. Эти бланки почти не отличались отъ выданныхъ въ Портъ-Артуръ около клятвенной палатки. Вскорѣ пріѣхалъ на джиприкшѣ завѣдующій военноплѣнными въ Мацуямѣ жандармскій полковникъ Кооно. Насъ всѣхъ собрали около него, и онъ черезъ переводчика держалъ рѣчь. Насколько припоминаю, она походила на рѣчи, не разъ выслушанныя нами отъ различныхъ японскихъ офицеровъ и генераловъ. Во-первыхъ, они говорили, что имъ пріятно видѣть храбрыхъ воиновъ; во-вторыхъ, „сожалѣвали“ (такъ

говорили всѣ переводчики), что насъ приходится помѣщать въ неудобныхъ зданіяхъ; въ третьихъ извинялись за нехорошую погоду, но тутъ же утѣшали, что дожди скоро пройдутъ, и мы будемъ чувствовать себя хорошо; въ заключеніе же высказывали надежду, что мы будемъ соблюдать установленныя японцами правила и этимъ подержимъ высокое званіе русскаго воина.

Послѣ этого полковникъ Кооно объявилъ, что все оружіе, которое мы имѣли право носить по VII-ой ст. капитуляціи, будетъ у насъ отнято, и чтобы мы написали на ярлычкахъ свои фамиліи и привязали ихъ къ своимъ саблямъ. Мы запротестовали, объясняя, что онъ этого дѣлать не можетъ безъ приказанія микадо, такъ какъ микадо пожаловалъ намъ оружіе. Полковникъ Кооно отвѣтилъ, что онъ пошлетъ телеграмму военному министру, но мы все-таки должны сдать оружіе. Тогда мы заявили съ своей стороны, что напишемъ протестъ французскому консулу, подъ покровительствомъ котораго состоятъ русскіе плѣнные. Затѣмъ Кооно уѣхалъ.

На дворѣ намъ дали прочесть правила для военно-плѣнныхъ и наказанія, налагаемыя за нарушеніе правилъ. По этимъ правиламъ всѣ письма надо было сдавать въ канцелярію при помѣщеніи военно-плѣнныхъ; во время прогулокъ нельзя

было отлучаться от конвоирующих солдат; побѣгъ наказывался очень строго; при попыткѣ къ побѣгу нѣсколькими людьми, главарь предавался смертной казни. Самое малое наказаніе было три мѣсяца тюрьмы. По прочтеніи правилъ каждый офицеръ долженъ былъ расписаться.

Раньше за побѣгъ плѣнные не подвергались смертной казни. Подобное наказаніе вышло незадолго до нашего прибытія въ Мацуяму. Тамъ былъ одинъ казачій офицеръ, взятый гдѣ-то на сѣверѣ въ первые мѣсяцы войны. Онъ былъ въ бѣгахъ три раза. Сначала его посадили въ тюрьму въ Мацуямѣ на два мѣсяца, затѣмъ на шесть мѣсяцевъ; онъ все-таки бѣжалъ и въ третій разъ съ нѣсколькими нижними чинами. Но японцы его поймали; тутъ онъ при паденіи съ горы сломалъ себѣ два ребра. Японцы послѣ третьяго побѣга приговорили его къ смертной казни. Мы, узнавъ объ этомъ, написали протестъ, и его присудили на 15 лѣтъ въ каторжныя работы на о-въ Формозу. Ходили слухи, что когда его везли туда, онъ удачно бѣжалъ при помощи одной японки. Насколько это вѣрно не знаю; одно мнѣ извѣстно, что онъ теперь въ Россіи и получилъ Георгіевскій крестъ. Послѣ третьяго побѣга этого офицера японцы порѣшили, что главарь бѣжавшей шайки будетъ предаваться смертной казни.

Всѣ формальности окончены; намъ разрѣшено войти въ храмъ и занять мѣста. Тамъ жило уже нѣсколько офицеровъ, пріѣхавшихъ за послѣдніе два дня. Мы могли размѣщаться въ двухъ мѣстахъ: въ храмѣ и большомъ двухъ этажномъ домѣ. Комнатъ тамъ никакихъ—общія помѣщенія. Офицеры поселились въ храмѣ и въ верхнемъ этажѣ дома; въ нижнемъ жили матросы и солдаты. Я занялъ мѣсто около дверей въ храмѣ; рядомъ со мной помѣстился заурядъ-прапорщикъ. Вечеромъ намъ выдали тюфяки, одѣяла, вальки подъ головы и по двѣ простыни. Получивъ эти вещи, мы начали располагаться на занятыхъ мѣстахъ. Кроватей не было; постели дѣлали себѣ на полу. Храмъ нѣсколько мраченъ; оконъ мало, и то бумажныя.

Около храма небольшой садикъ; тамъ посреди прудокъ въ двѣ квадратныя сажени. Здѣсь мы и гуляли. У воротъ постоянно стояли часовые. Японскій караулъ помѣщался въ небольшомъ домикѣ, возлѣ воротъ храма.

На слѣдующій день намъ разрѣшили идти въ городъ за покупками; насъ однихъ никогда туда не пускали, а всегда въ сопровожденіи японскихъ солдатъ. Это было очень непріятно и страшно стѣснительно. Внутри домовъ запрещалось входить. Нехорошо было, если собиралось въ городъ

много офицеровъ, такъ какъ если одинъ захочетъ остановиться въ какой-нибудь лавкѣ, то всѣ остальные должны были ждать его; кто-нибудь уйдетъ въ другую лавку, японскій солдатъ сейчасъ же возвращалъ назадъ; иногда безцеремонные конвойные хватали за рукавъ и оттаскивали. Захочешь пойти по одной улицѣ, японскій солдатъ сворачиваетъ на другую, и мы должны были во всемъ ему повиноваться. Такимъ образомъ, когда ходило въ городъ много офицеровъ, не всѣ успѣвали дѣлать то, что хотѣли. Пойдешь на слѣдующій день, опять не купишь того, что хотѣлъ. Солдатъ, сопровождающихъ насъ, часто мѣняли: полковникъ Кооно опасался, чтобы они, привязавшись къ намъ, не начали бы исполнять наши порученія. Все-таки намъ иногда удавалось привлекать ихъ на свою сторону. Пойдешь два—три раза подрядъ съ однимъ и тѣмъ же солдатомъ, купишь ему какую-нибудь бездѣлушку, и вотъ онъ старается услужить и исполнить твои прихоти. Помню, я подарилъ однажды солдату цѣпочку къ часамъ, которую купилъ за двѣ йены; онъ былъ такъ мнѣ этимъ обязанъ, что сталъ лучшимъ моимъ слугою; очень просилъ, чтобы я никому не рассказаль о своемъ подаркѣ, что я конечно исполнилъ и держалъ въ строжайшей тайнѣ. Если бы японское начальство узнало о

пріемъ солдатомъ подарка, ему не миновать тогда тюрьмы, да и мнѣ прошло бы это не даромъ: тоже былъ бы наказанъ.

На улицѣ мы увидали много дѣтей, накупили микановъ и начали раздавать имъ. Дѣти, окруживъ насъ, весело играли, но японскій полицейскій вмѣшался, разогналъ дѣтей и сказалъ солдату, чтобы тотъ не позволялъ намъ дѣлать что либо подобное. Такое грубое вмѣшательство полицейскаго удивило насъ и раздосадовало. Видно онъ не понималъ хорошихъ отношеній. Мы себѣ купили сундуки для вещей и къ 4 часамъ вернулись на квартиру. Въ январѣ мѣсяцъ позже 4 часовъ плѣннымъ въ городъ нельзя было оставаться.

11 января у насъ отобрали оружіе. Мы должны были привязать ярлычки со своими фамиліями къ саблямъ, кортикамъ и положить ихъ на кровати. Пришелъ японскій фельдфебель, все собралъ и куда-то унесъ.

Въ „Кванденсіи“ потекла очень скучная, сѣрая, обыденная жизнь. Вставали мы обыкновенно часовъ въ восемь, затѣмъ мылись на дворѣ; тогда было холодно, такъ какъ стоялъ январь, и случались дни, когда шелъ снѣгъ. Вмѣсто бани въ сараѣ была устроена ванна, гдѣ тоже холодно было мыться. Затѣмъ мы пили чай и послѣ чаю

садились заниматься японскимъ языкомъ; для этого купили себѣ учебники. Завтраки и обѣды намъ варилъ вѣстовой. Японцы давали провизію, но очень скупо; хотя на каждого плѣннаго офицера и отпускалось по 64 сены, но далеко не вся сумма въ Мацуямѣ шла на ѣду. Переводчики говорили намъ, что полковникъ Кооно тутъ очень много грѣшилъ. Въ іюнѣ меня переселили въ городъ Осаку, и разница въ пищу показала, что въ Мацуямѣ на этотъ счетъ были злоупотребленія. Казалось бы, что въ Осакѣ должны кормить хуже: тамъ во-первыхъ, все было дороже, а во-вторыхъ, плѣнныхъ офицеровъ было почти въ шесть разъ меньше, нежели въ Мацуямѣ, гдѣ и провизія потому должна была обходиться дешевле. Въ Мацуямѣ на ѣду намъ приходилось доплачивать свои деньги, а давали ихъ мало—30 іень въ мѣсяць. Больше половины шло на пищу.

Завтракали мы часовъ въ 12 или въ часъ. Обѣдали въ шесть часовъ, а потомъ ложились спать. Скука была страшная. Отъ нечего дѣлать многіе спали цѣлыми днями. Погулять невозможно, такъ какъ дворикъ очень маленькій, а насъ жило около 60-ти офицеровъ.

Черезъ нѣсколько дней къ намъ пріѣхалъ изъ Кобе французскій консуль. Мы составили протестъ объ отнятіи у насъ оружія, всѣ подписали

и подали консулу. Полковникъ Кооно посадилъ одного поручика въ тюрьму на 32 дня за то, что послѣдній рѣзко съ нимъ разговаривалъ, когда Кооно объявлялъ объ отнятіи оружія. Нашъ протестъ остался безъ всякихъ послѣдствій.

Въ городъ мы выходили изрѣдка, такъ какъ для сопровожденія насъ было назначено только два солдата, и то одинъ изъ нихъ ходилъ съ офицерами къ зубному врачу. Поэтому трудно было вырваться въ городъ, а желающихъ много. Скука страшная. Дворъ намъ сильно опротивѣлъ. Кругомъ высокій заборъ отдѣлялъ насъ отъ улицы. Отгоняя скуку, устроили мы у забора скамеечки, становились на нихъ и смотрѣли на улицу. Однажды нѣсколько нашихъ офицеровъ смотрѣли такимъ образомъ изъ за забора. Японскій солдатъ, замѣтивъ это, подошелъ со стороны улицы и началъ замахиваться имъ въ лицо штыкомъ. Эта выходка солдата ихъ страшно обидѣла, такъ какъ онъ сдѣлалъ это безъ предупрежденія, и они пожаловались японскому офицеру, завѣдующему „Кванденсію“. Ихъ жалоба осталась тщетною.

Въ 9 часовъ вечера всѣ нижніе чины по звонку должны были выстраиваться на дворѣ, гдѣ японцы считали ихъ. Офицеровъ они не считали, а только

по ночамъ приходили часовые съ фонарями и осматривали всѣ постели.

Однажды я долго засидѣлся у офицера, взятаго въ плѣнъ изъ арміи генерала Куропаткина въ іюлѣ мѣсяцѣ и жившаго въ „Кванденсіи“ въ отдѣльной комнатѣ. Японцы рѣдко къ нему заглядывали. Я сидѣлъ у него до двухъ часовъ ночи. Японцы по пустой постели замѣтили мое отсутствіе. Узнавъ объ этомъ, я рѣшилъ переночевать у офицера, чтобы ввести японцевъ въ заблужденіе. Ночью часовые нѣсколько разъ приходили въ храмъ и съ безпокойствомъ смотрѣли на мою постель. Утромъ дано было знать полковнику Кооно, что я бѣжалъ. Начали всюду меня разыскивать, но никому не пришло въ голову заглянуть въ комнату того офицера, гдѣ я спокойно сидѣлъ за столомъ и читалъ книгу. Полковникъ Кооно приказалъ полиціи и жандармамъ немедленно приступить къ розыскамъ бѣжавшаго офицера. До четырехъ часовъ дня я не показывался. Наконецъ Кооно приказалъ взять мои вещи и отнести къ нему. Когда офицеры сказали мнѣ, что японцы ломаютъ мой сундучекъ, я вышелъ на дворъ и спросилъ переводчика, на какомъ основаніи они ломаютъ мои вещи. Японцы были крайне удивлены, увидавъ меня, а переводчикъ объяснилъ, что я считаюсь бѣжавшимъ, и

что приказано вскрыть мой чемоданъ и описать вещи. На вопросы японцевъ, гдѣ я былъ ночью и днемъ, я отвѣтилъ, что въ Кванденсіи, но они ни за что не хотѣли вѣрить и подозрѣвали, что я самовольно ночью отлучился въ городъ. Полковникъ Кооно сильно негодовалъ на меня, но наложить какое-нибудь наказаніе онъ не могъ, такъ какъ не было причинъ; къ тому же всѣ розыски жандармовъ и полиціи, былъ ли я въ городѣ, ни къ чему не привели. Послѣ этого полковникъ Кооно рѣшилъ мнѣ отомстить.

Съ этого дня всѣ офицеры должны были къ 9 часамъ вечера собираться въ помѣщеніяхъ, гдѣ они спали, и тамъ японцы постоянно насъ пересчитывали. Ужасные эти счеты! Какъ они надоѣли!

На третій день по прибытіи въ Мацуяму нѣсколькимъ офицерамъ разрѣшили до 9 часовъ вечера отправиться въ помѣщеніе „Дебучи-мачи“, гдѣ жили плѣнные офицеры съ „Рюрика“. Тамъ узнали много интереснаго про Владивостокскіе крейсера и про бой перваго августа. Насъ всѣхъ поражало, что командующій флотомъ не вышелъ на крейсерахъ въ море, а оставался во Владивостокѣ, когда Артурская и Владивостокская эскадры пошли на соединеніе. Бой „Рюрика“ былъ выдающимся. „Рюрикъ“ два часа дрался еще съ эскадрой адмирала Камимурѣ, когда другіе крей-

сера, оставивъ его, ушли во Владивостокъ. Какое же тутъ можетъ быть сравненіе съ боемъ подъ Чемульпо. Въ бою „Рюрика“ ничего показного не было. Онъ начавъ биться, довелъ бой до конца—до момента, когда не было никакой возможности бороться дальше. Когда „Рюрикъ“ погибъ, плававшіе въ водѣ офицеры и матросы не надѣялись на спасеніе. Это настоящіе большіе герои, и къ сожалѣнію они забыты. Японцы высоко ставили ихъ подвигъ—ставили его въ примѣръ своимъ. У нихъ такъ же, какъ и портреты ихъ героя Такео Хиросе, есть картинки этого боя и открытыя письма съ фотографіей „Рюрика“, гдѣ помѣщена очень лестная для рюриковцевъ надпись.

Въ Дебучи-мачи жили два артурскихъ офицера, взятые въ плѣнъ незадолго до паденія крѣпости. Ихъ исторія очень интересна. Раньше они на одномъ изъ миноносцевъ совершили походъ въ Чифу, для отправки оттуда какихъ-то важныхъ донесеній. Взорвавъ свой миноносецъ, они непременно хотѣли вновь попасть на театръ военныхъ дѣйствій и поѣхали въ Шанхай, чтобы оттуда какимъ-нибудь путемъ пробраться во Владивостокъ или Артуръ. Къ ихъ счастью одинъ пароходъ скоро долженъ былъ пойти во Владивостокъ и принялъ ихъ къ себѣ. По пути японцы захва-

тили его и привели въ Сасебо. Офицеры старались какъ-нибудь вырваться изъ Японіи. Для этой цѣли одинъ назвался нѣмцемъ, а другой польскимъ жидомъ. Такъ какъ они не русскіе, японцы не имѣли права задерживать ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то подозрѣвая, помѣстили ихъ на нѣкоторое время въ Сасебо, чтобы присмотрѣться и затѣмъ отпустить, если не найдется ничего, что могло бы выдавать въ нихъ русскихъ. Часто японцы будили ихъ по ночамъ и задавали вопросы на русскомъ языкѣ. Офицеры притворялись мастерски и рѣшительно ничѣмъ не выдавали себя. Японцамъ удалось снять съ нихъ фотографіи; отвезли эти фотографіи въ Шанхай и тамъ показали аскольдовымъ матросамъ, спрашивая, не знаютъ ли тѣ, кто это такіе. „Какъ же, знаемъ“,—отвѣчали матросы, „это нашъ баринъ, командиръ миноносца“. Офицеры узнали, что съ нихъ сняты фотографіи; далѣе притворяются имъ не было никакого смысла, а японцы сильно недоѣдали своими приставаніями. Однажды ночью, когда японцы уже знали, кто были плѣнные, пришли къ нимъ, разбудили и спросили по-русски одного офицера: „Вы командиръ такого-то миноносца?“ Офицеръ разсердившись, отвѣтилъ: „Убирайтесь вы всѣ къ черту! Да, я командиръ миноносца!“ Послѣ этого ихъ скоро отправили

изъ Сасебо въ Мацуяму, гдѣ они просидѣли до конца войны.

15 января одинъ офицеръ жившій въ храмѣ заболѣлъ оспой. Такая же болѣзнь одновременно постигла другого офицера, помѣщавшагося въ баракахъ, гдѣ жили раненые и больные. На время войны въ различныхъ городахъ Японіи было построено много бараконъ. Въ Мацуямѣ на огромномъ плацу расположено было до 30 бараконъ. Въ Осакѣ они находились въ двухъ мѣстахъ въ количествѣ до двухсотъ. При осадѣ Портъ-Артура всѣ бараки въ Осакѣ были наполнены ранеными изъ артурской осадной арміи. При баракахъ служило много сестеръ-милосердія. Японки въ этомъ занятіи очень хороши и внимательно относятся къ своимъ обязанностямъ.

Съ 17 января японцы наложили девятидневный карантинъ на наше помѣщеніе и бараки. Карантинъ заключался въ томъ, что насъ никуда не выпускали; сами же японцы приходили туда и уходили, предварительно вымывъ руки карболовою водою. На дворѣ разложили костеръ, гдѣ сжигалось все, что выметалось изъ помѣщеній. 18 января пришелъ докторъ и началъ намъ на дворѣ прививать оспу. Скука угнетала насъ во время карантина. Сидѣніе въ немъ казалось очень долгимъ.

26 января карантинъ окончился. Въ Мацуяму пріѣхалъ начальникъ гарнизона генералъ Окабе для осмотра военнопленныхъ. Полковникъ Кооно заставлялъ всѣхъ офицеровъ выходить на дворъ. Въ одномъ изъ помѣщеній офицеры не хотѣли этого исполнить и просили говорить съ ними въ зданіи. Кооно возмущился просьбой и потребовалъ исполненія его желанія. Всѣ офицеры вышли за исключеніемъ шести штабъ-офицеровъ, оставшихся въ зданіи. Кооно послалъ караулъ, приказавъ вывести офицеровъ насильно. Офицеры вышли. Кооно началъ говорить имъ дерзости и ударилъ одного офицера саблей по ногамъ; тогда офицеръ ударилъ Кооно; послѣдній вызвалъ караулъ. Генералъ, сказавъ рѣчь, ушелъ. Шестеро штабъ-офицеровъ, не вышедшихъ сразу на дворъ встрѣтитъ генерала, были посажены въ тюрьму на различные сроки отъ 22 до 36 сутокъ.

Когда генералъ посѣтилъ наше помѣщеніе, насъ уже не заставили выйти на дворъ, а попросили всѣхъ собраться въ храмъ, куда пришелъ генералъ. Онъ вошелъ, прихрамывая, сталъ, не снимая фуражки, и началъ говорить рѣчь. Какъ и всѣ японцы, онъ „сожалѣвалъ“, что мы помѣщены въ плохомъ зданіи, радовался, что видитъ насъ, извинялся за дурную погоду и надѣялся, что мы будемъ исполнять всѣ ихъ правила. Ге-

нераль Окабе былъ раненъ въ Японо-Китайскую войну; одна нога у него была короче другой и имѣла какой-то крючковатый видъ. Наши матросы ненавидѣли и его, и полковника Кооно и говорили японскимъ солдатамъ: „Это тараканы отгрызли вашему генералу ногу, оттого онъ и ходитъ такимъ раскорякой“.

26 января нашихъ штабъ-офицеровъ посадили въ тюрьму, а 27 утромъ по этому случаю былъ наложенъ домашній арестъ на всѣхъ прочихъ плѣнныхъ офицеровъ. Японцы домашній арестъ называли: „соблюденіе строгой жизни“. Такимъ образомъ мы, отсидѣвъ двое сутокъ въ карантинѣ, должны были „соблюдать строгую жизнь“. Причемъ мы тутъ, что другіе офицеры не вышли на дворъ? Полковникъ Кооно былъ или тяжело-думъ, или же злился, не зная на комъ выместить свою ненависть.

28 января, какъ разъ въ день нашего производства въ мичманы, морскихъ офицеровъ перевели изъ „Кванденсіи“ въ другой храмъ „Миоэндзи“. Это зданіе было впервые приготовлено для плѣнныхъ офицеровъ. Мы пришли первыми, и я занялъ хорошенькую комнатку въ отдѣльномъ небольшомъ двухъ этажномъ домикѣ, каждый этажъ котораго состоялъ изъ одной комнатки; мы заняли верхнюю. Тутъ было гораздо лучше,

нежели въ Кванденсіи. Передъ комнаткой миниатюрный балконъ—шириною въ поларшина. Тутъ было гораздо чище; всѣ циновки новыя. Жизнь казалось потечетъ гораздо лучше нежели прежде. Въ Миоэндзи переселилось 12 офицеровъ изъ „Кванденсіи“, остальные изъ бараконъ; всего 37 человекъ. Намъ выдали совершенно новыя матрацы, одѣяла, простыни. Въ верхней комнаткѣ помѣстились мы—пять мичмановъ, шедшихъ на пароходѣ „Син-коо-мару“. Устроились прекрасно и жили тихо, мирно. Комнатка была очень маленькая: длиною 7 шаговъ, шириною 5. Кроватей не было. Въ самомъ храмѣ офицеры потомъ на свой счетъ поставили перегородки и кровати; но у насъ въ комнаткѣ невысказано было это сдѣлать, поэтому мы матрацы убрали и спали просто на циновкахъ, положивъ на нихъ толстыя ватныя одѣяла, по-японски „фтоны“. Каждому офицеру было выдано по два одѣяла, потому что температура внутри ихъ помѣщеній мало отличается отъ наружной. На день мы сворачивали свои постели, и помѣщеніе для насъ дѣлалось достаточнымъ. Посреди стоялъ столъ. Наша комнатка очень понравилась прочимъ офицерамъ, и они часто проводили у насъ время. Никому не позволялось входить въ сапогахъ, почему циновки оставались постоянно чистыми. Сами мы ходили

по японски въ „таби“ *) и „гетахъ“ **) или „зори“ ***), а сапоги одѣвали только уходя въ городъ. Почти всѣ офицеры носили „зори“. Въ японскихъ домахъ нѣтъ никакой мебели, и они все дѣлаютъ на полу, отъ чего страшно дорожатъ чистотой пола. Нѣтъ ничего проще японскаго дома. Онъ состоитъ изъ 4-хъ столбовъ по угламъ и черепичной крыши; по большей части домъ имѣетъ только полъ; небольшой домъ днемъ состоитъ изъ одной комнаты, которая на ночь разгораживается ширмами на столько отдѣлений, сколько нужно спаленъ. Снаружи домъ ограждается двумя рядами ширмъ: внутреннимъ бумажнымъ, открываемымъ на день, и наружнымъ деревяннымъ который выдвигается на ночь изъ небольшого устроеннаго шкапика, чтобы лучше закрыть жилище отъ внѣшняго міра. Въ Японіи есть много домовъ, защищаемыхъ на ночь такимъ образомъ, и они съ трудомъ могутъ поддержать человѣка, прислонившагося къ стѣнѣ. Однажды я, разбѣжавшись въ Міоэндзи, не могъ остановиться передъ стѣнкой нашего дома и пролетѣлъ ее насквозь, сломавъ ее и оцарапавъ конечно

*) Таби—японскіе носки объ одномъ пальцѣ.

**) Геты—японскія деревянные колодки, служащія имъ обувью.

***) Зори — соломенные туфли.

сильно себѣ руки и лицо. У болѣе зажиточныхъ японцевъ дома раздѣляются на постоянныя комнаты при помощи деревянныхъ рамъ со штукатуркой, спускаемыхъ съ потолка внизъ на одинъ или на два фута, чтобы поддержать ширмы. Нѣкоторые имѣютъ въ своихъ домахъ даже стеклянные окна, но большинство довольствуется свѣтомъ, пропускаемымъ бумагою. Дома, имѣющіе окна, по большей части устроены съ наружными стѣнками; но внутри они всетаки перегораживаются бумажными ширмами, когда необходимо раздѣлить домъ на комнаты. Дома богатыхъ японцевъ—тѣ же европейскіе дома, лишь съ причудливыми отдѣлками въ японскомъ вкусѣ. Въ домахъ нѣтъ каминовъ, и потому вы никогда не можете достаточно согрѣться. Въ холодное время японцы сидятъ на корточкахъ и надъ сосудомъ съ горячимъ древеснымъ углемъ грѣютъ руки. Эти сосуды называются „хибачами“. Мы жили по-японски и у насъ было замѣчательно чисто.

До 8-го февраля мы всѣ, какъ арестованные, никуда не могли выходить. При „Міоэндзи“ два небольшихъ дворика: одинъ—передній съ улицы, а другой—кладбище. На кладбищѣ много различныхъ памятниковъ: камни, дощечки съ надписями, бамбуковые стаканы для цвѣтовъ, огромные съ письменами длинные флаги, висящіе на длинныхъ

бамбуковыхъ шестахъ. Мы прогуливались обыкновенно на кладбищѣ между памятниками, такъ какъ передній дворикъ былъ очень малъ. У японцевъ всѣ трупы сжигаютъ и хоронятъ только пепель въ небольшой урнѣ, такъ что не много мѣста требуется для погребенія большого количества умершихъ.

Жизнь въ Миоэнди мы вели такую же, что и въ Кванденси. Пить начали сильнѣе: скука заѣдала. Читать нечего, газетъ нѣтъ, разговаривать не о чемъ—что же дѣлать? Въ каждомъ зданіи для военноплѣнныхъ былъ маркитантъ; у него можно было купить пива и виски. Онъ продавалъ еще какой-то японскій спиртъ, изъ котораго мы приготовляли себѣ водку. Водка получалась крайне скверная, такъ какъ спиртъ отдавалъ какимъ-то запахомъ. Чтобы какъ-нибудь ослабить запахъ, клали въ водку папельмустовыя корки, но мало помогало. Приходилось пить или эту водку или виски. Больше пили водку, такъ какъ виски дороже стоило; бутылка 1 р. 40 коп., а бутылка спирту 85 коп. Появилась даже русская водка Петра Смирнова, но это была поддѣлка; она приготовлялась изъ того же японскаго спирта и на ярлыкахъ вмѣсто надписи: „у Чугуннаго моста“ было написано „у Чугуннаго моота“. Вотъ по ярлыку-то и открыли сразу поддѣлку. Черезъ

мѣсяцъ появилась и настоящая смирновская водка, но за бутылку ея брали 3 іены.

Рядомъ съ нами садикъ сосѣдняго дома, въ верхнемъ этажѣ котораго жили двѣ японки. Передъ нашей комнаткой возвышалась крыша маленькаго домика, и изъ за крыши временами выглядывали эти японки. Увидавъ ихъ впервые, мы поклонились; онѣ отвѣтили; завязалось знакомство. Къ сожалѣнію совершенно не могли разговаривать, не понимая другъ-друга. Начали изучать японскій языкъ; купили словари, японскую азбуку и скоро научились писать „катаканой“ *). Напишешь что-нибудь по японски на большомъ листѣ бумаги и покажешь изъ окна; японки прочтутъ, напишутъ отвѣтъ и покажутъ намъ. Такъ и переговаривались. Обыкновенно съ вечера мы заготовляли цѣлую серію листовъ, написанныхъ по японски и утромъ, поздоровавшись, показывали ихъ изъ окна. Это занимало и насъ и японку.

Въ городъ мы, какъ арестованные, ходить не могли, поэтому если надо было что нибудь купить, посылали за торговцами, и тѣ приносили необходимыя вещи. Желая украсить свой балкон-

*) У японцевъ двѣ азбуки: „катакана“ и „хирокана“. Больше ученые пишутъ китайскими буквами—„канзе“.

чикъ, я купилъ матеріи. Большими кусками краснаго и голубого шелковаго крепу я увѣшалъ наше большое окно съ балкончикомъ. Японки любовались и однажды попросили подарить имъ матерію. Я тогда снялъ крепъ и перебросилъ его изъ нашей комнаты черезъ крышу къ японкамъ. Этотъ подарокъ имѣлъ роковыя для меня послѣдствія, чего я цѣлый мѣсяцъ и не подозрѣвалъ.

Такъ мы переговаривались письменно съ сосѣдками, никакъ не подозрѣвая, что за нами зорко слѣдили японцы. Видѣли мы, какъ иногда проходили по улицѣ за нашими двориками полицейскіе, но не обращали на нихъ вниманія. Пройдетъ полицейскій, посмотритъ на насъ, скроется иногда въ зелени и оттуда уже слѣдитъ за нами. Ничего запрещеннаго мы не дѣлали и поэтому оставались спокойными. Мало по малу, переписываясь съ японками на большихъ листахъ, мы начали немного говорить по японски. Пустое занятіе принесло намъ пользу. Въ продолженіе всего ареста мы переговаривались. Тамъ жили мать и дочь. Дочери лѣтъ 15 — очень хорошенькая, но и мать, несмотря на свои годы, не уступала ей. Мать была даже лучше. Дочь училась въ гимназій.

8 февраля генералъ приказалъ снять арестъ и отправить офицеровъ на прогулку въ пригородныя

мѣста. Въ этотъ день мы съ японскимъ офицеромъ, завѣдывающимъ Міоэндзи поѣхали по желѣзной дорогѣ въ городъ „Гунчю“. Прогулка не интересная. Насъ повели къ берегу моря; осмотрѣлись тамъ. Затѣмъ посѣтили японскую гостиницу — „ядою“. Она была совершенно пуста — ни души. Мы сняли сапоги при входѣ, сѣли на полъ и пили пиво. Передъ „ядоией“ зеленѣлъ садикъ. Намъ разрѣшено было погулять тамъ, но за ворота выходить запрещалось. Передъ ядойей собралась огромная толпа народу — глазѣтъ на насъ. Это было не особенно пріятно. Пробыли въ ядойѣ около часу, отправились затѣмъ на вокзалъ и поѣхали обратно въ Мацуяму. Прогулка была хороша тѣмъ, что мы немного расшевелились. Съ интересомъ проѣзжали мимо рисовыхъ полей и различныхъ японскихъ построекъ. Цивилизація сильно коснулась японцевъ. Тамъ нѣтъ деревушки, гдѣ бы не было электрическаго освѣщенія. Рикша на что ужъ бѣдный, но и у него въ сарайчикѣ, гдѣ живетъ, горитъ электрическая лампочка. Японскіе города поражаютъ своей чистотой. Всюду сбоку улицъ проведены канавки, по которымъ течетъ вода, освѣжая воздухъ. Пріятно, что на улицѣ нѣтъ такой пыли, какъ у насъ въ городахъ. Войдешь въ лавочку или въ домикъ и поражаешься чистотой. Смотри на поля, сады —

удивляешься изяществу и искусству, съ какими они воздѣланы. Все миниатюрно, но зато и прелестно. Японцы вполне сѣумѣли трудами своихъ рукъ поднять и усилить привлекательность красоты страшно любимой ими родины. Одно нехорошо при этомъ—это отсутствіе музыки: японцы не музыкальны. Волшебная была-бы страна—оживи ее музыкою.

8 февраля завѣдывать нашимъ помѣщеніемъ назначили другого офицера. Прежній былъ хороший человѣкъ, и мы жили съ нимъ очень мирно. Новый былъ очень молодъ, лишь недавно былъ произведенъ въ офицеры.

На слѣдующій день подобная же поѣздка предполагалась въ мѣстечко Доого. Тамъ были сѣрные источники и при нихъ ванны. Мы рѣшили поѣхать въ ванны. Зданіе ваннъ было очень хорошее. Помывшись, мы вышли посидѣть въ одну изъ комнатъ. Какъ и всюду въ Японіи, ванны и помѣщенія блистали чистотой. Ваннами пользовалось сразу нѣсколько человѣкъ. Одинъ бассейнъ былъ общій, гдѣ каждый за 5 сенъ могъ выкупаться. Вода очень горячая. Мыться въ ваннахъ нельзя. Кто хотѣлъ помыться, долженъ былъ выйти изъ ванны и могъ мыться изъ шаекъ, которыхъ тамъ было достаточно, набирая воду изъ подъ крана. Въ ваннахъ непрерывно смѣнялась

проточная вода. Послѣ этой поѣздки мы начали часто посѣщать Доогосскія ванны.

Послѣ нашего купанья, двѣ японки, прислуживающія въ занятой нами комнатѣ, подали миканы, пива, чаю, кастеры и сѣли рядомъ съ нами. Онѣ были очень молоды — одной лѣтъ 14; мы ее называли „Курица-санъ“, другой 16, ее звали „Охана-санъ“, на японскомъ языкѣ „госпожа цвѣточекъ“. Съ нами сидѣли два японскихъ офицера: одинъ принималъ Міоэндзи, а другой сдавалъ, отправляясь послѣ этого въ Манджурію на театръ военныхъ дѣйствій. Японки были крайне ласковы и симпатичны. Все время шутили, разговаривали, смѣялись, и въ ихъ присутствіи было очень весело. Воображаю, какъ скучали бы мы, если бы сидѣли одни съ двумя японскими офицерами. Больше года я не былъ въ обществѣ женщинъ и теперь чувствовалъ себя великолѣпно. Въ 4 часа мы должны были покинуть Доого и возвращаться въ Мацуяму. Прощаясь, японки очень просили насъ почаще навѣщать ихъ. Мы конечно обѣщали.

На слѣдующій день намъ разрѣшено было ходить въ городъ съ провожатыми японскими солдатами. Въ Міоэндзи для этой цѣли было назначено трое солдатъ. Одинъ ходилъ съ офицерами въ городъ, другой къ зубному врачу, третій ѣздилъ въ ванны въ Доого. Въ зданіи находилась книга,

въ которой офицеры съ вечера должны были записать, кто куда отправится, а утромъ по этимъ записямъ собирались на дворъ и предводительствуемые солдатами уходили.

Мацуяма начала сильно обогащаться и принимать видъ обрусѣвшаго города. Изъ Кобе и Нагасакъ прибыли богатые торговцы съ хорошими товарами и на магазинахъ появились русскія вывѣски. Изъ Инасы пріѣхала Омацу-санъ съ Казачкой и Цыганкой. Всюду на улицахъ слышалась русская рѣчь. Коренные Мацуямскіе жители и торговцы начали изучать русскій языкъ, чтобы не отстать отъ пріѣзжихъ конкурентовъ.

Въ первые дни нашего пребыванія въ Мацуямѣ нельзя было купить себѣ рубашки, а теперь появился даже самоваръ. Какой то японецъ вздумалъ открыть въ Мацуямѣ нѣчто похожее на ресторанъ и въ то же время продавать различныя древнія японскія вещи; даже устроилъ тиръ. На вопросъ японскаго переводчика, какъ назвать по русски такое заведеніе, я отвѣтилъ, что самое подходящее названіе будетъ „Гостинный дворъ“; каждый офицеръ по одному названію будетъ увѣренъ, что тамъ можно будетъ все достать. Однако японецъ скоро прогорѣлъ и принужденъ былъ закрыть свой „Гостинный дворъ“, такъ какъ тамъ подавали только чай съ кастерой и продавали

различныя шлемы, старинную одежду, вазы—вообще все то, что намъ не годилось, а тиромъ никто не интересовался. Если и хотѣли тамъ чтонибудь купить, то не покупали изъ за дороговизны. Войдя въ магазинъ, я былъ удивленъ цѣной, поставленной на самомъ обыкновенномъ стеклянномъ графинѣ. Было написано 60 іенъ. Спрашиваю, почему такъ дорого? Отвѣчаютъ: „Корева модтомо фуруино десу. Ни яку нень“. (Это очень древнее—200 лѣтъ). „Ну батенька, далеко не поѣдешь съ такими древностями“,—отвѣтилъ ему я. Нашелъ онъ кого обманывать. 200 лѣтъ тому назадъ такого графина не было. Это самый современный графинъ. Да и не все ли равно: 200 лѣтъ графину или 5, разъ онъ ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ, которые мы можемъ достать въ самой маленькой посудной лавчонкѣ. Благодаря его обману у него никто ничего не покупалъ, и рѣдко къ нему заходили.

Выходить почаще куда либо мы не могли, такъ какъ по праздничнымъ днямъ и въ дни маневровъ мацуямскаго гарнизона мы должны были сидѣть дома. А праздники и маневры были многочисленны. Каждый бой они праздновали. Кромѣ того у нихъ было много своихъ національныхъ праздниковъ; изъ нихъ нѣкоторые продолжались по нѣсколько дней. Такъ, „Сайзицу“—восшествіе

на престолъ японскаго императора праздновалось три дня. Каждый мѣсяцъ имѣлъ свой особый праздникъ, были различные праздники дѣтей, мальчиковъ, дѣвочекъ, воскресенья и т. п. На праздникъ дѣтей японцы въ своихъ дворахъ вывѣшивали на огромныхъ бамбуковыхъ шестахъ разноцвѣтныхъ рыбъ. Число вывѣшенныхъ рыбъ соответствовало числу дѣтей въ семьѣ. Рыбы различались своей величиной; висѣли огромныя—сажени три длиною и короткія, до одного аршина, что указывало на возрастъ дѣтей. Помню, однажды вся Мацуяма пестрѣла рыбами, развѣвались флаги, черезъ улицы были протянуты цвѣтныя гирлянды, дома увѣшаны тысячами разноцвѣтныхъ фонарей; все это очень украшало городъ. Рыбы висѣли въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Въ началѣ глазъ не могъ привыкнуть къ подобной пестротѣ.

Черезъ нѣсколько дней я снова поѣхалъ въ Доого съ тремя офицерами. Охана-санъ какъ разъ уѣзжала въ Мацуяму. Одѣтая въ новыя роскошныя кимоно она была прелестна. Посидѣвъ немного и поговоривъ съ нами, она уѣхала, напоминая не забывать ее и почаще навѣщать—ей ужасно скучно. Мы обѣщали.

Невозможно было ѣздить туда чаще чѣмъ черезъ день. Меня опять повлекло туда. Покупавшись въ ваннахъ, офицеры вышли въ комнату

посидѣть и выпить пива съ кастерой и миканами.

Пришла Охана-санъ. У меня была съ собой записная книжечка, въ которую она записала что-то по-японски. Мнѣ ужасно хотѣлось узнать, что бы это было, и поэтому я началъ усиленно изучать японскій языкъ. Показать какому-нибудь японцу написанное Оханой-санъ нельзя: они всѣ шпионы, сейчасъ бы донесли полковнику Кооно, и Охану-санъ жестоко наказали-бы. Я долженъ былъ самъ настолько овладѣть языкомъ, чтобы прочесть. Азбуку я уже зналъ, надо было изучить слова и обороты рѣчи. Нѣкоторыя слова мнѣ были извѣстны, но понять содержанія я не могъ. Въ это время три мичмана по вечерамъ приходили въ японскую канцелярію и занимались тамъ съ фельдфебелемъ Міазаки японскимъ языкомъ. За ученіе мы должны были научить его по-русски, что было очень трудно. Міазаки былъ крайне неспособенъ къ языкамъ и никакъ не могъ усвоить многихъ словъ. За все время ученья, онъ только могъ сказать „дополудня“ и „посулѣ полудня“; больше почти ничего. Эти слова для него были очень важны. Когда приходили къ нему спрашивать, можно ли пойти въ городъ, онъ по своему усмотрѣнію назначалъ: „до полудня“ или „посулѣ полудня“, а иногда и совсѣмъ не разрѣ-

шалъ. Наши успѣхи оказались быстрыми, мы уже начали говорить по-японски, съ каждымъ днемъ къ нашему лексикону прибавлялись новыя слова, и я уже не только могъ разбирать письма Оханьсанъ, но даже самъ писалъ ей на ея родномъ языкѣ.

Я часто ѣздилъ въ Доого. При первой возможности записывался въ число идущихъ туда и посѣщалъ ванны. Жизнь наша потекла очень скучно. Вставали въ 8 часовъ, затѣмъ ѣздили въ Доого, гдѣ старались пробыть возможно дольше; возвращались въ часъ—два часа дня; за завтракомъ много пили; послѣ завтрака большинство ложились спать до ужина. Въ 7 часовъ ужинали, опять много пили, и садились играть въ карты. Играли въ макао. Всѣ шли по банку. Въ концѣ концовъ деньги скоплялись у одного изъ офицеровъ. Часа въ два—три ложились спать. На слѣдующій день въ 8 часовъ снова ѣхали въ Доого, и за всю поѣздку расплачивался выигравшій наканунѣ. Въ жизни мы всѣ привыкли другъ къ другу и сдѣлались закадычными друзьями. Осада Артура, а затѣмъ тяжелый плѣнъ сильно сблизили всѣхъ. Только въ несчастяхъ люди такъ привязываются другъ къ другу.

Такъ проходилъ день за днемъ. Придумать что-нибудь новое не могли: наша свобода была очень

ограничена, наши интересы слишкомъ сѣзались. Мы начали развлекаться разными дружескими попойками. Если случались чьи-нибудь именины или день рожденія, то былъ большой праздникъ. Къ нему заранѣе готовились, устраивали чудный обѣдъ, говорили спичи, пѣли пѣсни, читали стихотворенія, написанныя на эту тему и восхваляли виновника торжества. Часто пѣли „Артуріаду“—пѣсню, въ которой изображена вся осада Артура. На всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, были очень мило и остроумно написаны стихотворенія, съ яркою характеристикой ихъ. Отъ такихъ обѣдовъ вставали обыкновенно покачиваясь и садились играть въ карты, игры были для насъ забавны и интересны. Хорошо что нашлись карты. Онѣ значительно развлекали скуку. Безъ нихъ, не знаю, какъ пришлось бы коротать тоскливые, длинные дни плѣна. Однажды около 2-хъ часовъ ночи къ намъ пришелъ дежурный по гарнизону японскій офицеръ и, увидя играющихъ, подошелъ къ столу и смѣшалъ въ одну кучу всѣ деньги и карты. Мы возмутились, вскочили, требуя объясненій. Офицеръ одною рукою взялся за саблю и свиснулъ. Немедленно вошелъ караулъ съ винтовками. Не желая имѣть съ нимъ непріятности, мы ушли, оставивъ его одного. Наша жалоба, поданная по поводу невоспитанности офицера, осталась безъ послѣдствій.

Я уже давно пересталъ переговариваться посредствомъ большихъ листовъ бумаги съ нашими сосѣдками, часто выглядывавшими изъ своего дома, и совершенно забылъ ихъ.

Въ городѣ нерѣдко я покупалъ себѣ различныхъ птицъ и занимался разведениемъ ихъ. У меня было много клѣтокъ съ канарейками, рисовками, маленькими зелеными попугайчиками—„inséparable“ и многими другими. Потомъ я построилъ огромную клѣтку на кладбищѣ надъ кустомъ и перевелъ туда всѣхъ птицъ. Во время сидѣнія въ Мюэндзи я былъ постоянно ими занятъ. У меня ихъ было 60 съ лишкомъ. Особенно нравились мнѣ зеленые попугайчики и маленькія птички различныхъ цвѣтовъ, во множествѣ водящіяся въ Японіи на рисовыхъ поляхъ. Онѣ по величинѣ напоминаютъ колибри. Для нихъ было сдѣлано маленькое крытое гнѣздышко, куда ихъ забиралось на ночь иногда до 30-ти штукъ. Набьются очень плотно, сидятъ одна на другой. Подойдешь къ клѣткѣ, постучишь по гнѣздышку и крикнешь: „всѣ наверхъ!“ Тотчасъ всѣ птички одна за другой вылетали изъ гнѣздышка и кружились въ клѣткѣ. Забавныя были птички! Канарейки очень часто высиживали дѣтенышей, но никогда не удавалось ихъ вырастить: самцы постоянно выбрасывали ихъ изъ гнѣздышекъ. Одного „inséparable“ я сдѣлалъ совершенно руч-

нымъ, онъ часто сидѣлъ у меня на плечѣ или на головѣ. Этотъ родъ очень красивъ; въ особенности на лету, они тогда имѣли видъ большой прелестной бабочки.

Кромѣ птицъ забавлялись боемъ пѣтуховъ. Увидавъ гдѣ-нибудь въ городѣ большого пѣтуха, покупали его, затѣмъ держали нѣкоторое время въ клѣткѣ, пѣтухъ становился злымъ, тогда выпускали его и сводили съ другимъ пѣтухомъ, не менѣе сердитымъ. Происходилъ смертный бой; одинъ изъ пѣтуховъ погибалъ. Эти зрѣлища насъ очень развлекали.

Я подружился съ Оханой-санъ. Но всегда около насъ сидѣлъ японскій солдатъ. Не желая, чтобы онъ слышалъ наши разговоры, я переписывался съ ней. Прийдя домой, поздно вечеромъ всегда садился за письмо. Утромъ отвозилъ, а у нея всегда было готово письмо для меня. Такимъ образомъ быстро подвигались мои познанія въ японскомъ языкѣ. Кромѣ „катаканы“ я быстро изучилъ и „хирокану“.

Однажды проѣзжая мимо маленькой лавчонки, мы купили тамъ дешевыхъ куколъ и привезли въ Доого. Онѣ очень понравились Оханѣ-санъ, и мы ихъ ей подарили. Она при насъ начала играть. Скоро наступала 17-ая годовщина ея рожденія. Къ этому дню мы привезли подарки; кто куклы,

кто духи, брошки. Я подарилъ ей золотые ча-
сики, сдѣлавъ на нихъ надпись на японскомъ
языкѣ. Охана-санъ была крайне обрадована. Она
видимо сильно полюбила всѣхъ насъ и сочувство-
вала нашей жизни. И теперь я часто съ ней пе-
реписываюсь, и она постоянно вспоминаетъ всѣхъ
знакомыхъ мичмановъ, и проситъ кланяться имъ,
а иногда и передаетъ имъ кое-какія порученія.

Мирно, безъ всякихъ приключеній прожилъ я
тутъ до 10-го марта. Въ этотъ день я былъ въ
городѣ. По возвращеніи узналъ, что одного мич-
мана изъ верхней комнаты потребовалъ къ себѣ
полковникъ Кооно запискою, и что тамъ упоми-
налось еще о какомъ-то офицерѣ, но о комъ именно
самъ Кооно не зналъ. Въ 5 часовъ пришелъ изъ
управленія военно-плѣнныхъ японскій солдатъ и
принесъ приказаніе полковника Кооно немедленно
мнѣ явиться къ нему. Незадолго до этого мы пи-
сали въ контору „Holms et Ringer“ въ Нагасаки
съ просьбой выслать намъ въ счетъ жалованья
нѣсколько денегъ. Въ Портъ-Артурѣ въ послѣдніе
мѣсяцы не было денегъ, и на многихъ корабляхъ
тогда совсѣмъ не выдавали жалованья. Были офи-
церы, получившіе послѣднее жалованье въ іюль
1904 года; а съ тѣхъ поръ прошло 7 мѣсяцевъ.
Денегъ ни у кого почти не было, мы рѣшили ихъ
занять въ конторѣ „Holms et Ringer“ и послали

туда телеграмму съ указаніемъ офицеровъ, желаю-
щихъ получить деньги. Телеграмму написалъ ре-
визоръ одного изъ броненосцевъ, а я ее отпра-
вилъ. Теперь какъ разъ потребовали меня и ре-
визора къ полковнику Кооно. Я такъ и думалъ,
что меня требуютъ въ управленіе по этому по-
воду, что деньги пришли, и что полковникъ Кооно
выдастъ ихъ намъ.

Каково было мое удивленіе, когда я вошелъ
въ управленіе! Въ комнатѣ, куда меня привели,
за небольшимъ круглымъ столомъ сидѣлъ полков-
никъ Кооно, нашъ мичманъ, переводчикъ и жан-
дармскій офицеръ—адъютантъ Кооно. Еще больше
я изумился при первомъ заданномъ вопросѣ: „Не
знаете ли вы своихъ сосѣдокъ?“. Это меня озада-
чило. Минуту я стоялъ въ нерѣшительности, но
сообразивъ, что вопросъ этотъ можетъ повести
за собой важныя послѣдствія, отвѣтилъ вполне
спокойно: „Какъ же, прекрасно знаю“. Послѣ
этого у насъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Разскажите, что вы знаете про нихъ?

— Кто онѣ и чѣмъ занимаются—понятія не
имѣю, но ихъ лица много разъ видѣлъ, когда
смотрѣлъ изъ окна. Иногда разговаривалъ съ ними,
но очень мало, такъ какъ не знаю японскаго
языка.

— Вы были когда-нибудь у нихъ?

— Никогда не былъ. Да и не знаю, какъ пройти къ нимъ.

— Японка мнѣ говорила, что Вы бывали у нея нѣсколько разъ.

Я сильно возмущился на эти слова и, не видя тутъ хитрости полковника Кооно, сказалъ:

— Японка лжетъ! Ее слѣдуетъ наказать за лживыя показанія.

— Я этого не знаю. Она теперъ сидитъ арестованная и чистосердечно созналась, что не разъ принимала васъ, и что вы нѣсколько разъ ночевали тамъ.

Тутъ мы поняли, что Кооно хитритъ. Въ то же время намъ было обидно за неповинно арестованную японку. Надо было ее защитить. Кооно нѣсколько разъ уговаривалъ насъ сознаться, что мы ночевали у нея. Мы всякими способами доказывали, что все это неправда, что японка не могла этого говорить, что ничего подобнаго не было. Долго спорили съ полковникомъ, онъ все стоялъ на своемъ. Наконецъ мы его просили позвать японку, чтобы она при насъ подтвердила свои слова. Послѣ колебаній Кооно согласился. Пока ждали японку, намъ подали чашки съ шоколадомъ и по кусочку сахару, разговоръ перемѣнился. Говорили про Сибирь, про жизнь въ Россіи. Мы утверждали, что Сибирь богатая страна, но мало

воздѣльвается. Кооно увѣрялъ, что японцы послѣ войны будутъ помогать русскимъ обрабатывать ее. Мы соглашались, что это было бы очень пріятно, но выражали сомнѣніе, что врядъ ли допустить японцевъ къ этому русской народъ. Полковникъ во время разговора пожелалъ мнѣ быть въ будущемъ такимъ же талантливымъ, какъ адмиралъ Макаровъ. На это я ему изъясилъ свое пожеланіе, чтобы онъ сталъ такимъ же умнымъ, какъ генералъ Куроки. Въ колкихъ любезностяхъ коротали мы время. Въ 7 часовъ вечера принесли какой-то узелокъ, положили на столъ и развязали. Увидавъ его содержимое, я не могъ не улыбнуться. Тамъ былъ крепъ полтора мѣсяца тому назадъ подаренный мною японкѣ, старая туфля, грязныя смоченныя дождемъ папиросы и кусокъ отломанной отъ крыши черепицы. Такъ вотъ доказательство нашего посѣщенія японки! Ну и хитры же японцы! Все это вѣскія доказательства: кусокъ черепицы показывалъ, что мы переходили въ комнаты японки по крышѣ; старая туфля, оставленная на крышѣ, объясняла то же самое, папиросы, найденныя во дворѣ подъ крышей, обличали, что мы уронили ихъ, когда тамъ были, а матерія довершала всѣ показанія:—за милый пріемъ японка была удостоена подарка.

Послѣ всего этого очень трудно было убѣдить

Кооно, что всѣ ихъ догадки ложны, что улики не серьезны. Я рассказала, какъ подарилъ кусокъ крепу, доказывая, что кусочковъ черепицъ подъ каждой крышей можно собрать сколько угодно, что тупля на крышѣ оказалась очень просто: матросы часто ненужныя вещи изъ нашей комнаты перебрасывали въ сосѣдній дворъ черезъ крышу, что эту туплю много разъ видѣли на крышѣ, пока наконецъ ее не взялъ японскій полицейскій, что папирось и окурковъ тоже можно много найти на томъ дворѣ, не удивительно, если бы папиросы были найдены и на крышѣ.

Какъ не искренни были наши показанія, полковникъ Кооно все-таки не вѣрилъ. Ждали прихода японки; она должна была разсѣять всѣ недоразумѣнія. А что это такъ будетъ, мы не сомнѣвались: мы не только не были у нея, но не имѣли даже никакого желанія посѣтить ее. Только для препровожденія времени мы переговаривались съ нею.

Наконецъ доложили полковнику о приходѣ японки; приказано ее позвать. Японка вошла тихо, боязливо, все время шипя*) и кланяясь. Она бо-

*) Когда японцы выражаютъ свое довольство или уваженіе, кланяются, вдыхая при этомъ въ себя воздухъ, вслѣдствіе чего всегда при подобныхъ случаяхъ издаютъ звукъ, похожій на шипѣніе.

ялась даже взглянуть на окружающихъ. Полковникъ сѣлъ съ нею за отдѣльный столъ и началъ допрашивать, а мы преспокойно допивали свой шоколадъ. Кооно замѣтно сердился и иногда возвышалъ голосъ; но мы мало могли понять изъ вопроса. Наконецъ Кооно что-то внушительно сказалъ и отпустилъ японку. Послѣдняя ушла съ довольнымъ лицомъ, шипя и кланяясь.

Кооно снова сѣлъ за нашъ столъ, сообщилъ, что мы правы, и что японка дѣйствительно подтверждаетъ наши слова. Мы хотѣли узнать, останется ли весь этотъ инцидентъ безъ послѣдствій, или же на насъ наложатъ наказаніе. Отвѣтъ гласилъ, что никакой вины за нами нѣтъ, слѣдовательно о наказаніи не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе мы не имѣли основаній довѣрять и заставили полковника Кооно дать въ этомъ честное слово. Имѣя честное слово представителя японской націи въ Мацуямѣ и изучивъ уже немного характеръ японцевъ, мы все-таки не повѣрили.

Черезъ нѣкоторое время намъ дали листы бумаги. Насъ и раньше заставляли давать письменныя показанія, но мы отказались. Теперь что-то новое! Полковникъ Кооно требовалъ, чтобы мы дали слово впредь до разрѣшенія не быть въ связи съ женщинами и говорилъ, что это разрѣшеніе скоро выйдетъ. Было 9 часовъ вечера. Ёсть

ужасно хотѣлось. Вѣдь кажется уже все, инцидентъ исчерпанъ. Нѣтъ! ему еще чего-то надо. Долго мы не соглашались давать какую-либо подписку; наконецъ, видя, что Кооно отъ насъ не отстанетъ, я написалъ: „Въ близкомъ сношеніи съ женщиной не буду до разрѣшенія“, и отдалъ этотъ листъ полковнику. Послѣ этого мы требовали, чтобы этотъ листъ остался въ тайнѣ между нами и полковникомъ Кооно. Послѣдній обѣщалъ. Но обѣщанію его мы не вѣрили. Онъ тогда далъ намъ слово японскаго офицера, что никому не покажетъ его и что никакого наказанія на насъ не наложить. Мы все же еще не вѣрили и настаивали на дѣйствительности этого слова, упираясь на двухъ свидѣтелей даннаго намъ честнаго слова: старшаго переводчика при управленіи военноплѣнныхъ города Мацуямы Кубо и жандармскаго офицера—адъютанта полковника. Кооно разсердившись, сказалъ. „Разъ японецъ даетъ слово, онъ всегда его сдержитъ“. Послѣ этого мы простились ушли.

Наши товарищи, долго насъ ожидая, думали, что мы посажены въ тюрьму. Вернувшись въ Міоэндзи, мы рассказали имъ дословно все происшедшее у полковника, не скрывая конечно и о моей подпискѣ. Было очень комично, всѣ долго смѣялись. Многіе этотъ забавный случай записали въ свои мемуары.

Черезъ день утромъ пришелъ уже приказъ отъ Кооно, никуда не выпускать насъ впредь до освобожденія. Насъ это возмутило. Намъ не вѣрилось, такъ какъ онъ далъ честное слово, что никакого наказанія не будетъ, да и вины у насъ никакой не нашель. Предполагали, что это ошибка и просили завѣдующаго плѣнными въ Міоэндзи, узнать въ управленіи, въ чемъ дѣло? Послѣдній вернувшись объявилъ намъ, что приказъ полковника не ошибоченъ. Я тогда написалъ заявленіе, выражая удивленіе по поводу наложеннаго на насъ наказанія и просилъ пояснить какими основаніями руководился при этомъ полковникъ. Наши офицеры передавали изъ устъ въ уста о нашей исторіи, и она скоро всѣмъ стала извѣстной. Дня черезъ два пришелъ въ Міоэндзи офицеръ изъ помѣщенія Дайринди и сказалъ, что онъ видѣлъ въ книгѣ у полковника Кооно мою подписку. Ясно было, что слово Кооно не стоитъ ломаннаго гроша. Въ этомъ поступкѣ вырисовывался его низкій характеръ. Тогда не дождавшись еще отвѣта на первое заявленіе, я написалъ второе, гдѣ просилъ назначить мнѣ время для личныхъ переговоровъ по поводу даннаго въ присутствіи свидѣтелей слова и не сдержаннаго. Кооно не счелъ нужнымъ отвѣтить мнѣ, а поручилъ это сдѣлать своему старшему переводчику, и я получилъ слѣдующее письмо:

„Господамъ

О у и Д у.

Симъ Отвѣчаю что, то врѣмя совѣршено вѣрно я перевелъ и отвѣчалъ, Наказаніе особенно для Васъ небуду. Это канечно для уголовный кодексъ.

Воздержность конечно особо подумайте самъ себе о совѣсть, что ухаживать или шутить имѣющій мужвымъ женщинами.

Переводчикъ Кубо

въ главную Управл. Воен. плѣн.

27 марта н/с 905

Мацуяма“.

Такое глупое письмо, равно какъ и поведеніе Кооно насъ еще больше возмутило. Онъ самъ не хотѣлъ объясниться съ нами, боясь очевидно, чтобы мы ему не высказали правды, а поручилъ переводчику писать какія-то записки. Рѣчь шла о неблаговидномъ поступкѣ Кооно; онъ не сдержалъ своего слова, оскорбляя этимъ и свою націю. Вѣдь онъ намъ громко заявилъ: „разъ японецъ даетъ слово, то онъ всегда его сдержитъ“. Какъ же мы послѣ этого должны къ нему относиться. Теперь остается намъ взять и свое слово

обратно и впредь не давать японцамъ никакихъ обѣщаній.

Послѣ этого письма я послалъ третье заявленіе, прося полковника сообщить на какой срокъ мы арестованы и назначить время для личныхъ переговоровъ, ввиду непонятнаго письма переводчика. При чемъ тутъ уголовный кодексъ и причемъ шутки „съ мужвымъ женщинами“. Никакихъ шутокъ не было. Я хотѣлъ получить объясненіе отъ Кооно, на какомъ основаніи онъ, имѣя такое нелестное понятіе о чести, требуетъ иногда честнаго слова отъ русскихъ офицеровъ.

Полковникъ Кооно опять не рѣшился принять меня, поручивъ своему переводчику написать слѣдующій отвѣтъ.

„Господамъ

О у и Д у

Первымъ моего сообщеніе можетъ быть не ясно поэтому еще разъ буду отвѣчаю Вамъ.

- 1) Законо наказаніе небудеть.
- 2) Воздержность наказанія долженъ принять.

Вопросъ это конечно шутили съ мужвымъ женщинами. Поэтому надлежащая мѣра наказаніе черезъ нѣсколько дней „Соблюденіе строгой жизни“.

Это конечно приказъ отъ Начальникъ Воен. плѣн. управл. это приказу долженъ слѣдуетъ исполнить.

Ст. переводчикъ Кубо

27-го марта н/с. 1905 г."

Письмо смѣшное и возмутительное. Какая тутъ могла быть рѣчь о „соблюденіи строгой жизни“, разъ никакой вины у насъ не было, да и самъ Кооно убѣдился въ этомъ изъ показаній японки.

Я началъ подозрѣвать, что мои заявленія не доходили до полковника Кооно, что ихъ читалъ только переводчикъ Кубо, и самъ давалъ на нихъ отвѣты, и попросилъ нашего переводчика Кирилла Като справиться въ управленіи. Возвратясь, переводчикъ подтверждалъ, что Кооно извѣстно содержаніе посланныхъ заявленій, но разговаривать полковникъ не хотѣлъ. Я все-таки не повѣрилъ.

Нѣсколько дней спустя, узнавъ, что Кооно немного говорить по нѣмецки, я написалъ ему письмо на этомъ языкѣ и рѣшилъ отправить его какъ-нибудь по почтѣ. Одинъ изъ нашихъ вѣстовыхъ сидѣлъ въ то время въ тюрьмѣ за то, что однажды самовольно отлучился, перелѣзъ черезъ заборъ и ушелъ, а вернулся утромъ; за это былъ

посажень въ тюрьму на полтора мѣсяца. Мой вѣстовой часто носилъ ему обѣды и ужины. Я приказалъ вѣстовому, когда пойдетъ съ ужиномъ въ тюрьму, какъ-нибудь незамѣтно отъ японскаго солдата, его сопровождающаго, опустить письмо въ почтовый ящикъ. Вѣстового въ тотъ день провожалъ японскій солдатъ, бывший съ нимъ въ дружбѣ. Вѣстовой поручилъ письмо японцу, который благополучно опустилъ его въ ящикъ. Никто и не замѣтилъ.

Прошли сутки—отвѣта нѣтъ. Во время „соблюденія строгой жизни“ насъ никуда не выпускали. Въ среду 16-го марта утромъ черезъ японскаго солдата я получилъ письмо отъ Оханы—санъ въ слѣдующемъ дословномъ переводѣ на русскій языкъ. „Я жалѣю. Васъ въ Доого нѣтъ. Всегда думаю. Скорѣе пріѣзжайте; прошу. Если васъ въ Доого не будетъ, я тоже тогда уѣду. Иначе пріѣзжайте. Надо переговорить. Прощайте. Ваша Хана. P. S. Никому не показывайте письма“.

Получивъ письмо, я подалъ заявленіе полковнику Кооно съ просьбой разрѣшить намъ сѣздить въ ванны. Дано разрѣшеніе ѣздить разъ въ недѣлю. Оханъ-санъ отвѣтилъ, что скоро пріѣду. Письмо ей передалъ мой вѣстовой въ четвергъ 17-го марта.

Японскій офицеръ, завѣдующій плѣнными въ

Міоэндзи разрѣшилъ намъ обоимъ съѣздить въ Доого въ пятницу послѣ полудня. Какъ арестованные, мы должны были ѣздить отдѣльно отъ прочихъ офицеровъ. Въ пятницу 18-го марта утромъ снова привезъ мнѣ японскій солдатъ письмо отъ Оханы-санъ, въ которомъ она просила непременно скорѣе пріѣхать.

Послѣ обѣда мы отправились въ Доого. Но тамъ Оханы-санъ не было; очевидно, не предполагая, что мы пріѣдемъ сегодня же послѣ ея письма, она не ждала насъ, а куда-то ушла. Про нашъ арестъ ей все хорошо было извѣстно. Вернувшись изъ Доого, я въ письмѣ упрекнулъ ее, что она просила скорѣе пріѣхать, а сама ушла; письмо отправилъ черезъ японскаго солдата. На другой день я получилъ черезъ солдата же слѣдующій отвѣтъ отъ Оханъ-санъ: „Прошу Васъ простить. Но я имѣю къ вамъ разговоръ. Непременно сегодня же пріѣзжайте; прошу. Прощайте. Хана“.

Я рѣшилъ отвѣтить ей по почтѣ, и вечеромъ написалъ письмо на японскомъ языкѣ: „Сегодня пріѣхать не могу, а пріѣду послѣ-завтра“. Положилъ письмо въ японскій конвертъ, запечаталъ, наклеилъ японскую марку, написалъ адресъ китайскими буквами, и получилось письмо, ничѣмъ не отличающееся отъ японскихъ. Вечеромъ от-

править его нельзя было, такъ какъ не мой вѣстовой относилъ ужинъ въ тюрьму. Утромъ 20-го мой вѣстовой взялъ письмо и пошелъ съ тѣмъ же японскимъ солдатомъ, который прежде опускалъ письмо, адресованное полковнику Кооно. Я все время волновался и ждалъ прихода вѣстового. Узнавъ, что онъ вернулся, позвалъ его и спросилъ: „Что же, удалось опустить письмо?“— „Плохо Ваше Благородіе“.— „А что такое?“ Тутъ онъ мнѣ рассказалъ, какъ на улицѣ передалъ письмо японскому солдату, и когда тотъ опустилъ, откуда-то появился полицейскій. Замѣтивъ, какъ русскій матросъ, что-то передалъ на улицѣ японскому солдату, полицейскій вошелъ въ какой-то дворъ и изъ подъ забора слѣдилъ, что будетъ дальше. Увидавъ, что солдатъ опустилъ письмо, онъ немедленно вышелъ и записалъ. Черезъ часъ онъ пришелъ въ Міоэндзи и заявилъ переводчику о случившемся. Дано было знать полковнику Кооно.

Японцамъ теперь надо было отыскать письмо, и тутъ-то была главная задача. Полицейскій принесъ всѣ письма, находящіяся въ ящикѣ, и попросилъ солдата указать ему письмо, которое онъ опускалъ. Солдатъ затруднялся указать, такъ какъ опуская его, онъ не посмотрѣлъ на адресъ. Мой вѣстовой, хотя и зналъ какое письмо дано было ему, но не показалъ японцамъ, основываясь на

томъ, что не понимаетъ японскаго языка и не можетъ отличить его отъ прочихъ писемъ. Тогда фельдфебель Міазаки ударилъ по лицу матроса и японскаго солдата. Узнавъ объ этомъ, я пришелъ въ канцелярію и сказалъ, что я приказалъ матросу опустить письмо, и что никто не имѣетъ права расправляться съ нимъ, такъ какъ матросъ исполнилъ только мое приказаніе. Японцы просили меня показать имъ письмо, написанное мною, но я отвѣтилъ, что не покажу, такъ какъ они недостойно поступили съ нашимъ матросомъ. Чтобы найти мое письмо, японцамъ пришлось вскрыть всѣ письма, чтобы по содержанію ихъ можно было узнать мое; прочитывая письма, они рѣшили остановиться на болѣе краткихъ и написанныхъ катаканой. Съѣздивъ по адресу въ Доого узнали то письмо, которое я написалъ.

20-го и 21-го марта у японцевъ были праздники. Офицеровъ никуда не пускали, и въ управленіи занятій не было. Я все время страшно волновался, зная что за письмо меня накажутъ и хотѣлъ, чтобы скорѣе все опредѣлилось. Вспомнивъ, что я подарилъ Оханъ-санъ часы и брошку, я поручилъ одному японскому солдату съѣздить въ Доого и предупредить ее о случившемся, и чтобы она спрятала вещи, такъ какъ вѣроятно у нея будетъ обыскъ. Солдатъ часто исполнялъ

наши порученія, но теперь я сдѣлалъ огромную ошибку. Мнѣ надо было просто поручить ему передать Оханъ-санъ о случившемся. Она сама знала бы, что ей надо было дѣлать и выгорела себя. Узнавъ про подарки, японскій солдатъ, желая подслужиться, выдалъ меня.

Солдатъ, опуская письмо, былъ удаленъ изъ помѣщенія военно-плѣнныхъ и жестоко наказанъ.

Во время праздниковъ никакого распоряженія отъ полковника Кооно не было. Я страшно изнервничался въ теченіе этихъ дней, ожидая, какъ я думалъ, очень большихъ непріятностей. Наконецъ наступило 22-ое марта; ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Утромъ вышелъ приказъ отъ полковника Кооно, всѣмъ военноплѣннымъ въ Мацуямѣ запретить выходить изъ своихъ помѣщеній на три дня, а меня и вѣстового отправить въ управленіе. Мнѣ было крайне непріятно, что арестовали всѣхъ офицеровъ. Никто изъ нихъ не виноватъ, что я отправилъ по почтѣ письмо. Но сдѣлать я ничего не могъ. Таково ужъ распоряженіе „умнаго“ полковника. Надѣвъ чистый китель и пальто, я отправился въ сопровожденіи фельдфебеля Міазаки въ управленіе, зная, что теперь меня ждетъ „соблюденіе строгой жизни“ на очень долгое время.

Въ заточеніи.

Допросъ. Въ тюрьмѣ. Приходъ адъютанта полковника Кооно. Куреніе папиросъ. Новая камора. Жизнь въ тюрьмѣ. Буянство японскаго дежурнаго офицера. Занятія японскихъ солдатъ. Письма въ Россію. Отправленіе японскихъ солдатъ на войну. Инцидентъ съ японскимъ караульнымъ начальникомъ въ Пасхальную ночь. Японскій праздникъ „Сайзицу“. Освобожденіе.

Въ Управленіи меня повели въ одну изъ комнатъ, гдѣ адъютантъ полковника Кооно допрашивалъ моего вѣстового. Его затѣмъ куда-то увели и начали допрашивать меня. Раньше спросили: „кто мой отецъ, мать, есть ли братья, сестры, дяди, тети, какіе ордена я имѣю“, и когда все это записали, приступили къ дѣлу. Переводчикъ былъ очень скверный; я съ трудомъ понималъ, что хотѣли у меня узнать. Они начали спрашивать, какъ я познакомился въ Доого съ японкой и почему я написалъ ей письмо, зная что этого дѣлать нельзя, и что это противно ихъ

правиламъ. Я же отвѣтилъ, что кромѣ письма, посланнаго японкѣ, написалъ еще другое—полковнику Кооно и послалъ его по почтѣ, такъ какъ японцы, окружавшіе его, не давали ему читать мои заявленія; что же касается знакомства съ Оханой-санъ, то я никакихъ показаній на этотъ счетъ не дамъ. Строго соблюдать ихъ правила я не намѣренъ, такъ какъ съ своей стороны не давалъ на это никакихъ обязательствъ. Мои слова сильно разсердили жандармскаго офицера, и тотъ началъ горячиться.

Мы обмѣнялись слѣдующимъ діалогомъ.

— Позвольте Васъ спросить, что случилось съ письмомъ, которое я отправилъ полковнику Кооно?—заявилъ я.

— Оно было доставлено по назначенію.

— Тогда я покорнѣйше прошу васъ доложить, что мнѣ крайне необходимо переговорить съ полковникомъ.

— Принужденъ отказаться исполнить вашу просьбу. Полковникъ не желаетъ разговаривать съ вами. Вы приглашались въ управленіе дать показанія по поводу нарушенія установленныхъ правилъ. А вы еще съ письмомъ... Вы не имѣли никакого права отправлять его... Объявлено-же было, что всѣ письма вы должны сдавать для просмотра въ канцелярію военноплѣнныхъ,

— Я не придавалъ никакой особенной важности своему письму, а хотѣлъ лишь, чтобы оно дошло по назначенію. Къ нашимъ письмамъ относятся не вполнѣ корректно. Сужу объ этомъ по письменнымъ заявленіямъ, поданнымъ полковнику Кооно, на которыя не получилъ отвѣта, и думалъ, что они не вручены ему. А потому и рѣшилъ отправить письмо по почтѣ, чтобы его не постигла та же участь, что и мои заявленія.

— Да. Хорошо. А дарили вы что нибудь Оханъ-санъ?

— Извините. Я отказываюсь давать какія либо показанія, касающіяся Оханы-санъ.

— Ну и прекрасно. Тогда вашъ вѣстовой будетъ строго наказанъ.

— Просилъ бы васъ этого не дѣлать. Наказывать матроса было бы очень несправедливо. Онъ только исполнялъ мои порученія и во всемъ этомъ виноватъ конечно лишь я одинъ. Матросъ тутъ ни причемъ. Вѣдь вы, какъ человѣкъ военный, вѣроятно согласитесь съ этимъ.

— Хорошо можете идти.

Послѣ допроса, не давшаго желаемыхъ результатовъ, переводчикъ объяснилъ мнѣ, что теперь я долженъ буду сидѣть „нѣсколько дней“ въ комнатѣ и никуда не выходить. Я думалъ, что наказаніе будетъ заключаться въ томъ, что буду

сидѣть у себя въ комнатѣ, т. е. „соблюдать еще болѣе строгую жизнь“, и былъ доволенъ такому исходу. Жандармскій офицеръ приказалъ мнѣ одѣться и слѣдовать за нимъ. По выходѣ изъ управленія я замѣтилъ, что меня ведутъ совершенно не въ ту сторону, гдѣ находилось Міоэндзи. Черезъ нѣкоторое время мы пришли къ какому то большому каменному одноэтажному зданію, охраняемому двумя часовыми. Тутъ то я сообразилъ въ какой „комнатѣ“ мнѣ суждено сидѣть „нѣсколько дней“.

Пришелъ караульный начальникъ, открылъ двери, и меня ввели въ темный корридоръ. Наружная стѣна его была сплошная каменная, а другая состояла изъ вертикальныхъ брусевъ. Это была стѣна со стороны каморъ, имѣющихъ видъ большихъ клѣтѣй. Онѣ отдѣлялись одна отъ другой сплошными деревянными перегородками. Японцы ввели меня въ одну изъ каморъ, гдѣ уже сидѣло двое нашихъ солдатъ и, заперевъ двери на ключъ, ушли. Дверь была низенькая изъ вертикальныхъ брусевъ, какъ у клѣтки. Въ камору былъ посаженъ одинъ солдатъ 25-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка за то, что во время прогулки купилъ вина и напился пьянъ. Другой 27-го полка за кражу часовъ у японскаго солдата. Оба на 35 сутокъ. Нѣкоторое время я

съ ними разговаривалъ, потомъ началъ ходить взадъ и впередъ, обдумывая свое положеніе и сильно негодуя на японцевъ. Посадили меня, не объявивъ срока. Очень тяжело было молодому офицеру, не понимающему еще жизни, сидѣть въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ солдатами,—воромъ и каторжникомъ. Одинъ изъ нихъ въ Россіи былъ сосланъ на каторгу за убійство и грабежъ. Отбывъ срокъ каторги, онъ пріѣхалъ въ началѣ войны въ Артуръ и поступилъ охотникомъ въ 25-ый полкъ. Онъ былъ высокаго роста, пожилой, съ большой бородой и имѣлъ звѣрское лицо. Другой, наоборотъ, малаго роста и, повидимому, очень хитрый. Долго бродилъ я изъ угла въ уголъ. Японцы передъ уходомъ осмотрѣли у меня всѣ карманы, но ничего не нашли. Курить страшно хотѣлось, а папирозъ не было. Отъ нечего дѣлать я сѣлъ на полъ и задумался. Мѣдниковъ—солдатъ 25-го полка, видя мою грусть, предложилъ папирозъ. Покурилъ. Онъ часто потомъ угощалъ меня папирозами. Въ часъ дня изъ Кванденсіи солдатамъ принесли завтракъ. (Послѣ нашего ухода изъ Кванденсіи тамъ были помѣщены нижніе чины). Мнѣ ничего не приносили. Цѣлый день я ничего не ѣлъ. Вечеромъ захотѣлось ложиться спать. Ни одѣяла, ни подушки,—только полъ и голыя стѣны. Солдаты предлагали мнѣ свои шинели, но

я отказался. Разостлавъ на полу пальто, легъ спать, накрывшись кителемъ. Было очень холодно.

На слѣдующій день я всталъ рано утромъ. Рядомъ въ каморахъ сидѣли японцы, Имъ всѣмъ дали завтракъ, чай и вывели умываться, намъ же не позволили выйти, и мы оставались неумытыми. Въ 10 часовъ пришли ко мнѣ адъютантъ полковника Кооно и переводчикъ; принесли вещи, подаренныя мною Оханъ-санъ. Оказалось, японскій солдатъ, которому я поручилъ сказать Оханъ-санъ, чтобы она спрятала эти вещи, доложилъ обо всемъ Кооно, когда меня посадили въ тюрьму. Раньше онъ боялся говорить, думая, что я, желая ему отомстить, расскажу о всѣхъ его услугахъ плѣннымъ. Этого я бы никогда не сдѣлалъ. Японцы два раза произвели обыскъ у Оханы-санъ. Въ первый разъ они ничего не нашли, но послѣ доноса солдата Охана-санъ отдала имъ вещи. Въ крайнемъ возмущеніи я сказалъ японскому офицеру, что они не имѣютъ права отнимать у нея подарки, а также и не могутъ запретить мнѣ дарить кому бы то ни было свои вещи. Адъютанту сильно не понравилось мое возраженіе, онъ началъ допрашивать меня относительно знакомства съ Оханой-санъ, но я отвѣтилъ, что никакихъ показаній давать не буду, такъ какъ вины за собой не признаю. Тогда

офицеръ ударилъ меня ногой въ животъ. Я не вытерпѣлъ и толкнулъ его. Онъ что-то крикнулъ, и въ камору вошелъ японскій караулъ. Я просилъ ихъ лучше уйти, такъ какъ послѣ такого обращенія съ ихъ стороны разговаривать съ ними не буду. Осмотрѣвъ еще разъ мои карманы и шинель, онѣ ушли. Все происходило на глазахъ нашихъ солдатъ, и тѣ были страшно возмущены. Мнѣ снова цѣлый день ничего не приносили ѣсть, вздумали морить голодомъ. Они слишкомъ ошиблись въ своемъ расчетѣ, посадивъ меня съ солдатами. Когда послѣднимъ приносили завтракъ и обѣдъ, я садился и ѣлъ вмѣстѣ съ ними хлѣбъ и супъ. Въ одной изъ каморъ сидѣлъ нашъ офицеръ генеральнаго штаба. На войнѣ онъ былъ въ отрядѣ генерала Мищенко. По окончаніи академіи ему надо было прослужить два года въ кавалеріи, поэтому онъ и записался въ одинъ изъ казачьихъ полковъ. Онъ имѣлъ чинъ есаула. Въ плѣнъ былъ взятъ въ началѣ января во время одной изъ развѣдокъ, гдѣ былъ сильно раненъ. Отъ раны одна нога у него была короче другой, безъ костылей онъ не могъ ходить. Однажды вечеромъ въ баракахъ японскій часовой ударилъ нашего офицера; есаулъ замѣтивъ это, подошелъ къ часовому и такъ ударилъ его костылемъ, что послѣдній упалъ. Тогда выскочилъ японскій караулъ и

началъ бить есаула прикладами. Японцы дали знать полковнику Кооно, и по его приказанію немедленно посадили есаула въ тюрьму. Израненнаго, больнаго, полуживаго—его ночью привезли и помѣстили въ одну изъ каморъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого и я попалъ туда. Сидя въ тюрьмѣ, я вѣлъ частые разговоры съ есауломъ. Узнавъ, что не даютъ мнѣ ѣсть, онъ присылалъ мнѣ черезъ арестованныхъ японцевъ часть своего завтрака. Караульные часто выпускали въ корридоръ своихъ арестованныхъ, которые и исполняли различныя наши просьбы.

Положеніе есаула было не изъ легкихъ. Ходить онъ не могъ: рана тяжелая; къ тому же сильно избитаго держали въ тюрьмѣ безъ всякой медицинской помощи. Я разговаривалъ съ нимъ, крича въ корридоръ. Несмотря на свое положеніе, онъ не унывалъ и часто говорилъ: „Ничего, пусть японцы насъ тутъ морятъ хоть цѣлый годъ. Скоро прійдетъ эскадра, разобьетъ ихъ; въ Манчжуріи наши войска прогонятъ ихъ, и тогда за наше сидѣніе имъ хорошо будетъ заплачено“. Каково было для него потомъ, сидя въ зенцусинской тюрьмѣ, узнать о плачевномъ результатѣ Цусимскаго боя.

На третьи сутки въ 8 часовъ утра подошелъ къ моей каморѣ караульный начальникъ и бро-

силъ какой-то пакетикъ. Это оказался кусокъ чернаго хлѣба, запечатанный въ бумагу съ надписью на японскомъ языкѣ моей фамилии. вмѣстѣ съ хлѣбомъ въ бумажкѣ была завернута щепотка соли. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе 8 дней мнѣ приносили по куску хлѣба, не болѣе фунта, и бросали въ небольшое отверстіе, сдѣланное въ двери. Ничего больше ни пить ни ѣсть не давали.

Черезъ нѣсколько дней въ нашу камору посадили еще одного нижняго чина, забайкальскаго казака Подойницына, тяжело раненаго въ одной изъ развѣдокъ и взятаго въ плѣнъ. Ему попало нѣсколько пуль въ грудь, легкія были пробиты, ребра раздроблены. Въ плѣну онъ почти оправился. Въ тюрьму его посадили за то, что онъ, разсердившись на японскаго солдата, бросилъ въ него блюдечкомъ. Тогда японцы привязали его къ дереву и начали бить, а когда дѣло дошло до полковника Кооно, онъ приказалъ посадить казака въ тюрьму. Большой патриотъ съ честной, правдивой натурой казакъ очень мнѣ понравился. Онъ сильно возненавидѣлъ японцевъ за жестокое обращеніе съ раненымъ есауломъ. Просилъ японцевъ, чтобы его посадили вмѣстѣ съ есауломъ, но на это не согласились. Подойницынъ мечталъ бѣжать, и мы часто обсуждали съ нимъ условія

побѣга. Для препровожденія времени читали другъ-другу книжки, принесенныя намъ солдатами вмѣстѣ съ ужиномъ. Постоянно курили папиросы, которыя покупали на бывшія у меня деньги черезъ солдатъ, доставлявшихъ пищу. Японцы зорко слѣдили за куреніемъ, и поэтому приходилось очень тщательно прятать папиросы. Ихъ офицеры рѣдко заглядывали въ тюрьму.

Черезъ 6 дней есаула увезли на судъ въ городъ Зенцузи. Тамъ его приговорили къ тюремному заключенію на одинъ годъ, тамъ же и посадили.

Однажды въ тюрьму явился дежурный по гарнизону японскій офицеръ и замѣтилъ по спичкамъ и окуркамъ, что у насъ курятъ. Тотчасъ сдѣлали обыскъ, но у меня въ пальто карманы были рваные, папиросы проваливались подъ подкладку, и японцы ихъ не нашли. Затѣмъ они отыскивали гдѣ-то за доской спрятанную Мѣдниковымъ пачку папиросъ, и офицеръ побилъ нашихъ нижнихъ чиновъ и казака. Послѣдній даже совершенно не курилъ. Это я сказалъ офицеру. На разъясненіе его, что курить въ тюрьмѣ нельзя, я отвѣтилъ, что отлично знаю, но бросить эту привычку не могу. Офицеръ нашелъ у Подойницына карты и книги и отнял ихъ. Снова мы остались ни съ чѣмъ. Ужасная скука начала угнетать насъ.

Мѣдниковъ скоро выпустили — остались мы втроемъ. Меня возмущало, что японцы всѣмъ нижнимъ чинамъ объявили сроки, на которые они были посажены, а мнѣ не говорили. Нѣсколько разъ черезъ дежурныхъ офицеровъ я добивался узнать это, но тѣ не могли удовлетворить меня, такъ какъ все зависѣло отъ одного лишь Кооно.

Въ сосѣдней съ нами каморѣ сидѣлъ японскій фельдфебель; его приводили только на ночь, а въ будни онъ долженъ былъ ходить на занятія. Это былъ заслуженный солдатъ, нѣсколько разъ раненый въ бояхъ, но сильный любитель „саке“; за эту-то любовь къ саке онъ постоянно расплачивался тюрьмою. Просидеть мѣсяць — выпустятъ; не пройдетъ недѣли, какъ онъ снова набѣдокуритъ подъ вліяніемъ выпитаго саке и снова отсиживаетъ. Добрый человекъ, очень полюбилъ насъ и съ удовольствіемъ исполнялъ наши порученія, часто приносилъ намъ папиросы, и мы въ нихъ не чувствовали недостатка.

На 8-ья сутки моего сидѣнія пришелъ японскій дежурный офицеръ и снова замѣтилъ, что мы куримъ. При обыскѣ ничего не нашли. Дали знать полковнику Кооно и меня перевели въ отдѣльную камору, гдѣ до конца своего заточенія я провелъ въ одиночествѣ. Тамъ я просидѣлъ 30 сутокъ. Камора большая: 5 шаговъ въ ширину

и 10 въ длину, немного свѣтлѣе прежней. Она имѣла два окна, а прежняя одно, и въ прежней поэтому стоялъ вѣчный полумракъ. Новая была крайняя. Ихъ всѣхъ въ тюрьмѣ 6. Каждая камора имѣла свой особый спеціальный кабинетъ, величиною въ 4 квадратныхъ аршина, отдѣляющійся небольшими сѣнцами такой же величины. Я выломалъ двери отъ сѣней и часто приставлялъ къ окну, выходившему на огромный плацъ; сидя на двери, я смотрѣлъ на него. Тюрьма находилась въ районѣ расположенія японскихъ войскъ. На плацу постоянно производились ученія. Иногда я цѣлыми часами сидѣлъ на двери и смотрѣлъ въ окно. Окно было очень высоко, почти подъ потолкомъ, и безъ подставки смотрѣть въ него было невозможно. Эти сидѣнія на дверяхъ разнообразили и поглощали скучные часы моего одиночества. Если у дверей тюрьмы звенѣли ключи, немедленно прыгивалъ съ двери и приставлялъ ее обратно, чтобы не замѣтили и не починили ее. Тогда я лишенъ былъ бы послѣдняго удовольствія.

Черезъ 10 дней послѣ моего заключенія, къ моей большой радости пришелъ нашъ матросъ изъ Міоэндзи и принесъ мнѣ завтракъ. Съ этого дня постоянно въ часъ дня и въ семь часовъ вечера наши вѣстовые приносили мнѣ пищу. Я

ждалъ этого часа, какъ чего то особеннаго. Обыкновенно матросъ садился около меня во время ѣды и рассказывалъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, что слышно про манджурскія войска про эскадру адмирала Рожественскаго, какъ живутъ наши офицеры въ Миоэндзи. Эти немногія минуты облегчали тяжелую участь сидѣнія въ тюрьмѣ. За нами наблюдалъ японскій караульный начальникъ, но мы могли свободно обо всемъ говорить, такъ какъ японцы не понимали.

У меня долгое время не было ни подушки, ни одѣяла. Я приказалъ вѣстовому принести бѣлья. На другой день, получивъ наволочку съ бѣльемъ, подкладывалъ ее подъ голову.

Спалъ всегда на полу. Камора совершенно пустая; на стѣнахъ ни одного гвоздика; все приходилось дѣлать на полу. Фуражка, пальто, разныя вещи разбросаны были по полу. Отъ скуки я иногда начиналъ пѣть пѣсни, но японскій офицеръ, услыхавъ, запретилъ пѣть.

Днемъ иногда всѣхъ японцевъ уводили на занятія, и тогда при полнѣйшей тишинѣ было еще тяжелѣе. Недѣли черезъ двѣ принесли мнѣ одѣяло. Я его разложилъ на полу и постоянно сидѣлъ на немъ. Въ одѣялѣ миллионы блохъ причиняли мнѣ неимовѣрныя мученія. Только стемнѣетъ, и ляжешь спать, какъ блохи начинаютъ свои маневры

и атаки. Первые дни я долго не засыпалъ, потомъ привыкъ, и часа черезъ два послѣ истязаній меня уже обнималъ сонъ. До конца заключенія такъ продолжалось.

Въ тюрьмѣ кромѣ блохъ было много крысъ. Часто оставшійся отъ обѣда хлѣбъ я клалъ на полу около своей постели. Ночью крысы съѣдали его. Эти крысы были очень назойливы и неприятны. Огромныя, иногда сразу по нѣсколько штукъ, забирались ко мнѣ подъ пальто, котормъ я накрывался, другой разъ кусали за ноги. Бывало онѣ грызли у меня сапоги на ногахъ. Я вскакивалъ и начиналъ гоняться за ними. Днемъ онѣ безцеремонно приходили ко мнѣ въ гости. Лежа на полу, я часто наблюдалъ за ними. Приходитъ одна крыса, затѣмъ другая, третья и такъ штукъ пять. Онѣ долго рыскаютъ, обнюхиваютъ полъ, подходятъ ко мнѣ, обнюхиваютъ мои вещи, а я лежу спокойно, интересуясь ихъ жизнью и обиходомъ. Однажды я оставилъ послѣ завтрака вареный картофель и положилъ его на бумажку около своей постели. Пришла крыса и на моихъ глазахъ на полъ шага отъ меня схватила картофель и начала ѣсть. Я сильно разсердился и хотѣлъ ее ударить, но она бросилась бѣжать, унося мой картофель. Я побѣждалъ за ней, но не нашель; ея и слѣдъ уже простылъ. Желая изба-

виться отъ крысъ, я попросилъ матроса принести веревки. Сдѣлавъ изъ нея петельки, я привязалъ ихъ у каждой изъ балокъ передней стѣны. Крыса, входя въ промежутки между балками, должна была попасть въ петельку, и при дальнѣйшемъ ея движеніи петелька затягивалась, и крыса попадала ко мнѣ въ плѣнъ. Японцы, замѣтивъ мою охоту, запретили мнѣ ее, и я никакъ не могъ избавиться отъ этихъ мерзкихъ животныхъ. Что либо упрятать отъ нихъ я не могъ. Мой хлѣбъ за ночь всегда пропадалъ. Тогда я рѣшилъ класть хлѣбъ въ наволочку подъ голову. Но крысы во время сна разрывали наволочку и вытаскивали хлѣбъ. Я часто швырялъ въ нихъ сапогами, но ничего не могъ съ ними сдѣлать: ихъ было ужасное количество.

Дни стояли холодные. Въ каморѣ внизу у стѣны были сдѣланы отверстія для притока воздуха, и температура не отличалась отъ наружной. Отъ холода у меня два раза мертвѣли оконечности. Я пробовалъ снимать сапоги и растирать ноги— не помогало. Приходилось ждать, когда взойдетъ солнце и заглянетъ въ камору. Въ извѣстные часы солнечные лучи проникали черезъ окошечко со стороны плаца. Я тогда на часть пола, освѣщенную солнцемъ ставилъ ноги, онѣ отогрѣвались, и омертвѣніе проходило. Эти минуты жизни были очень мучительны.

Мыться давали рѣдко. Если попадался хорошій караульный начальникъ, онъ выпускалъ минуты на три въ корридоръ, гдѣ и подавалъ воду для умыванія. Умоешься—и тотчасъ же тебя снова запрутъ. Все же я мылся почти каждый день. Въ часть дня вѣстовой приносилъ мнѣ огромный чайникъ чаю и поливалъ его мнѣ на руки и голову. Такимъ образомъ хотя и чаемъ я все-таки умывался. О банѣ и рѣчи никакой не могло быть, поэтому чай я иногда оставлялъ у себя, и когда меня запрутъ, мылся по частямъ: сегодня одну часть тѣла, завтра другую. Черезъ пять дней выходило, какъ будто я и въ банѣ помылся. Японцы часто злились, что я разливалъ по полу чай, но я не обращалъ на нихъ вниманія и говорилъ, что если бы они давали мнѣ мыться, то я не дѣлалъ бы этого.

Курилъ я попрежнему. Одинъ изъ матросовъ, приносящихъ мнѣ пищу, воспользовался минутою, когда въ каморѣ не было японцевъ, выломалъ карнизъ у одной изъ стѣнъ, и я подъ карнизомъ постоянно потомъ пряталъ папиросы и спички. Японцы много разъ дѣлали у меня обыскъ, но никогда ничего не находили, а между тѣмъ имъ отлично было видно, что я курю. Когда мнѣ говорили, что курить нельзя, я отвѣчалъ, что у насъ въ Россіи арестованный офицеръ курить можетъ,

я и тутъ буду курить, такъ какъ это единственное мое развлеченіе, а не дать возможности курить—дѣло японцевъ. У меня подъ поломъ былъ большой запасъ папирось, поэтому я не боялся, если японцы начнутъ обыскивать всѣхъ входящихъ въ тюрьму въ надеждѣ конфисковать папирсы, предназначенныя для меня. Въ послѣдній день заточенія, когда меня освобождали, жандармскій офицеръ къ своему удивленію увидѣлъ окурки въ корридорѣ около моей каморы. Вѣроятно онъ подумалъ, что курилъ кто-нибудь изъ приходившихъ въ тюрьму, иначе меня бы не выпустили. Японцы, предположивъ, что я пересталъ курить, и постоянно видя около моей каморы окурки, приписывали куреніе другимъ.

Однажды дежурный офицеръ, побившій раньше нашихъ нижнихъ чиновъ, вошелъ неожиданно въ тюрьму. Въ то время японскіе солдаты, заключенные въ смежной съ моей каморѣ, курили папирсы. Тамъ же сидѣлъ и знакомый уже намъ японскій фельдфебель. Офицеръ замѣтилъ, что японцы курятъ, свирѣпо кричалъ на нихъ и билъ по лицу. Думая, что японскіе солдаты получили папирсы отъ меня, офицеръ позвалъ караулъ и приказалъ открыть мою дверь. Пока открывали, я видѣлъ его въ ожиданіи съ обнаженной саблей дико сверкающимъ глазами. Войдя ко мнѣ, онъ

приказалъ 7-ми японскимъ солдатамъ стать съ винтовками въ дверяхъ. Это были лишнія предосторожности: я былъ совершенно безоруженъ. На мнѣ не было одѣто кителя, и я встрѣтилъ его въ рубашкѣ.

Офицеръ подошелъ ко мнѣ и началъ что-то объяснять по-японски. Я отвѣтилъ, что ничего не понимаю. Тогда онъ началъ говорить ломанымъ англійскимъ языкомъ. Я снова сказалъ, что не понимаю, и что лучше позвать переводчика. Тогда онъ вынулъ свои папирсы и, показывая на нихъ, говорилъ: „сигаретъ, сигаретъ“. Я далъ ему понять, что ничего не соображаю и не могу понять, что онъ хочетъ отъ меня. Отвѣчалъ ему по-японски, но дѣлалъ видъ, что знаю лишь нѣсколько японскихъ словъ. Офицеръ злился, показывалъ на японскихъ солдатъ, объяснялъ знаками, что тѣ курятъ, и когда я снова сказалъ: „вакаримасенъ“ (не понимаю), онъ ударилъ меня два раза саблей по ногамъ. Я легъ на полъ и заявилъ, что послѣ этого ничего говорить не буду. Тогда онъ позвалъ японскаго фельдфебеля и приказалъ ему все рассказать. Фельдфебель заявилъ, что отъ меня онъ папирось не получалъ, а что онъ самъ ихъ принесъ наканунѣ. Тогда офицеръ, схвативъ его за горло, началъ бить головой о косякъ одной изъ балокъ перед-

ней стѣны. Фельдфебель въ это время кричалъ сдавленнымъ голосомъ, что бить его не слѣдуетъ: онъ говорить правду. Офицеръ, ничего не добившись, ушелъ, приказавъ запереть за собой двери на ключъ. Я продолжалъ лежать на полу глубоко оскорбленный. Японскія лица до крайности противили мнѣ. Черезъ полчаса снова пришелъ тотъ-же офицеръ съ переводчикомъ и адъютантомъ полковника Кооно. Я просилъ переводчика передать офицеру, что ничего не знаю и никакихъ показаній не дамъ, глумиться надъ собой не позволю; пусть разстрѣляютъ меня, но бить себя не допущу. Какъ ни старались японцы вывѣдать отъ меня про куреніе солдатъ, я ничего не сказалъ, и все время продолжалъ при нихъ лежать на полу.

Черезъ два дня послѣ этого случая посѣтилъ тюрьму довольно симпатичный дежурный офицеръ. Онъ пришелъ вмѣстѣ съ переводчикомъ и долго со мной разговаривалъ. Разспрашивалъ за что я заключенъ, гдѣ былъ до плѣна, какъ мнѣ живется, сообщилъ разныя вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій, что эскадра адмирала Рожественскаго уже близко, что японская эскадра ушла на югъ, и что скоро, вѣроятно, будетъ бой. Тутъ же узналъ я отъ переводчика, что Охана-санъ за переписку со мной сидитъ въ тюрьмѣ, но ее скоро

выпускать. Когда же окончится срокъ моего заключенія, не знаетъ. Я попросилъ дать мнѣ что-нибудь почитать: страшно тяжело сидѣть безъ всякаго дѣла. Прислали мнѣ бумаги и чернилъ; сдѣлалъ карты и раскладывалъ пасьянсы. Адъютанта полковника Кооно очень забавляло, какъ это я одинъ играю въ карты. Онъ рѣшилъ запретить мнѣ раскладывать пасьянсы и отнять карты. Я снова ихъ сдѣлалъ и продолжалъ гадать. Всѣми способами старался какъ-нибудь убить время. Встану утромъ и начну подметать свою камору; потомъ жду, когда принесутъ завтракъ. Тогда наступали пріятныя минуты: приходилъ нашъ русскій матросъ. Всѣ они очень жалѣли меня и старались всячески облегчить заключеніе. Украдкой приносили папиросы и книги. Моего вѣстового за опусканіе письма долго не пускали, несмотря на его большія о томъ старанія. Лишь когда въ Міоэндзи назначили новаго завѣдующаго офицера, начали посылать мнѣ пищу черезъ моего вѣстового. Онъ-то и рассказалъ мнѣ, какъ живетъ Охана-санъ. Оказывается она открыла лавочку, гдѣ съ ней можно было видѣться.

Вѣстовой началъ передавать отъ меня письма Оханѣ-санъ и обратно. Чтобы ввести въ заблужденіе японцевъ, онъ вкладывалъ письмо въ хлѣбъ, принося мнѣ завтракъ, а свои письма я неза-

мѣтно подкладывалъ подъ какую-нибудь кашу въ судкахъ. Вѣстовой въ Міоэнди доставалъ оттуда письмо и, когда ѣздилъ въ Доого, передавалъ Оханѣ-санъ въ ея лавочкѣ. Такимъ образомъ, сидя въ тюрьмѣ, я опять продѣлывалъ то, за что такъ сильно пострадалъ. Перехвати японцы хотя одно мое письмо, меня жестоко бы наказали. Охана-санъ въ тюрьмѣ сидѣла двѣ недѣли. Какъ жестоко полковникъ Кооно! При чемъ Охана-санъ, что я написалъ ей письмо?

Часто, сидя на приставленной къ окну двери, я смотрѣлъ на занятія японскихъ солдатъ. Съ ранняго утра, чуть взойдетъ солнце, уже слышалась ихъ игра на трубахъ. Это горнисты разучивали сигналы. Ихъ гудѣніе мнѣ надоѣло. Безостановочно они трубили съ 5 часовъ утра до 9-ти часовъ вечера. Въ другомъ мѣстѣ японцы учились маршировать, въ третьемъ—бѣгать на штурмъ, крича при этомъ неистово и дико, въ четвертомъ—ружейнымъ приемамъ и т. д. Весь плацъ былъ разбитъ на участки, и въ каждомъ участкѣ занималась отдѣльная часть. Подготовка солдатъ шла очень успѣшно. На моихъ глазахъ привели новобранцевъ и, пока я сидѣлъ въ тюрьмѣ, ихъ совершенно обученныхъ отправили на войну. Лишь только солдаты вставали, всѣхъ выводили на гимнастику, продолжавшуюся около часу. Она

приносила имъ много пользы. Благодаря ей всѣ японскіе солдаты очень ловки. Вечеромъ передъ сномъ они маршировали по плацу и пѣли пѣсни, что продолжалось тоже цѣлый часъ. Японскій солдатъ не остается ни минуты безъ дѣла, онъ все время занимается. Солдатъ обучали фельдфебеля и унтеръ-офицеры и обращались съ ними очень жестоко. Я много разъ былъ свидѣтелемъ, какъ инструкторы били неспособныхъ учениковъ; все-таки они наконецъ добивались своего, и солдаты быстро постигали всю военную выправку. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ солдаты грамотные. У японцевъ обязательное всеобщее обученіе. Если родители не отдадутъ своихъ дѣтей въ школу, то по закону несутъ извѣстное наказаніе. Вотъ почему въ Японіи нѣтъ неграмотныхъ. Каждый солдатъ долженъ былъ изучить семафоръ. Они, разбившись на группы, цѣлый день махали на плацу флажками, и ко времени отправления на войну всѣ солдаты знали сигнализацию. Я удивлялся такой быстрой подготовкѣ солдатъ. Послѣ маршировки, ружейныхъ приемовъ, семафора, фехтованія, солдата начинали учить стрѣльбѣ, и этимъ заканчивалось образованіе. Онъ былъ совершенно обученъ и могъ отправляться на театръ войны. Періодъ стрѣльбы я любилъ и интересовался ею. Замѣчательно быстро японцы приуча-

лись владѣть винтовкой. Они стрѣляли въ длинный сарай; въ передней стѣнѣ его были сдѣланы прорѣзы, какъ бы для дверей, за которыми ставились мишени. Сарай былъ построенъ у вала, за которымъ располагался городъ. Японскіе солдаты промаховъ почти не давали. Не было случая перелета пули черезъ валъ, несмотря на большое разстояніе между сараемъ и стрѣлявшимъ. Тутъ же на плацу учили фехтованію по японскому способу, учили рубиться тесаками, примкнутыми къ винтовкамъ, учили выучить лошадей и т. п. Все было очень интересно. Солдаты съ большой любовью и интересомъ относились къ своему дѣлу. Положимъ оно и не удивительно: японцы народъ воинственный и каждый изъ нихъ въ душѣ воинъ.

Такимъ образомъ, то раскладывая пасьянсы, то поглядывая въ окно, то слоняясь изъ угла въ уголъ—я старался какъ-нибудь обмануть время. Переносить заточеніе было тяжело, такъ какъ мнѣ впервые приходилось вести подобную жизнь, да и на меня сильно дѣйствовала вѣчная тишина, одиночество и полная бездѣятельность. Къ тому же крысы, блохи, лишенья, невозможность умываться—все дѣйствовало подавляющимъ образомъ. Легко можно было и сойти съ ума. У меня и такъ уже были разстроены нервы въ осадѣ, а

тутъ такъ разошлись, что часто надо было сдерживать себя.

9-го апрѣля получилъ изъ Россіи первыя письма. Мнѣ ихъ вечеромъ принесъ японскій солдатъ. Послѣ этого я рѣшилъ заняться новымъ дѣломъ—писать письма, если мнѣ разрѣшатъ. Я отправилъ записочку офицеру въ Миоэндзи, прося прислать бумаги и чернилъ. Разрѣшеніе получено, и на слѣдующій день вѣстовой принесъ мнѣ все необходимое. По часамъ лежалъ я на полу и писалъ письма. Буквы старался выводить очень медленно, чтобы на это ушло какъ можно больше времени. Писать лежа было тяжело, и у меня отъ этого начинали болѣть руки и ноги. Вѣчно писать всетаки невозможно, поэтому наступали скучные перерывы, да и караульные начальники запрещали мнѣ писать и отнимали бумагу. Приходилось ждать матроса, приносившаго мнѣ новую бумагу. Всего я написалъ 34 длинныхъ письма роднымъ и знакомымъ. До родныхъ дошло только 10 писемъ. Нѣкоторыя были задержаны, хотя я въ письмахъ не давалъ къ этому повода. Наоборотъ, писалъ сдержанно, стараясь, чтобы не было придирокъ.

Мои письма японцы отправляли по произволу. Послѣднее письмо на примѣръ почему-то отправили раньше всѣхъ, и оно пришло въ Россію въ

іонъ мѣсяцѣ. Всѣ остальные были отправлены послѣ войны, и они пришли въ Россію въ серединѣ ноября. Почему ихъ задерживали—я не знаю. Ничего тамъ не было, что могло бы ихъ компрометировать.

Однажды еще въ Кванденсіи, я на заголовкѣ письма написалъ: „17-го января 1905 г. Мацуяма. Хлѣвъ для плѣнныхъ русскихъ офицеровъ“. Переводчикъ Нагано спросилъ меня, что за слово „хлѣвъ“? первый разъ, говоритъ, слышитъ онъ подобное слово. Я ему объяснилъ, что хлѣвомъ по-русски называютъ строеніе, похожее на домъ, въ которомъ мы теперь живемъ. Вслѣдствіе того, что переводчикъ не былъ ясно ознакомленъ съ „хлѣвомъ“, письмо дошло по назначенію, иначе оно было-бы навѣрное уничтожено.

Съ вечера 13-го апрѣля японскіе солдаты, сидящіе въ тюрьмѣ, говорили что ночью они поѣдутъ въ Харбинъ. Я часто вечеромъ, когда ложился спать, разговаривалъ съ японскими арестованными. Перегородки были деревянныя, и мы слышали другъ друга. Лежа на полу, можно было свободно разговаривать. Рядомъ со мной сидѣлъ японскій солдатъ Отани. Онъ прогулялъ два дня послѣ воскресенія безъ разрѣшенія, и его заточили на 5 мѣсяцевъ, такъ какъ онъ и раньше нѣсколько разъ попадался на этомъ. Однажды во

время нашихъ разговоровъ въ апрѣлѣ заключенные сообщили мнѣ, что положеніе японцевъ очень тяжелое, война всѣмъ надоѣла, народъ обѣднѣлъ, въ войскахъ не хватаетъ одежды, а денегъ на веденіе войны хватитъ лишь до декабря мѣсяца. Меня удивляли развитость и разсудительность японскихъ солдатъ. Разговаривая съ японцами, я научился за свое сидѣніе въ тюрьмѣ говорить по японски.

Въ 2 часа ночи надъ нашими головами грянулъ пушечный выстрѣлъ. Это означало, что черезъ часъ полкъ будетъ отправляться на войну. Всѣ жители въ городѣ по этому сигналу должны были съ флагами и фонарями выходить на улицу и привѣтствовать уходящихъ солдатъ. Японскіе фельдфебеля пришли въ тюрьму и принесли сапоги арестованному 22-го армейскаго полка. У японцевъ, когда ихъ сажали въ тюрьму, отнимали сапоги, и они должны были сидѣть босикомъ. Болѣе тяжкіе преступники лишались мундира и должны были сидѣть въ однѣхъ рубахахъ. Такой арестъ назывался „дзю эйсо“. Въ холодныя ночи эти несчастные не могли спать. Бывало, они встанутъ ночью и начнутъ бѣгать по каморѣ, чтобы согрѣться. Согрѣются и лягутъ. Потомъ снова начнутъ бѣгать. Своей бѣготней они часто мѣшали мнѣ спать. Я былъ тоже посаженъ въ

камору, надъ которой была надпись „дзю эйсо“. Высидивающіе „дзю эйсо“ на занятія не выпускались.

Роздавъ японцамъ сапоги, фельдфебеля увели ихъ изъ тюрьмы. Я подставилъ къ окну дверь и влѣзъ на нее, чтобы смотрѣть на церемонію отправки войскъ.

Въ 3 часа ночи грянули двѣ пушки. Надъ нашей тюрьмой возвышалась гора. На ней стоялъ старинный замокъ и пушки, изъ которыхъ стрѣляли по праздничнымъ днямъ и каждый день въ 12 часовъ. По послѣднему сигналу полкъ началъ выстраиваться. На плацу собралось множество народа съ флажками и фонариками. Къ четыремъ часамъ выстроился 22-ой полкъ, уходящій на войну. Начало свѣтать. Пришелъ японскій генералъ и обратился съ какой то рѣчью къ солдатамъ. Выстрѣлила пушка, заиграла музыка, полкъ отправился. Остающіеся солдаты и публика кричали „банзай“, долго оглашавшее улицы. Отправляющіеся въ походъ были въ своихъ новыхъ мундирахъ и съ цвѣтными одѣялами на ранцахъ выдѣлялись красивыми группами.

На слѣдующій день прибыли новобранцы; всѣ въ киримонахъ. Впереди несли какіе то длинные синіе флаги съ бѣлыми письменами. Я опять началъ свои наблюденія, сидя на двери. Очевидно

отправлялись на войну пожилые и очень молодые люди. Замѣчался рѣзкій переходъ въ возрастѣ, причемъ въ войскахъ преобладали очень молодые солдаты. Нерѣдко изъ окна я разговаривалъ съ японскими часовыми. Они охотно вступали со мною въ бесѣду, такъ какъ я угощалъ ихъ папиросами, да и кромѣ того такъ короталъ скучные часы ихъ караула. Изъ за папирозъ однажды вышелъ крупный скандалъ. Одинъ изъ часовыхъ, получивъ отъ меня папиросы, закурилъ; его увидѣлъ офицеръ и сильно избилъ, а затѣмъ онъ былъ посаженъ въ ту же тюрьму, которую самъ караулил. Офицеръ узнавъ, что я былъ тому причиною, пришелъ объясняться. Я ему объяснилъ, что правилъ японскихъ не знаю относительно куренія табаку, а что часовой курилъ на посту, мнѣ никакого дѣла до этого нѣтъ, такъ какъ я не обязанъ смотрѣть за правильностью исполненія службы японскими солдатами. Дано было знать полковнику Кооно, приславшему своего адъютанта сдѣлать у меня обыскъ. Снова осмотрѣли всѣ мои вещи и безрезультатно. Японцевъ очень удивляло, откуда я добываю папиросы; я объяснилъ имъ, что меня ими снабжаетъ знакомый японскій офицеръ. Это не въ мѣру раздражало полковника Кооно. У меня дѣйствительно былъ знакомый офицеръ—поручикъ 22-го полка Сено.

Я съ нимъ познакомился въ тюрьмѣ совершенно случайно въ одно изъ его дежурствъ. Онъ хорошо говорилъ по русски и иногда по вечерамъ заходилъ ко мнѣ, но конечно папирось никогда не приносилъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ посадили къ намъ японскаго офицера за то, что онъ розыгрывалъ въ лотерею между нашими нижними чинами перочинный ножикъ. Онъ былъ очень угрюмъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ; черезъ нѣсколько дней его отвезли на судъ въ Зенцузи, гдѣ посадили на долгій срокъ.

Въ Мацуямѣ въ жизни плѣнныхъ въ то время начались перемѣны. Вѣстовой рассказывалъ мнѣ о нихъ. Японцы надумали разрѣшить плѣннымъ офицерамъ свободныя прогулки, т. е. ходить въ городъ безъ провожатыхъ. Офицеръ, желающій пользоваться этимъ, долженъ былъ дать подписку въ томъ, что не будетъ замышлять во время прогулокъ побѣга и не будетъ отправлять корреспонденцію безъ вѣдома японцевъ. Около половины офицеровъ не согласились дать подобной подписки. Полковникъ Кооно сильно разсердился, рассортировалъ всѣхъ офицеровъ и сильно стѣснилъ свободу офицеровъ, отказавшихся отъ подписки. Подписавшіеся морскіе офицеры были помѣщены въ храмъ Дайринди, а остальные въ Міоэндзи и

Дбучи-мачи. Послѣдніе выходятъ въ городъ могли три раза въ недѣлю отъ 8-ми до 12 часовъ дня, да и то съ провожатыми.

Пасха наступила 17-го апрѣля. Мнѣ приходилось все еще сидѣть въ тюрьмѣ. Вѣстовой, желая облегчить мою горькую долю, вздумалъ принести мнѣ съ ужиномъ въ Страстную субботу бутылку пива. Японцы замѣтили это и не пустили его ко мнѣ. Пришлось разговляться одному, безъ матроса.

Пасхальные дни прошли скучно, какъ то обыкновенно, сѣро и незамѣтно. Даже хуже, чѣмъ другіе. У японцевъ тогда не было праздниковъ и шли все время занятія.

Японскіе солдаты, видя, что мнѣ принесли крашенныя яйца, недоумѣвали и смѣялись, но все-таки яйца имъ очень понравились, и я раздарилъ имъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Пасхи почему-то ужинъ мнѣ принесъ не вѣстовой, а японскій караульный начальникъ. Онъ поставилъ на полъ посуду и ждалъ, когда я буду ѣсть. Тогда я его спросилъ. „Докони ватакусино дзюсоцъ?“ (Гдѣ мой вѣстовой?) Унтеръ-офицеръ ничего не отвѣчалъ, а только смѣялся. Я снова повторилъ вопросъ, но японецъ продолжалъ смѣяться. Тогда, я разсердился и, увидя въ судкахъ вареную рыбу,

пустилъ ее караульному начальнику въ физиономію. Часть ея описала на стѣнѣ тюрмы дугу и потомъ засохла, напоминая мнѣ въ слѣдующіе дни объ этомъ происшествіи. Вѣроятно до сихъ поръ въ мацуямской тюрмѣ эта рыба дуга напоминаетъ японцамъ о сидѣвшемъ когда-то тамъ русскомъ офицерѣ. „Аната! юрусикунай юрусикунай!“ (нехорошо, нехорошо)—говорилъ японецъ. Онъ видимо страшно смутился и не зналъ, что дѣлать. Постоявъ съ минуту, онъ вытеръ лицо, поспѣшно взялъ судки, и заперевъ на ключъ двери, ушелъ. Японцы жестоко могли бы меня наказать за это. Пожалуй даже разстрѣлать. Но они не сдѣлали этого, такъ какъ подобный случай обнаружилъ бы ихъ обращеніе съ плѣнными.

На слѣдующій день пришелъ адъютантъ полковника Кооно, дежурный офицеръ и переводчикъ и начали допрашивать меня. Я имъ сказалъ, что вѣстовой мнѣ былъ крайне нуженъ, и что японскій унтеръ-офицеръ долженъ былъ что нибудь отвѣтить на мой вопросъ, но не глумиться надо мной. Да и къ тому-же я заявилъ уже, когда меня ударилъ японскій офицеръ, что глумиться надъ собой больше не позволю. Теперь такъ и вышло—меня довели до такого состоянія. Если еще ко мнѣ будутъ приставать японскіе солдаты, то я не ручаюсь за послѣдствія. Японскіе солдаты

дѣйствительно часто надоѣдали мнѣ. Лягу лишь спать, они начинали бить въ стѣнку, кричать, ругаться; попросишь ихъ перестать, они пуще. Совершенно какъ дѣти! Мое объясненіе было передано полковнику Кооно, не нашедшему, какое примѣнить мнѣ наказаніе. Вѣроятно японцы думали, что я началъ сходить съ ума, такъ какъ черезъ шесть дней послѣ этого случая я былъ выпущенъ изъ тюрмы.

Около этого же времени наступилъ японскій праздникъ „Сайзицу“ (день восшествія на престолъ перваго японскаго императора). Главнѣйшій изъ праздниковъ. За три дня они уже начали приготовляться. Занятія прекратились и солдаты приступили къ украшенію плаца: строили какіе-то домики, ставили столбы, между ними развѣшивали гирлянды цвѣтовъ и зелени, устроили площадку, на которой чучело, изображающее японскаго офицера, держало великолѣпный японскій флагъ; понавѣшали всюду флаговъ, фонарей, поставили огромнѣйшей величины мачту съ вантами, увѣшанными флагами и т. п. Наканунѣ праздника все пестрѣло разными украшеніями.

Праздникъ начался 23-го апрѣля. Съ ранняго утра на плацу собралось много публики. Мужчины пришли въ новыхъ кимоно, и у кого были какіе нибудь медали или ордена—всѣ пона-

вѣсили. Женщины въ роскошныхъ разноцвѣтныхъ кимоно. Гимназисты и гимназистки. Вся картина имѣла прелестный видъ. Японки въ кимоно съ зонтиками придавали ей особенную прелесть. Было много молодыхъ и хорошенькихъ. Пришли всѣ—отъ самыхъ знатныхъ до бѣднѣйшихъ рикшъ. Ходили по плацу и осматривали всю работу японскихъ солдатъ. Они подолгу стояли у японскаго флага, тупо смотря на него, и восхищались вѣроятно чучеломъ, изображающимъ офицера.

Съ 8-ми часовъ приходили и выстраивались войска съ музыкантами. Гимназисты и гимназистки выстраивались за войсками. Старшіе классы гимназистовъ были съ винтовками. Раньше мы часто встрѣчали на улицахъ гимназистовъ, идущихъ съ ружьями на военную прогулку. Это были не кадеты. У японцевъ во всѣхъ школахъ обучаютъ фехтованію и ружейнымъ приемамъ, такъ что зачатки военнаго образованія даются имъ уже въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Гимназистокъ ружейнымъ приемамъ не учатъ, но обучаютъ фехтованію по японскому способу.

Въ 9 часовъ явился генераль Окабе со штабомъ. Онъ поздоровался съ войсками и послалъ своего адъютанта за „бонзами“ (священниками). Пришли бонзы въ странныхъ одеждахъ. Одни были въ желтыхъ ризахъ, другіе въ черныхъ, третьи въ

бѣлыхъ. На головахъ у всѣхъ остроконечные колпаки съ конскими хвостами. Этотъ головной уборъ казался комичнымъ.

Принесли бронзоваго „Будду“, поставили на площадку, и бонзы начали служить молебствіе; кланялись буддѣ, часто хлопали въ ладоши, били въ барабаны, звонили особыми колокольчиками и что-то говорили. Черезъ полъ-часа молебствіе окончилось. Генераль отошелъ въ сторону. Заиграла музыка, передъ генераломъ начали проходить войска церемоніальнымъ маршемъ, за войсками гимназисты, за гимназистами гимназистки, и потомъ... наступилъ самый забавный моментъ. Я сидѣлъ все время на двери. Эта дверь! Съ какой благодарностью я теперь вспоминаю о ней. Какъ много счастья доставила она мнѣ въ тюрьмѣ, часто помогая мнѣ забывать одиночество. Не будь ее—было бы очень тяжело. Смотря на плацъ, я громко хохоталъ. Старые японцы, построившись, проходили мимо генерала; за японцами всѣ старыя и пожилыя японки; за японками молодые и дѣти, и наконецъ шествіе довершали бонзы съ конскими хвостами. Было комично смотрѣть на японокъ, когда онѣ въ своихъ гетахъ проходили строемъ мимо генерала.

Послѣ парада солдаты и гимназисты отнесли винтовки и вернулись назадъ.

Посреди плаца были устроены низенькіе столы съ различными лакомствами: кастера, фрукты, конфекты и пирожныя. Кто хотѣлъ—подходилъ къ столамъ и лакомился сластями.

Музыка наигрывала различныя пьессы; всѣ прогуливались. Замѣчательно то, что японцы совершенно не разговаривали и не ухаживали за барышнями. Мужчины гуляли отдѣльно, женщины отдѣльно. Я не видѣлъ, чтобы какой нибудь японецъ ухаживалъ за японкой. А ихъ было тутъ много, и повидимому они другъ на друга не обращали никакого вниманія.

Погода была солнечная, но дулъ сильный вѣтеръ. Это портило праздникъ. Черезъ часъ снесло одинъ домикъ, и онъ могъ натворить много бѣды, если бы солдаты не разобрали его вовремя. Флагъ, который былъ въ рукахъ чучела-офицера, сорвало вѣтромъ. У японокъ поминутно высоко подымались фалды кимоно, но тѣ не смущались этимъ и спокойно прогуливались.

Въ часъ дня на какой-то колесницѣ солдаты повезли чучело, изображающее раненаго русскаго офицера. Онъ обильно обливался кровью. Это зрѣлище на всемъ плацу было встрѣчено радостнымъ „банзай“. Изъ плаца его повезли въ городъ по улицамъ. Тамъ всюду кричали „банзай“.

Затѣмъ солдаты начали стрѣлять изъ винто-

вокъ и орудій и пускать ракеты. Японцы большіе любители различныхъ взрывовъ и выстрѣловъ. Идете по улицѣ, и всюду маленькіе мальчишки, начиная чуть ли не съ двухлѣтняго возраста, пугаютъ васъ выстрѣлами изъ маленькихъ ружей или подбрасываютъ подъ ноги какія-то хлопушки, которыя громко рвутся.

Временами изъ орудій стрѣляли какими-то особыми снарядами. Высоко взлетѣвъ, они рвались въ воздухъ, и оттуда вылеталъ японецъ съ флагомъ, или лошадь или фонарь или шаръ или же просто японскій флагъ.

Въ 3 часа пошелъ дождь. Всѣ, раскрывъ зонтики, продолжали прогуливаться. Когда собрались большія лужи, японцы и японки выбрали фалды кимоно и ходили, высоко обнаживъ ноги, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Тогда же въ домики вошли гейши и начали пѣть и танцовать. Я тутъ впервые увидѣлъ танцы гейшъ, и они мнѣ показались дикими, не представляющими ничего интереснаго. Гейши были сильно покрашены съ шеями, покрытыми толстымъ слоємъ пудры и съ намаженными красными губами. Нѣкоторыя испачкали свои лица сажей или чѣмъ то чернымъ, и эти пятнистыя лица казались отвратительными. Среди гейшъ встрѣчались и хорошенькія. Японцы, раз-

бившись на кучки, остановились против домиковъ и любовались пѣніемъ и плясками гейшъ. Это продолжалось очень долго; чуть ли не до вечера. Къ вечеру дождь прошелъ. Зажгли всюду фонарики, начали пускать ракеты, стрѣлять изъ пушекъ и ружей. Интересно и красиво!

Праздненства продолжались всю ночь. Часовъ въ 11 я легъ спать и, просыпаясь ночью, все время слышалъ выстрѣлы.

Въ эти дни пища для арестованныхъ японскихъ солдатъ была улучшена. Имъ принесли фруктовъ и конфектъ. Арестованные угощали меня этими сластями. Японскихъ конфектъ я не выносилъ, но приходилось ѣсть, чтобы не обидѣть угощавшихъ. Я часто давалъ имъ и караульнымъ хлѣбъ, сахаръ и часть своей пици. Она имъ нравилась. Въ особенности японцы любятъ хлѣбъ; въ Японіи его не пекутъ, а хлѣбъ для нихъ рѣдкость и большое лакомство.

На молебствіе и парадъ всѣ арестованные были выпущены. Въ часъ дня ихъ снова посадили.

На слѣдующій день, вставъ въ 6 часовъ и взглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что еще много народу гуляло на плацу. Очень можетъ быть, что многіе ночевали въ домикахъ, гдѣ пѣли гейши. Къ 8-ми часамъ утра собралось столько же,

сколько и наканунѣ. Снова цѣлый день продолжались праздненства. Среди гуляющихъ я замѣтилъ полковника Кооно и его адъютанта.

Такъ часами, открывъ окно, я смотрѣлъ на эти праздненства. Въ окно, величиною въ одинъ квадратный аршинъ, была вставлена желѣзная рѣшетка, но раму можно было отодвигать въ сторону. Японки часто подходили къ тюремѣ и разговаривали со мной. Среди нихъ встрѣтились и такія, съ которыми я познакомился прежде во время прогулокъ. Онѣ подходили со своими подругами и знакомили меня съ ними. Такимъ образомъ у меня образовался обширный кругъ знакомства. О томъ, что я сидѣлъ въ тюрьмѣ и за что сидѣлъ—всѣ прекрасно знали. Эта исторія въ свое время надѣлала много шума и попала въ японскія газеты, гдѣ было помѣщено даже то небольшое письмо, за которое я заплатился. Японки очень сочувственно ко мнѣ относились и часто говорили: „ватаси симпайсимасу“ (я жалѣю). Съ своей стороны я благодарилъ за ихъ участіе и за то, что онѣ рѣшились поговорить со мной, облегчая тяжелые часы тюрьмы. Онѣ старались подольше развлекать меня своими шутками и разговорами. Разговаривать надо было осторожно, чтобы не замѣтили часовые и другіе японцы.

Праздненства продолжались до поздней ночи. Часа въ 3 все стихло.

25-го апрѣля никого, кромѣ солдатъ, поспѣшно убравшихъ всѣ украшенія, на плацу не было видно, и на слѣдующій день начались обычныя занятія.

27-го апрѣля новый полкъ отправляли на войну. Все происходило такъ же ночью, какъ и 14 апрѣля.

Иногда заключеннымъ японцамъ приходило желаніе помѣняться моею пищею. Ихъ кормили слѣдующимъ образомъ: въ 6 часовъ утра приносили чай, рисъ и рыбу. Въ полдень рисъ и въ 6 часовъ вечера рисъ, рыбу и зелень. Все маленькими порціями. Рисъ приносили въ деревянныхъ ящичкахъ, величиною въ нашу коробку на 250 папиросныхъ гильзъ. Рыбешка была сырая и соленая; ее подавали въ маленькихъ чашечкахъ. На одного солдата приходилось штукъ по 20-ти рыбъ, каждая величиною въ стальное перо. Зелень состояла изъ тыквы, рѣдьки и какой-то травы (кажется морской капусты). Ее такъ же подавали въ маленькихъ чашечкахъ и въ такомъ же количествѣ, какъ и рыбу. Рыба и зелень заливалась японскою соею. Чай доставлялся въ небольшомъ деревянномъ ушатѣ, откуда деревяннымъ черпакомъ разливался въ чашечки. Чай былъ безъ

сахару и очень жидкій. Такъ въ Японіи кормятъ солдатъ. Я раза два мѣнялся съ японцами пищей. Но больше этого дѣлать не хотѣлъ, такъ какъ не могъ выносить сырой рыбы и варенаго риса.

28-го апрѣля пришелъ ко мнѣ адъютантъ полковника Кооно, требуя меня къ послѣдному. Позвали японскихъ часовыхъ и меня повели въ управленіе къ Кооно. Шествуя подъ конвоемъ, я думалъ, что, вѣроятно, меня ожидаютъ новыя „прелести“. Но къ моей большой радости, Кооно объявилъ, что я понесъ очень суровое наказаніе, что я долженъ былъ еще долго сидѣть въ тюрьмѣ, но что принимая во вниманіе заступничество передъ нимъ моихъ товарищей, онъ рѣшилъ сегодня же меня освободить. Изъ управленія меня повели снова въ тюрьму и заперли. Черезъ часъ пришелъ фельдфебель Міазаки съ вѣстовымъ, взяли мое бѣлье, и я былъ выпущенъ.

Выйдя на улицу, вдохнувъ всю прелесть японской весны, почувявъ наконецъ свободу, я считалъ себя въ этотъ моментъ счастливѣйшимъ въ мірѣ.

Свободныя прогулки.

Послѣ тюрьмы, Подписка на свободныя прогулки. Мѣстечко Доого. Землетрясенія. Прибытіе въ Мацуяму плѣнныхъ офицеровъ съ эскадры адмирала Рожественскаго. Побѣгъ пяти мичмановъ. Японскія женщины. Послѣдніе дни въ Мацуямѣ. Отъѣздъ.

Въ 11 часовъ утра фельдфебель Міазаки привелъ меня въ Міоэндзи. Опять очутился я въ маленькой комнаткѣ, гдѣ жилъ до тюрьмы почти два мѣсяца. За время моего заточенія въ Міоэндзи произошли большія перемѣны: появилось много новыхъ офицеровъ, такъ какъ одни пожелали пользоваться свободными прогулками и дали подписку не замышлять въ это время побѣга, другіе же не хотѣли давать никакихъ обязательствъ. Первые жили въ помѣщеніи Дайринди, вторые— въ Міоэндзи и Дебучи-Мачи. Въ окружающей обстановкѣ тоже виднѣлась нѣкоторая разница: на крышѣ, по которой, какъ думалъ полковникъ Кооно, мы пробирались къ японкѣ, былъ сдѣланъ

заборъ изъ рогожи, закрывавшій собою окна японокъ, и больше мы ихъ уже не видѣли. Черезъ часъ по возвращеніи я принялъ ванну, послѣ чего вздохнулъ еще свободнѣе.

Жизнь въ Міоэндзи была для насъ очень тяжела. Полковнику Кооно не понравился отказъ офицеровъ отъ подписокъ, и онъ примѣнилъ къ нимъ всѣ строгости плѣна. Въ городѣ и Доого разрешалось ходить три раза въ недѣлю въ сопровожденіи японскихъ солдатъ. Прогуливаться негдѣ. Обыкновенно по вечерамъ всѣ выходили и гуляли взадъ и впередъ по кладбищу между памятниками. Тѣснота страшная. Отсутствіе движеній дѣйствовало вредно. Многіе сдѣлались нервными. Нѣкоторые очень много спали. Дѣлать нечего, поэтому и спали цѣлыми днями. Вставали только къ завтраку и обѣду. На меня такая жизнь дѣйствовала подобно прежней—тюремной. Въ Міоэндзи она отличалась лишь тѣмъ, что можно было выходить во дворикъ и разговаривать съ офицерами. Свободы было очень мало. Многіе офицеры сильно похудѣли и поблѣднѣли. Многіе начали пить.

Передъ нашимъ окномъ за дворикомъ разстилалось огромное поле; дальше виднѣлось море. Часто, сидя у окна, мы мечтали, какъ хорошо было бы убѣжать къ морю, сѣсть въ шлюпку и оказаться на свободѣ. Ходили слухи, что эскадра

адмирала Рожественскаго уже близко. Мы сильно радовались и ждали, когда эскадра разобьетъ японцевъ, и когда можно будетъ убѣжать. Мы такъ мечтали: узнавъ, что наша эскадра разбила японскую, нѣсколько офицеровъ убѣжить изъ плѣна и попросить адмирала Рожественскаго прислать миноносцы къ нашему берегу. Миноносцы придутъ ночью, мы по сигналамъ съ послѣднихъ узнаемъ о ихъ приходѣ, перебьемъ японскіе караулы, зажжемъ дома и убѣжимъ на миноносцы.

Въ концѣ апрѣля настали жаркіе дни. Спать безъ „москитъ—хауза“ *) нельзя было: появились различные звѣри и насѣкомья. Москитовъ миллионы. Въ помѣщеніи часто мы находили скалапендръ, величиною вершка въ четыре. Ихъ тотчасъ убивали, такъ какъ укусъ ея можетъ быть смертельнымъ. Однажды, когда я ложился спать, у меня изъ подъ подушки выползло два огромныхъ паука. Тѣла ихъ были величиною въ спичечную коробку, а ноги—каждая вершка въ три. Такіе экземпляры мнѣ впервые пришлось видѣть. Москитъ—хауза тогда у меня еще не было, и я на слѣдующій день купилъ его. Въ садахъ прыгали

*) Навѣсь надъ кроватью изъ марли, защищающій отъ москитовъ и скалапендръ.

огромнѣйшія лягушки. Въ саду „Дайринди“ водились змѣи, и ихъ нерѣдко тамъ убивали. По вечерамъ москиты ужасно кусали. Мы ходили безъ сапогъ, въ японскихъ зори или гетахъ, поэтому ноги для защиты отъ москитовъ приходилось обертывать толстой бумагой.

На слѣдующій день по возвращеніи изъ тюрьмы я поѣхалъ въ Доого. Изъ Міоэндзи тогда ѣхали 18 офицеровъ. Насъ сопровождали два японскихъ солдата и фельдфебель Міазаки. Прогулка не изъ пріятныхъ. Въ Доого въ одной изъ лавочекъ я увидѣлъ Охану-санъ. Она недѣли двѣ тому назадъ открыла около вокзала лавочку и, когда насъ пускали на прогулку, сидѣла тамъ. Теперь съ ней тутъ въ ожиданіи поѣзда можно было разговаривать. Въ тотъ день я не подошелъ къ ней, думая, что она сердится.

30-го апрѣля меня позвалъ полковникъ Кооно и предложилъ дать подписку на свободныя прогулки. Чтобы пользоваться прогулкой надо было изъ Міоэндзи переселиться въ Дайринди, чего мнѣ не хотѣлось, такъ какъ я жилъ съ офицерами, съ которыми давно сдружился. Полковнику Кооно я сказалъ, что пока положительнаго отвѣта не дамъ, а подумаю до 6-го мая и тогда рѣшу окончательно. Я думалъ пожить еще нѣкоторое время въ Міоэндзи и если увижу, что привыкну

къ этой жизни, то не дамъ подписки, если же будетъ очень тяжело, то подпишусь.

2-го мая вечеромъ я рѣшилъ подписаться. Безъ всякихъ движеній сидѣть только и лежать я не могъ. Отсутствіе какого нибудь дѣла тоже меня убивало. Слоняться изъ угла въ уголь надоѣло. Спать—даже ѣсть надоѣло. Ко всему чувствовалась какая-то апатія. Пять мичмановъ рѣшили бѣжать и теперь часто обдумывали планъ побѣга. Незамѣтнымъ образомъ они теперь готовились къ этому, приобрѣтая различныя пособія.

Одновременно съ свободными прогулками плѣннымъ офицерамъ разрѣшено было выписать изъ Россіи своихъ женъ и семейства. Офицеры, пожелавшіе воспользоваться этой льготой, должны были дать какую-то особенную подписку. Въ японскихъ постановленіяхъ о разрѣшеніи проживать офицерамъ вмѣстѣ съ ихъ женами, было сказано, что разрѣшается жить женамъ и „тому подобнымъ обстоятельствамъ“. Читая эти постановленія, насъ выраженіе: „тому подобныя обстоятельства“ сильно потѣшало. Мы сразу догадались, что хотѣли выразить японцы этими словами, и когда услышали дословное значеніе японскаго слова („мекаке“), которое въ постановленіяхъ на русскомъ языкѣ было переведено: „тому

подобныя обстоятельства“, убѣдились, что въ догадкахъ своихъ мы не ошибались.

3-го мая я снова поѣхалъ въ Доого. Передъ возвращеніемъ зашелъ къ Оханѣ-санѣ. Оказывается, она совершенно не сердилась, а наоборотъ просила у меня прощенія за то, что я такъ сильно пострадалъ. Она во всемъ считала себя виновной. Разсказала мнѣ, какъ она сидѣла въ тюрьмѣ двѣ недѣли, и въ заключеніе просила забыть все и простить ей. Ужасно хитры японки!

6-го мая снова повели меня къ полковнику Кооно, гдѣ я далъ подписку въ томъ, что не буду во время прогулокъ пытаться бѣжать и отправлять какую либо корреспонденцію. На слѣдующій день я перебрался въ помѣщеніе Дайринди, гдѣ японцы выдали мнѣ двѣ деревянные бирки. Эти бирки должны были всегда висѣть въ канцеляріи. Уходя на прогулку, одну бирку я долженъ былъ вѣшать на дворѣ около караульнаго помѣщенія, чтобы караульнымъ было извѣстно, кто ушелъ, а другую носилъ съ собой, которую долженъ былъ показывать полицейскимъ и жандармамъ по ихъ требованію. Свободныя прогулки заключались лишь въ томъ, что мы ходили безъ сопровожденія японскихъ солдатъ, но зато за нами зорко слѣдили жандармы и полицейскіе. По воскреснымъ днямъ и праздникамъ никто

ходить на прогулку не имѣлъ права. Всѣ должны были оставаться у себя. По понедѣльникамъ и четвергамъ на прогулку разрѣшалось ходить отъ 6-ти часовъ утра до 12-ти дня. По вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 12-ти часовъ дня до 6-ти вечера. Свободныя прогулки разрѣшалось дѣлать въ районѣ, имѣющемъ радіусъ 4 версты отъ зданія Кокайдо. Въ этомъ районѣ помѣщалось Доого.

Офицерамъ, не давшимъ подписки, полковникъ Кооно запретилъ ѣздить по желѣзной дорогѣ и на рикшахъ, а они должны были ходить пѣшкомъ. Это произошло потому, что однажды ихъ на прогулку сопровождалъ японскій офицеръ, и ему не хотѣлось платить за билетъ на поѣздъ, хотя всего надо было заплатить 4 копейки, а изъ нашихъ офицеровъ никто ему не купилъ билета. Да и никому бы въ голову не пришло предложить офицеру 4 копейки. Сопровождающимъ солдатамъ мы всегда покупали билеты. Японскій офицеръ заявилъ Кооно, и послѣдній запретилъ ѣздить на поѣздѣ. Онъ отлично могъ сдѣлать распоряженіе, чтобы японцы, сопровождающіе плѣнныхъ, ѣздили бы безъ билетовъ, да и кромѣ того офицеръ, не желающій тратиться на проѣздъ отлично могъ не сопровождать нашихъ офицеровъ, поручивъ это дѣло одному изъ японскихъ солдатъ.

Разъ онъ самъ вызвался на это, то долженъ былъ и купить себѣ билетъ, какъ это дѣлали всѣ наши офицеры. Очень можетъ быть, что нѣкоторымъ нашимъ офицерамъ хотѣлось пройтись пѣшкомъ, однако они не жалѣли четырехъ копеекъ. И стоило же японцамъ подымать исторію изъ за нѣсколькихъ копеекъ!

Когда я впервые вышелъ на прогулку, то въ Доого нѣсколько разъ японскіе полицейскіе и жандармы требовали мою бирку. Узнавъ мою фамилію, они больше меня не беспокоили, но зорко за мной слѣдили. Моя фамилія была известна рѣшительно всей полиціи и жандармеріи.

Когда я выходилъ изъ Дайринди, то полицейскіе ни на одну минуту не спускали съ меня взоровъ. Иногда я хотѣлъ уйти отъ нихъ и шель куда-нибудь за городъ въ какую-нибудь рощу, но и тутъ видѣлъ, что полицейскій и жандармъ слѣдили за мной изъ-за кустовъ. Идешь по дорогѣ и эти „вѣрные“ тѣлохранители шествуютъ за тобой въ почтительномъ разстояніи. Это отчасти можетъ льстить самолюбію, такъ какъ по всему видно, что персона важная, разъ ее такъ зорко охраняетъ полиція.

Японскіе полицейскіе всегда слѣдили за всѣми офицерами и не открыто, а какъ-то исподтишка. Ихъ развелось огромное количество въ

Мацуямъ и въ особенности въ Доого. Однажды нашъ офицеръ снималъ въ Доогосскомъ паркѣ двухъ японокъ. Вечеромъ пришелъ къ нему японскій офицеръ и конфисковалъ фотографическій аппаратъ. Оказывается, полицейскій сидѣлъ на деревѣ и оттуда изъ-за листы наблюдалъ за нашимъ офицеромъ, не подозрѣвавшимъ этого. Часто полицейскіе слѣдили за нами переодѣтые въ киримоны. Но мы ихъ лица отлично знали, да и японки часто насъ предупреждали, что за нами слѣдятъ, и указывали на тайнаго шпіона.

Доого въ то время приняло русскій видъ. Всюду появились вывѣски на русскомъ языкѣ, и на улицахъ часто слышался русскій говоръ. Въ Мацуямѣ внутри помѣщеній, въ рестораны и чайные домики входить запрещалось. Въ Доого это разрешалось, и поэтому тамъ сразу открылось четыре ресторана и много публичныхъ домовъ. Публичныхъ женщинъ повезли изъ Кобе и Нагасакъ, и цѣлая улица была ими наводнена. На одномъ домѣ была даже вывѣска „Бревно“. Почти никто изъ русскихъ ихъ не посѣщалъ, и поэтому они скоро закрылись, а обитательницы, желающія поживиться на счетъ русскихъ плѣнныхъ, должны были покинуть Доого ни съ чѣмъ.

Мы иногда посѣщали чайные дома, гдѣ слушали пѣніе гейшъ. За часъ пѣнія гейшѣ плати-

лось 65 сенъ, изъ которыхъ, говорили, 15 сенъ она должна была платить на военныя издержки.

Я очень часто ѣздилъ въ Доого и тамъ по нѣскольку часовъ просиживалъ въ лавочкѣ у Оханы-санъ. По-японски я уже говорилъ довольно хорошо и могъ вполне свободно съ ней разговаривать. Около этого времени начали усиленно поговаривать о нашей Балтійской эскадрѣ. У японцевъ не сходило съ языка это „Барутикъ кантай“. Было видно, что они ждали боя, и это ожиданіе приводило ихъ въ трепетное оцѣпенѣніе: бой рѣшалъ судьбу всей Японіи.

У насъ иногда тоже разговаривали объ этомъ боѣ. Какія суда были въ эскадрѣ адмирала Роже-стенскаго, мы еще точно не знали. Одни говорили, что японцы насъ побѣдятъ, другіе — что наши ихъ разобьютъ. Дня за три до Цусимскаго боя, мы какъ-то, сидя у себя въ помѣщеніи, сдѣлали подсчетъ японскимъ орудіямъ и нашимъ, и тутъ большинство пришло къ убѣжденію, что наша эскадра будетъ разбита.

Въ десятыхъ числахъ мая въ Японіи было землетрясеніе. Намъ это происшествіе пришлось испытывать впервые.

Помню, сию я въ комнатѣ и рассматриваю какой-то журналъ. Въ это время слышу сильный гулъ. Въ первый моментъ я подумалъ, что у япон-

цевъ взорвался какой-нибудь погребъ. Гулъ становится все больше и больше, и наконецъ я чувствую, какъ весь храмъ Дайринди начинаетъ колебаться, и я падаю вмѣстѣ со стуломъ. Тутъ я сообразилъ, что это землетрясеніе. Я вскочилъ и выбѣжалъ во дворикъ. Дворикъ былъ очень маленькій, сажени двѣ шириною. Въ это время балки зданія трещали, земля колыхалась, и на ней нельзя было устоять; я смотрю на крышу и боюсь, чтобы она не свалилась на меня. Подбѣгаю къ калиткѣ и стараюсь ее открыть, смотря все время на качающуюся огромную и тяжелую крышу храма. Пока я старался открыть калитку рзодралъ себѣ до крови руки. Послѣ землетрясенія увидѣлъ, что, сосредоточивъ все вниманіе на крышѣ, я калитку старался открыть не въ ту сторону. Всѣ офицеры выскочили изъ помѣщенія во дворъ. На улицу не имѣлъ права никто выбѣгать. Нѣкоторые офицеры, выбѣгая изъ храма во дворъ, дѣлали при этомъ неимовѣрные прыжки. Въ городѣ жители всюду высыпали на улицы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развалились дома; у насъ въ одномъ мѣстѣ обвалился каменный заборъ. Въ городѣ Гунчю (недалеко отъ Мацуямы) погибло до ста человѣкъ.

Минуть пятнадцать послѣ землетрясенія мы не рѣшались входить въ зданіе. Первый толчокъ

сильно всѣхъ напугалъ. Часа черезъ два былъ второй толчокъ, гораздо слабѣе перваго, хотя мы опять перепугались. Вечеромъ былъ третій толчокъ. Нѣкоторые офицеры не хотѣли ночью спать въ зданіи и вынесли свои кровати на дворъ.

Подземные толчки изрѣдка продолжались въ теченіе всей недѣли все слабѣе и наконецъ совершенно стихли. На насъ это землетрясеніе произвело впечатлѣніе. Вечеромъ какъ-то мы сидѣли и пили чай. Кто-то въ сосѣдней комнатѣ передвигалъ столъ. Мы моментально выскочили на дворъ, не обращая вниманія на летящія въ это время стулья, стаканы и т. п. Въ этотъ моментъ охватывала какая-то паника, каждый стремился только скорѣе выбѣжать и опрокидывалъ при этомъ стулья, вещи, сдвигалъ столы и т. п. Замѣчательно то, что стѣнные часы съ маятникомъ во время землетрясенія всегда останавливались, такъ что, вставъ утромъ и видя, что часы стоятъ, всегда можно было узнать, что ночью былъ подземный толчокъ и часъ, когда онъ былъ.

На меня землетрясеніе подѣйствовало. Я долго потомъ вздрагивалъ при каждомъ грохотѣ стульевъ, или когда двери и окна захлопаютъ отъ вѣтра. Да и теперь даже въ Россіи иногда каждый звукъ, похожій на слышанный при землетря-

сеніи заставляетъ вспоминать Японію. Разъ въ Осакѣ ночью мнѣ почудилось землетрясеніе. Я быстро вскочилъ съ койки и выбѣжалъ голый, одѣвая по пути кимоно. Оказалось, одинъ офицеръ въ сосѣдней комнатѣ передвинулъ стулъ.

Приближалось 14 мая. У японцевъ было замѣтно возбужденное состояніе. Въ храмахъ то и дѣло били въ гонги и барабаны. Всюду усердно молились, говорили, что скоро будетъ бой. Въ Мацуяму изъ Инасы приѣхала Омацу-санъ. Это старушка-японка, дочь поставщика нашего флота въ 60-ыхъ годахъ. Въ Инасѣ у нея есть гостиница и биллиардъ. Когда наша эскадра стояла въ Нагасакахъ, офицеры часто у нея проводили свободное время. У нея есть сотни фотографическихъ карточекъ нашихъ морскихъ офицеровъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Тамъ можно видѣть мичманами и настоящихъ адмираловъ и уже ушедшихъ на тотъ свѣтъ. Омацу-санъ приѣхала въ Мацуяму со своей дочерью Очіе-санъ и двумя воспитанницами: Казачкой—санъ и Цыганкой санъ. Въ Доого она открыла ресторанъ, а въ Мацуямѣ магазинъ, гдѣ можно было купить все необходимое. Омацу-санъ очень любитъ русскихъ и старалась намъ, какъ могла, облегчить плѣнъ. Многіе офицеры во время своихъ прогулокъ проводили время у нея. Отъ нея мы узна-

вали, какъ идутъ наши дѣла въ Манджуріи и гдѣ теперь Балтійская эскадра. Что знала Омацу-санъ, то всегда она намъ рассказывала. За ней зорко слѣдили полицейскіе, и когда мы съ ней раговаривали, у дверей стоялъ полицейскій и подслушивалъ, что мы говорили. Конечно при такихъ условіяхъ долго разговаривать нельзя было.

15 мая угромъ пришла въ Мацуяму телеграмма съ извѣстіемъ о началѣ боя и объ уничтоженіи двухъ нашихъ броненосцевъ. Японцы начали ликовать. Мы не вѣрили. Прошло два часа, еще пришла телеграмма, что еще одинъ корабль потопленъ. Каждые два часа выпускались телеграммы на японскомъ языкѣ съ неутѣшительными для насъ извѣстіями и раздавались японскому народу. Переводчикъ въ нашемъ помѣщеніи переводилъ намъ эти телеграммы. Мы какъ-то не вѣрили и сомнѣвались въ такомъ быстромъ уничтоженіи нашей эскадры. Говорили, что нѣтъ дыму безъ огня, но чтобы одерживать такія побѣды, какъ писали японцы—мы не вѣрили.

На слѣдующій день пришла телеграмма съ извѣстіемъ, что шесть нашихъ броненосцевъ подъ командой контръ-адмирала Небогатова сдались въ плѣнъ, и что одинъ былъ такъ сильно разбитъ, что затонулъ, будучи взятымъ на буксиръ,

другой тоже, а четыре броненосца они привели въ Майзуру. Когда мы услышали о сдачѣ нашихъ броненосцевъ, смѣялись надъ японцами и говорили, что такъ врать, какъ они—невозможно, и никто имъ не повѣритъ. Мы утверждали, что сдать корабль никто не можетъ, и что у насъ по закону это очень строго карается. Послѣднимъ пришло извѣстіе, что адмиралъ Рожественскій сдался вмѣстѣ съ миноносцемъ. Этому-то ужъ никто не вѣрилъ.

Мы выписывали японскія газеты на англійскомъ языкѣ: „Kobe Herald“, „Japan daily news“ и „Japan times“. Тамъ скоро появилось описаніе этого боя. Теперь пришлось убѣдиться, но о сдачѣ мы не хотѣли и слышать, и многіе не вѣрили до тѣхъ поръ, пока не увидѣли плѣнныхъ офицеровъ съ эскадры адмирала Рожественскаго и лично отъ нихъ не узнали, что дѣйствительно пять нашихъ кораблей сдались.

Прошелъ бой. Перестали и японцы наклеивать на всѣхъ перекресткахъ свои телеграммы, и мы начали забывать о немъ. Намъ еще одно обстоятельство заставляло сомнѣваться въ правдоподобности извѣстій о Цусимскомъ боѣ: въ февралѣ, когда японцы взяли Мукденъ, они устроили въ Мацуямѣ шумныя празднества и праздновали по заранѣ составленной программѣ въ теченіе трехъ

дней. Теперь же только одинъ вечеръ они пускали какія-то ракеты и кричали банзай. Больше никакихъ празднествъ не было. Это конечно начало вводить насъ въ заблужденіе, и мы не хотѣли вѣрить въ такой плачевный результатъ Цусимскаго боя.

Недѣли черезъ двѣ японцы сообщили намъ, что завтра пріѣдутъ въ Мацуяму плѣнные съ эскадры адмирала Рожественскаго. На слѣдующій день къ часу дня много нашихъ офицеровъ пошло на вокзалъ встрѣтить ихъ. Мнѣ все какъ-то казалось, что эскадра не разбита, и я думалъ, что никто не пріѣдетъ. Наконецъ около часу подходит къ станціи поѣздъ, и я вижу, что изъ оконъ выглядываютъ русскіе офицеры и матросы. Печальная встрѣча! Теперь уже не было сомнѣнія въ уничтоженіи нашей эскадры и въ иллюзіи всѣхъ нашихъ мечтаній. Среди пріѣхавшихъ я встрѣтилъ шестерыхъ своихъ товарищей. Тутъ на вокзалѣ мы узнали, что сдача адмирала Небогатова дѣйствительно состоялась. Пробывъ минутъ десять, всѣ офицеры Балтійской эскадры сѣли на рикшъ, и ихъ отвезли къ полковнику Кооно, гдѣ они всѣ дали подписку на свободныя прогулки. Оттуда ихъ повезли въ бараки *), гдѣ они должны были

*) Въ баракахъ жили русскіе раненые и больные. Баракъ въ Мацуямѣ было до 30-ти.

жить. Я съ вокзала пошелъ въ бараки. Черезъ часъ и офицеры пріѣхали туда. Поговоривъ тамъ нѣкоторое время, я со своими товарищами пошелъ въ городъ показать имъ лавки, гдѣ они могли бы заказать себѣ одежду. Одѣты они были плачевно. Вещей у нихъ никакихъ не было, такъ какъ многіе спасены изъ воды послѣ гибели кораблей.

Изъ города мы пошли въ Кокайдо, гдѣ жили наши морскіе офицеры, не давшіе подписки. Незадолго до пріѣзда плѣнныхъ Балтійской эскадры, ихъ всѣхъ изъ Міоэндзи перевели въ Кокайдо, находившейся на одной и той же улицѣ—Каямачи. Тамъ жилъ одинъ мичманъ нашего выпуска. Мы разговорились о своихъ товарищахъ. Да,—нашъ замѣчательный выпускъ! Всѣхъ мичмановъ въ немъ было 128. Въ Артуръ—12, изъ нихъ: 28 іюля ушло въ нейтральные порты — 4, всю осаду пробыло—6, убито—2, ушло въ нейтральные порты во время сдачи—1, уѣхало въ Россію послѣ сдачи—1, пошедшихъ въ плѣнъ—4, ранено—5. Во Владивостокъ—3. На Балтійской эскадрѣ—59, изъ нихъ: убито—23, взято въ плѣнъ—14, ушедшихъ послѣ боя во Владивостокъ, нейтральные порты и въ Россію — 11, сдилось на эскадрѣ адмирала Небогатова — 11, ранено — 9. Такимъ образомъ изъ 128 человекъ нашего вы-

пуска на войнѣ было—74, изъ нихъ: убито—25, застрѣлилось—5, раненыхъ—14 и попавшихъ въ плѣнъ—29.

Со всѣми своими товарищами я разстался въ первые дни нашего офицерства, и такимъ образомъ пришлось со многими разстаться навсегда. Такъ и не увидѣлъ ихъ въ офицерскомъ мундирѣ. Погибли хорошіе мои товарищи, съ которыми я напрасно надѣялся встрѣтиться. Судьба жестоко наказала нашъ выпускъ. Кто бы могъ подумать, уѣзжая въ Портъ-Артуръ, что слѣдующая наша встрѣча будетъ въ плѣну у японцевъ.

Поговоривъ еще немного о Цусимскомъ боѣ, мы разошлись по своимъ помѣщеніямъ: за опозданіе, хотя бы на пять минутъ, насъ ожидало жестокое наказаніе. Одной „строгой жизнью“ тогда бы не ограничились, — посадили бы въ тюрьму.

Мичманы, жившіе со мною въ Міоэндзи въ верхней комнаткѣ, окончательно рѣшили бѣжать. Черезъ нѣсколько дней насталь періодъ сильныхъ дождей, и они надумали воспользоваться этимъ временемъ. Однажды вечеромъ, переодѣвшись въ кимоно, улучшивъ время, когда другіе наши офицеры заняли разговоромъ часовыхъ, они въ темнотѣ перелѣзли черезъ заборъ. Японцы на слѣдующій день не замѣтили ихъ побѣга и даже

не подозрѣвали объ этомъ. Планъ ихъ былъ такой: пройти къ берегу, взять какую-нибудь шлюпку и выйти на ней въ море на путь иностранныхъ пароходовъ, гдѣ бы одинъ изъ встрѣчныхъ пароходовъ принялъ ихъ и привезъ въ нейтральный портъ. Деньги за шлюпку были оставлены одному изъ офицеровъ, который долженъ былъ заплатить потерпѣвшему японцу въ случаѣ удачнаго побѣга. Они счастливо дошли ночью до берега, нашли тамъ шлюпку, сѣли въ нее, поставили паруса и поплыли. Въ то время былъ отливъ, и они въ темнотѣ выскочили на мель. Всѣ ихъ старанія снять шлюпку не удалось. Вытащили ее на берегъ, опрокинули и сѣли подъ нее въ надеждѣ на слѣдующую ночь продолжать путь. Утромъ какой-то японскій рыбакъ, замѣтивъ новую шлюпку, подошелъ къ ней, осмотрѣлъ ее и ушелъ. Черезъ нѣкоторое время явилась масса японцевъ изъ сосѣдней деревни. Впереди шелъ какой-то японецъ, вооруженный старинной японской саблей, у другихъ были дубины, грабли, вилы. Всѣ они подошли къ шлюпкѣ и начали кричать, чтобы тѣ вылѣзли. Тогда одинъ мичманъ высунулъ изъ-подъ шлюпки голову и сказалъ: „конничива“ (здравствуйте). Послѣ этого всѣ мичманы вышли изъ подъ шлюпки, и ихъ повели въ Мацуюму. Полковникъ Кооно о побѣгѣ ничего не зналъ,

такъ какъ отсутствіе ихъ въ Кокайдо не обнаружили. Онъ сразу, въ чемъ они были, посадилъ ихъ въ тюрьму въ Мацуюмѣ, гдѣ они сидѣли недѣли двѣ до суда, который долженъ былъ состояться въ Зенцузи. Черезъ двѣ недѣли ихъ отвезли въ Зенцузи, присудили на пять лѣтъ тюремнаго заключенія и посадили тамъ въ тюрьму. Ихъ жизнь была крайне тяжела. Тамъ ихъ посадили въ маленькія коморки, каждая въ четыре шага длины и два шага ширины, гдѣ они и просидѣли по пяти мѣсяцевъ. Пять лѣтъ имъ не пришлось сидѣть, такъ какъ микадо послѣ ратификаціи мира издалъ манифестъ, по которому русскіе плѣнные, наказанные японцами, освобождались отъ наказаній, и тогда изъ всѣхъ тюремъ были выпущены всѣ русскіе.

Жизнь въ плѣну сильно надоѣла. Свободы никакой, интересовъ никакихъ. Во время свободныхъ прогулокъ я часто просиживалъ у Оханысанъ, разговаривалъ съ ней и учился японскому языку. Японцы все время слѣдили и часто писали объ этомъ въ своихъ газетахъ. Въ газетахъ они писали всякія сплетни и глупости. У нихъ въ каждомъ маленькомъ городкѣ выходитъ газета и она стоитъ очень дешево — не болѣе одной — двухъ копеекъ, каждый японецъ обязательно читаетъ газету; они всѣ грамотные. Матеріала для

газетъ мало, онѣ и занимаются сплетнями. Въ Мацуямской газетѣ каждый день фигурировали какой-нибудь плѣнный, каждый нашъ шагъ описывался въ газетахъ. Какъ-то я въ Доого два дня подрядъ не заходилъ къ Оханѣ-санѣ. Сейчасъ-же на слѣдующій день было напечатано, что я ее не люблю. Въ июнѣ Охана-санѣ на три дня уѣзжала въ городъ Куре — мѣсто ея родины. Тогда намъ было разрѣшено ѣздить на морскія купанія въ Митцу и Такахаму. Я поѣхалъ въ Такахаму провожать ее. На слѣдующій день все это появилось въ газетѣ, и авторъ описалъ эти проводы въ стихахъ. Про каждый нашъ шагъ, про всякую глупость они печатали. Однажды нѣсколько нашихъ офицеровъ сидѣли въ вагонѣ. Туда вошла японка. Тотчасъ одинъ офицеръ всталъ со своего мѣста и предложилъ ей сѣсть. Надо замѣтить, что у японцевъ нѣтъ никакого уваженія къ женщинамъ, и тамъ не японецъ долженъ уступать мѣсто японкѣ, а наоборотъ. Мужчина какъ сыръ въ маслѣ катается; женщина все ему должна дѣлать, въ семьѣ она рабыня. Вѣжливость нашего офицера, понятно, удивила японцевъ, и они опубликовали объ этомъ въ своихъ газетахъ. Однажды я въ Осакѣ купилъ себѣ кимоно, и объ этомъ тотчасъ же было напечатано, но съ фамиліею другого офицера,

бывшаго ни при чемъ. На эти публикаціи мы не обращали никакого вниманія.

Японки, въ виду хорошихъ къ нимъ отношеній, сильно привязывались къ русскимъ. Онѣ во многомъ могли бы намъ помочь, но всюду полицейскіе зорко за ними слѣдили и при каждомъ случаѣ жестоко наказывали. Сами по себѣ японки очень симпатичны и характеромъ сильно разнятся отъ японцевъ. Онѣ нѣжны и миниатюрны, ласковы и услужливы; среди нихъ много красавицъ. Японкѣ легко заинтересовать европейца. Часто случается, что и русскіе, и другіе моряки, плавая на Востокѣ, женятся на японкахъ. Тамъ въ обычаѣ гражданскій бракъ, и жениться по контракту на нѣсколько лѣтъ нѣтъ ничего легче. Родители часто продаютъ своихъ дочерей. Выйдя за васъ замужъ, японка во время всей вашей супружеской жизни будетъ вамъ вѣрна. Я знаю много случаевъ, когда моряки, имѣя въ Европѣ своихъ законныхъ женъ, часто, плавая на Востокѣ женились на это время на японкахъ. Очень можетъ быть, что ихъ жены и не подозрѣвали въ этомъ и были увѣрены въ вѣрности своихъ супруговъ. Но рѣдки бывали случаи, когда кто-нибудь изъ европейцевъ вывозилъ свою японскую жену къ себѣ на родину. Извѣстенъ случай, когда богатый американецъ заплатилъ за одну гейшу, родомъ

изъ Кобе, сорокъ тысячъ рублей и вывезъ ее въ Америку. Тамъ она своимъ изяществомъ и красотой произвела общій восторгъ. Американецъ выстроилъ ей въ Кобѣ домъ, гдѣ временами она и живетъ. Гейша была очень бѣдна, а теперь какъ она, такъ и ея родные стали богачами. Японку можно купить и за сорокъ рублей и за десятки тысячъ. Это не зависитъ отъ средствъ ея родителей, а главнымъ образомъ отъ средствъ покупателя. Когда европеецъ хочетъ купить въ какой-нибудь японской семьѣ японку, то родители узнаютъ о его средствахъ и назначаютъ сообразную цѣну.

Японка всегда имѣетъ видъ ласковаго ребенка. До двадцати лѣтъ она будетъ играть въ куклы. Разговаривать съ ней можно только какъ съ ребенкомъ. Въ обществѣ японки бываютъ очень милы и веселы. Жившій среди японокъ долго не можетъ забыть ихъ ласковаго, привѣтливаго обращенія и часто у себя на родинѣ, вдали отъ этого чуднаго края, вспоминаетъ ихъ. Японки очень примѣрныя жены. Никто такъ не будетъ ухаживать за вами, какъ японка. Хотя многимъ европейцамъ это не нравится. Помню, однажды я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Симоносекъ въ Кобе. Въ вагонѣ сидѣло два американца и одинъ шведскій офицеръ генеральнаго штаба, бывшій

во время русско-японской войны военнымъ агентомъ съ японской стороны. Онъ хорошо зналъ русскій языкъ, долго жилъ въ Россіи, и ему очень хотѣлось попасть къ намъ, но это не удалось, такъ какъ до него уже были назначены два агента. Мы познакомились и разговорились. Бесѣда коснулась и японскихъ женщинъ. Шведъ выразился, что японка мила и симпатична, но жениться на ней онъ бы не могъ: она была бы только вѣрной собачкой, всюду слѣдуя за вами. Будучи вѣрными, японки очень бережливы, чисто-плотны и любятъ порядокъ. Никто не ведетъ такъ экономно хозяйство, не содержитъ въ такой чистотѣ домъ, какъ японка. Одно не хорошо, японки часто лживы. Приниженное, рабское положеніе выработало у нихъ привычку лгать и отучить отъ этого очень трудно. Да и вообще всѣ японцы большіе лгуны. Очень можетъ быть, что это народная черта. Если японку воспитать въ европейскомъ кругу, то при ея характерѣ, могла бы изъ нея выйти чудная женщина. Японки часто сильно привязываются къ своимъ европейскимъ мужьямъ. Я зналъ одного офицера, жена-таго на японкѣ. Когда онъ умеръ, и похоронили его въ Нагасакахъ, то японка переселилась къ себѣ въ деревню и до сихъ поръ каждую недѣлю приходитъ къ нему на могилу, украшаетъ ее цвѣ-

тами и долго сидитъ надъ ней и молится о немъ у своихъ боговъ. Что можетъ быть трогательнѣе? Насколько прекрасны женщины, настолько же противны мужчины.

Во время плѣна я не узналъ такъ хорошо японскъ, какъ потомъ, послѣ ратификаціи мира, когда мнѣ цѣлый мѣсяць пришлось прожить въ Японіи, и послѣ войны, когда я еще мѣсяць прожилъ тамъ свободнымъ гражданиномъ.

Когда мы не могли выходить изъ своего помѣщенія, мы играли въ тенись, устроенный на дворѣ, или прогуливались въ саду. Тутъ, какъ и въ Міоэндзи, завели много птицъ, куръ, утокъ и разводили ихъ. Въ саду въ небольшомъ пруду плавали золотыя рыбки, я наблюдалъ тутъ съ интересомъ, какъ рыбки мечутъ икру. Въ саду водилось много змѣй, такъ что спать тамъ на травѣ было опасно. Всякій разъ мы убивали ихъ.

Мы начали получать русскія газеты. Крайне интересовало, что дѣлается въ Россіи, и жадно набрасывались на газеты. Обыкновенно читалъ одинъ, а другіе слушали. Всѣ газеты въ то время были переполнены статьями по поводу Цусимскаго боя. Въ англійскихъ газетахъ японскаго изданія часто восхвалялись подвиги нашихъ моряковъ въ Цусимскомъ бою. Японцы возносили броненосцы: „Суворовъ“, „Ушаковъ“, крей-

серъ „Свѣтлану“ и въ особенности подвигъ командира крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“ — капитана 1-го ранга Родіонова, убитаго потомъ въ Россіи мятежниками, возбужденными мерзкими негодяями, вздумавшими проповѣдывать въ нашихъ войскахъ несбыточныя утопіи.

Послѣ боя японцы, увидѣвъ тонущій крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ“, послали шлюпки для спасенія команды. Принявъ всѣхъ на шлюпки, предложили сойти и командиру, но послѣдній отвѣтилъ, что оставить своего корабля не можетъ. Японскій офицеръ сказалъ тогда, что такъ же поступилъ бы на его мѣстѣ всякій японскій командиръ, и ушелъ на шлюпкѣ. Съ Родіоновымъ остался на кораблѣ и штурманскій офицеръ-лейтенантъ Клочковскій. Послѣ гибели „Нахимова“ они оба нѣкоторое время плавали. Командиръ потерялъ сознаніе и началъ тонуть, но Клочковскій долго его поддерживалъ. Въ водѣ имъ пришлось пробыть остатокъ дня и цѣлую ночь. Подъ утро и Клочковскій началъ терять сознаніе. Они потонули бы, но къ счастью ихъ замѣтили японскіе рыбаки. Подвигъ этихъ двухъ героев восхищалъ японцевъ, и капитана 1-го ранга Родіонова они называли „русскимъ Хиросе“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ шестеро нашихъ вѣстовыхъ въ помѣщеніи Дайринди вздумали бѣжать и про-

силы совѣта у офицеровъ. Они получили отъ нѣкоторыхъ офицеровъ револьверы и въ темную ночь бѣжали. Къ нимъ присоединился и матросскій артельщикъ, который каждое утро долженъ былъ ходить съ японцами за провизіею. Утромъ японцы, отправляясь за провизіею, замѣтили его отсутствіе, сдѣлали перекличку и узнали фамиліи другихъ бѣжавшихъ. Тотчасъ всюду были посланы телеграммы, и ихъ поймали на слѣдующій день. Они не успѣли еще дойти до моря. Ихъ привезли и приговорили такъ же, какъ и мичмановъ, къ тюремному заключенію на пять лѣтъ, а одного, котораго японцы считали главаремъ, на восемь лѣтъ.

Какъ только мы прибыли въ плѣнъ, японцы объявили намъ, что если будетъ бѣжать шайка, то главарь будетъ предаваться смертной казни. На судъ надъ бѣжавшими мичманами японцы всѣми способами старались узнать главаря, и судья прямо задалъ вопросъ:

— Кто изъ васъ главарь?

— Погода,—отвѣчали подсудимые.

— Какъ погода?

— Да такъ, пошелъ дождь мы и бѣжали. Если бы не было дождя, то вѣроятно не бѣжали бы.

Тогда японецъ замѣтилъ, что не такъ задалъ

вопросъ, и спросилъ въ другомъ родѣ, думая выпытать такимъ образомъ:

— Кто изъ васъ первый подумалъ бѣжать?

— Всѣ сразу.

— Какъ это всѣ сразу? Вѣдь сказалъ кто-нибудь первымъ: давайте, побѣжимъ.

— Никто первымъ не сказалъ. Всѣ подумали объ этомъ сразу, и всѣ одновременно сказали это.

Долго судья старался узнать главаря и задалъ всевозможные вопросы, но мичмана стояли на своемъ.

Такимъ образомъ японцы никакъ не могли узнать главаря, и имъ пришлось на всѣхъ наложить одинаковое наказаніе.

До суда японцы начали разспрашивать у подсудимыхъ: кто ихъ отецъ, мать, сестры, братья, дяди, тети и сколько всѣхъ, и какіе ордена они имѣютъ. Когда при допросѣ одного мичмана, спросивъ о дядяхъ, братьяхъ, сестрахъ и т. п., вопросъ дошелъ до количества тѣтей, то онъ отвѣтилъ—19. Японцы не захотѣли ихъ переписывать и бросили эти, ни къ чему не относящіеся, вопросы. Вообще допросы японцевъ бывали очень комичны. Мнѣ не разъ приходилось предстать въ качествѣ арестованнаго предъ японцами и съ улыбкой отвѣчать на ихъ глупые вопросы.

Такъ протекала жизнь въ Мацуямѣ. Намъ сильно надоѣдали жандармы и полицейскіе. Въ особенности я не могъ сдѣлать ни одного шага, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не подсматривалъ за мной. Обо всемъ они доносили полковнику Кооно. Я зналъ, что за мной зорко слѣдятъ, и поэтому былъ очень остороженъ. Бѣгство моихъ товарищей, проводшихъ большую часть плѣна со мной въ одной комнатѣ, возбудило въ Кооно сильную подозрительность; онъ не разъ мнѣ это высказывалъ. Узнавъ, что я часто посѣщаю одну японку, онъ старался меня спровадить въ какой-нибудь другой городъ, не говоря объ этомъ мнѣ ни слова. Когда я бывалъ у Оханы-санъ, у дверей все время на улицѣ стояли жандармы и полицейскіе. Когда уходилъ оттуда, полицейскіе шли слѣдомъ за мной. Я думаю, Кооно отлично изучилъ мой характеръ и, записывая всѣ мои дѣйствія и поступки, могъ бы дать въ концѣ плѣна нашимъ начальникамъ обо мнѣ самую точную и вѣрную аттестацію, но конечно съ той стороны, съ какой онъ смотрѣлъ на меня.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ офицеровъ Балтійской эскадры, жившихъ въ баракахъ, надо было перевезти въ Осаку, такъ какъ въ Мацуямѣ не было для нихъ помѣщенія. Въ Мацуямѣ жили главнымъ образомъ артурскіе плѣнные и часть взятыхъ въ бою подъ

Мукденомъ и въ прежнихъ сухопутныхъ бояхъ. Полковникъ Кооно рѣшилъ и меня отправить въ Осаку вмѣстѣ съ офицерами Балтійской эскадры.

23-го іюня вечеромъ возвращаюсь съ прогулки, и переводчикъ неожиданно заявляетъ мнѣ, что я перевожусь въ Осаку, что пароходъ уйдетъ утромъ 25-го, и поэтому на завтра необходимо приготовиться. Меня возмутило такое позднее объявленіе. Все таки я быстро уложилъ вещи и на слѣдующій день поѣхалъ въ Доого послать въ Куре телеграмму Оханѣ-санъ о моемъ отъѣздѣ въ Осаку; она какъ разъ 23-го уѣхала на нѣсколько дней въ Куре. Отправивъ телеграмму, я возвращался въ Мацуяму на рикшѣ, думая заѣхать къ полковнику Кооно. Но я его встрѣтилъ по дорогѣ, катающимся верхомъ на лошади. Мы любезно раскланялись. Полковникъ Кооно спросилъ:

— Откуда вы ѣдете?

— Изъ Доого. Туда я ѣздить попросить родныхъ Оханы-санъ отправить ей телеграмму по поводу моего отъѣзда.

— Да! Вы завтра уѣзжаете въ Осаку.

— Это я знаю. Но мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами. Когда я могу васъ видѣть?

— Сегодня въ 11 часовъ дня. Вы скажите капитанъ-лейтенанту барону Нака-Микадо *),

*) Завѣдующій помѣщеніемъ Дайринди.

чтобы къ этому часу отпустилъ васъ ко мнѣ. Мнѣ вамъ надо какъ разъ вернуть вещи, которыя я конфисковалъ у Оханы санъ.

Въ 11 часовъ дня я пошелъ къ Кооно. Онъ принялъ меня очень любезно въ управленіи и такъ же, какъ когда-то на допросѣ, началъ угощать меня шоколадомъ съ кусочкомъ сахару. Полковникъ спросилъ, доволенъ ли я, что ѣду въ Осаку?

— Мнѣ бы очень хотѣлось остаться въ Мацуямѣ—отвѣтилъ я,—и былъ бы крайне радъ, если бы вы измѣнили свое рѣшеніе.

— Теперь уже поздно. Ничего сдѣлать нельзя, такъ какъ о вашемъ переводѣ отправлена бумага военному министру.

— Очень жаль. А я только для того и пришелъ сюда, чтобы уговорить васъ оставить меня въ Мацуямѣ. Ѣхать въ Осаку мнѣ не хочется.

— Вѣдь ваши товарищи теперь сидятъ въ тюрьмѣ. Вамъ все равно: остаться ли въ Мацуямѣ или уѣхать въ Осаку. Я удивляюсь, почему вы не бѣжали со своими товарищами. Теперь бы сидѣли вмѣстѣ съ ними, и не приходилось бы уѣзжать въ Осаку.

— Я бы охотно бѣжалъ съ ними и мечталъ о побѣгѣ, когда еще не вступилъ на японскую землю. Въ послѣднее время мы жили въ различ-

ныхъ зданіяхъ, и поэтому, не зная о времени ихъ побѣга и не будучи готовымъ, я не могъ.

— Да, я хотѣлъ вернуть вамъ ваши вещи, но теперь онѣ у меня далеко спрятаны. Я вамъ ихъ привезу завтра на вокзалъ.

Поговоривъ еще немного, я ушелъ изъ управленія, сожалѣя о томъ, что мнѣ придется уѣхать изъ Мацуямы, гдѣ я уже свыкъся. Въ новомъ же городѣ неизвѣстно, что еще ждало.

Въ три часа я поѣхалъ въ Доого, и тамъ пришла телеграмма отъ Оханы санъ съ извѣстіемъ, что она выѣхала и къ пяти часамъ вечера будетъ въ Доого.

Въ пять часовъ я попрощался съ Оханой. Вмѣстѣ со мной въ Осаку Кооно переводилъ еще 6 офицеровъ, которыхъ онъ также старался удалить. Товарищи изъ Дайринди устроили намъ у Омацу-санъ прощальный обѣдъ, на которомъ я не могъ быть изъ-за Оханы-санъ.

Утромъ 25-го іюня японскій офицеръ отнялъ у насъ бирки, и мы больше выходить не могли. Подписку свою на свободныя прогулки я разорвалъ. Кооно, узнавъ объ этомъ, страшно сердился. У меня было дѣло въ городѣ, но Кооно приказалъ арестовать меня до отъѣзда и никуда не выпускать. Такъ и провелъ я послѣдніе часы въ Мацуямѣ въ „соблюденіи строгой жизни“.

Въ часть дня насъ повели на вокзалъ. Снова выстраиванія, безконечные счеты—повтореніе того, что мы уже много разъ испытали въ началѣ плѣна.

На вокзалъ пріѣзжалъ насъ провожать полковникъ Кооно. Вещей Оханы-санъ онъ не привезъ, а сказалъ, что отправить ихъ мнѣ въ Осаку.

Въ Такахамѣ ждалъ уже пароходъ для отправки насъ въ Осаку. Всего переѣзжало 68 офицеровъ. Въ Такахаму на проводы пріѣхало много офицеровъ и жителей Мацуямы. У меня было много знакомыхъ. Японцы сожалѣли о нашемъ отъѣздѣ. Вообще населеніе относилось къ плѣннымъ довольно хорошо, и намъ легко жилось бы въ плѣну, если бы не жандармы, полицейскіе, тайные агенты, „строгая жизнь“, сажаніе безъ вины въ тюрьму и главное—„полковникъ Кооно“.

Къ четыремъ часамъ дня мы были на пароходѣ. Скоро снялись съ якоря и ушли. Все же я съ грустью покидалъ Мацуяму, гдѣ прожилъ 168 дней, изъ которыхъ большую половину въ „соблюденіи строгой жизни“ и въ тюрьмѣ.

Тѣснились воспоминанія о дняхъ, проведенныхъ среди товарищей, всѣхъ лишеніяхъ, томительныхъ часахъ плѣна и жаль было оставлять Мацуяму. Пережитыя совмѣстно невзгоды сроднили насъ со средою.

Долго неподвижно взгляды были прикованъ къ

берегу. Пароходъ отодвигался медленно. Группа, стоявшая на берегу, махала зонтиками. Такахамскій берегъ началъ постепенно таять, и наконецъ мы пошли Японскимъ Средиземнымъ моремъ среди множества чудныхъ, живописныхъ, красиво воздѣланныхъ островковъ. И радостно было вновь вырваться на просторъ моря и грустно говорить: „прощай Мацуяма!...“

Въ Осакаѣ.

Переходъ въ Осаку. Жизнь въ Имамѣ. Свободныя прогулки. Японскіе полицейскіе. Въ Сакаѣ. „Японія и Россія“, Письма нижнихъ чиновъ.

На пароходѣ насъ помѣстили въ трюмъ. Постелью служили циновки. Было очень грязно и душно, и я отправился спать на верхнюю палубу на ютъ. Ночь лунная, тихая, теплая. Все время проходили мимо маленькихъ островковъ, во множествѣ усѣявшихъ Японское Средиземное море. Такъ красиво, что я даже забылъ Мацуяму и весь поглощенъ былъ созерцаемъ великолѣпныхъ картинъ. Въ морѣ поминутно встрѣчались японскія рыбацья фунеги. Рыбаки отдыхали. На нѣкоторыхъ горѣлъ огонь; японцы варили себѣ пищу. Временами проходили мимо прибрежныхъ городовъ. Издали весьма картинно, когда на склонѣ горы свѣтились тысячи электрическихъ огней. Я долго не ложился спать, а стоялъ у

борта и восхищался. Часовъ въ 12 ночи легъ спать. Подъ утро стало холодно. Около семи часовъ утра мы проходили мимо города Кобе. На рейдѣ много судовъ. Городъ красиво расположенъ на склонѣ огромныхъ горъ. Къ 10-ти часамъ утра пришли въ Осаку и пришвартовались къ стѣнкѣ. Жара невыносимая. На берегу много нарядной публики. Мусмешки щеголяли своими прическами, кимоно и зонтиками. Мы сошли на берегъ; насъ встрѣтилъ японскій офицеръ и повелъ на вокзалъ. Сѣли въ поѣздъ и поѣхали на станцію Теннози, вблизи которой должны были жить.

Осака второй по величинѣ городъ въ Японіи. Тамъ два милліона жителей. Славится своими мануфактурными издѣліями. Вокругъ города идетъ желѣзная дорога, по которой можно за нѣсколько копѣекъ переѣхать съ одного конца на другой. На окружной осакской желѣзной дорогѣ около 12-ти станцій. Мы проѣхали семь станцій. На одной изъ нихъ, черезъ которую отправлялись всѣ японскія войска, былъ поданъ намъ завтракъ. Станція украшена флагами и фонариками. Въ залахъ висѣли гирлянды изъ флаговъ. Японцы вообще питаютъ къ военному люду большое уваженіе, и каждый солдатъ у нихъ пользуется почетомъ. Стоящему на часахъ солдату всѣ проходящіе мимо жители должны кланяться. Мужчины

снимают шляпы, а „мусмешки“ отвѣшивают реверансъ. Солдаты легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчаютъ имъ на поклоны. Пробывъ на станціи около часа, мы сѣли въ поѣздъ и доѣхали до станціи Теннози. Оттуда пошли пѣшкомъ въ зданіе „Имамія“, приготовленное для нашего жилья. Здѣсь была въ 1902 году выставка, и стояло еще много стеклянныхъ шкаповъ. Зданіе обширное и удобное для жилья; нѣчто вродѣ манежа. Стѣны деревянные; крыша изъ волнистаго желѣза безъ потолка; полъ асфальтовый. Вдоль стѣнъ устроены большія комнаты; въ каждой для двухъ офицеровъ стояло по двѣ кровати съ москитъ-хаузомъ, два стола, два мягкихъ стула, два вѣнскихъ стула, хибачъ и ящикъ для бумаги подъ столомъ; полъ устланъ циновками. Я помѣстился съ очень симпатичнымъ лейтенантомъ, и мы прожили вмѣстѣ мирно и дружно.

Посреди зданія, имѣвшаго въ планѣ видъ буквы „П“, стояли длинные обѣденные столы. Зданіе было до того обширно, что пройти его съ одного конца на другой раза три было немного утомительно. Вотъ тутъ-то прогуливаться очень хорошо, если насъ заставляютъ „соблюдать строгую жизнь“. Около зданія былъ обширный дворъ, на которомъ мы устроили теннисъ. На дворѣ была баня, кухня и флигель для маркитанта. Канцелярія помѣща-

лась въ небольшомъ домикѣ на небольшой горкѣ, поросшей зеленью и пальмами, въ углу двора рядомъ съ шоссе. Около насъ было построено множество бараконъ и великолѣпный госпиталь, въ которомъ жили раненые подъ Портъ-Артуромъ японскіе солдаты. Бараконъ было построено на 100 тысячъ человѣкъ, и японцы говорили, что въ свое время они всѣ были заполнены.

Въ этомъ то зданіи мы очень хорошо и удобно расположились. Ничего похожего на наше жилье въ Мацуямѣ. Все несравненно лучше и удобнѣе.

На слѣдующій день пріѣхалъ завѣдующій военно-плѣнными въ городѣ Осака—артиллерійскій полковникъ Конъ. Онъ намъ сказалъ рѣчь и объявилъ, что мы скоро будемъ пользоваться свободными прогулками, какъ и въ Мацуямѣ, но пока еще правила о прогулкахъ не выработаны, мы должны будемъ нѣкоторое время не выходить изъ района своихъ дворовъ. Рѣчь его была похожа на тѣ, которыя мы не разъ слышали въ Мацуямѣ и по дорогѣ въ плѣнъ. Во-первыхъ, онъ былъ радъ видѣть такихъ храбрыхъ воиновъ, во-вторыхъ, извинялся за дурное помѣщеніе и въ-третьихъ, извинялся за то, что теперь погода стоитъ очень жаркая. Полковникъ былъ очень воспитанный и симпатичный человѣкъ, поэтому мы въ Осакѣ прожили очень мирно и хорошо, безъ вся-

ких неприятностей; не то, что въ Мацуямѣ. Другіе два офицера были подъ стать полковнику. Оба призваны изъ запаса въ началѣ войны: капитанъ — юристъ и поручикъ — богатый купецъ, до войны долго жившій въ Америкѣ. Въ помощь имъ даны три переводчика: старшій—Яно—долго жилъ въ Петербургѣ и отлично владѣлъ русскимъ языкомъ, затѣмъ—Танеда—прежде жилъ въ Николаевскѣ, а третьяго фамиліи не упомяну. Еще было два вольноопредѣляющихся—кавалериста. Одинъ высокій красивый юноша, любитель покурить; мы обильно угощали его всякими спиртными напитками. Съ кавалеристами—хорошими людьми—мы подружились.

Жизнь въ Осакѣ потекла тихо, мирно. Около мѣсяца японцы все вырабатывали правила для нашихъ свободныхъ прогулокъ, а поэтому мы сидѣли и никуда не выходили. Жизнь отчасти была скучная: вначалѣ никакихъ газетъ и книгъ не получали.

Мы начали сильно играть въ карты. Играли съ утра до поздней ночи. Я сталъ въ эти скучные дни завязанъ игрокомъ. Встанешь часовъ въ 10 утра и начинаешь играть въ тетку, винтъ, рамсъ или преферансъ, такъ до вечера. Вечеромъ часовъ въ 8 садилась играть въ макао часовъ до семи утра. Затѣмъ ложиться спать. Проспишь

часа четыре, встанешь и снова карты, какъ накануне. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяць. Когда намъ разрѣшено было пользоваться свободными прогулками, карты все-таки до послѣднихъ дней плѣна поглощали много нашего времени. Въ началѣ я такъ увлекся игрою, что забылъ совершенно Охану-санъ. Въ первые дни жизни въ Имамѣи я какъ-то написалъ ей два письма, но не получивъ отвѣта, больше не писалъ и забылъ ее.

Черезъ недѣлю по приѣздѣ въ Осаку насъ посылъ начальникъ осакскаго гарнизона какой-то генералъ-лейтенантъ. Онъ сказалъ подобную всѣмъ японскимъ начальникамъ рѣчь и прибавилъ, что уже выработаны правила для свободныхъ прогулокъ, и что они отправлены на утверждение военного министра. Послѣ отвѣта изъ Токио мы будемъ имѣть право ѣздить въ городъ.

Кормили насъ въ Осакѣ гораздо лучше, нежели въ Мацуямѣ. Утромъ давали чай съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ. Въ двѣнадцать часовъ завтракъ изъ одного блюда—котлета или отварное мясо, или бифштексъ, иногда отварная или жареная рыба и разныя приправы: отварной картофель, кукуруза, брюква и вареная тыква. Въ 2 часа дня давали кофе съ печеніями или иногда съ медовыми маковниками. Вечеромъ въ 6 часовъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ: супъ и мясное.

Поваръ—японецъ, знавшій американскую кухню. Давали сносно, но очень мало; иногда вставали мы отъ обѣда голодные, зато сами отъ себя заказывали повару яичницу и бифштексы. Огромный бифштексъ съ яйцомъ, жаренымъ лукомъ и картофелемъ стоилъ 20 сенъ. Яичница-глазунья изъ пяти яицъ стоила столько же. Вечеромъ часамъ къ 10-ти—11-ти заказывали себѣ холодный ужинъ; поваръ дѣлалъ какой-то очень вкусный винигретъ подъ маіонезомъ.

Въ іюль и августъ стояли очень жаркіе дни. На дворѣ днемъ невозможно сидѣть: такъ все нагрѣвалось. Въ зданіи тоже невозможная температура отъ накаленной солнцемъ желѣзной крыши. Потъ съ насъ лилъ ручьями. Въ европейской одеждѣ ходить тяжело; большинство смѣнило ее на японскія кимоно. Въ умывалкѣ стояли три ванны, и въ жаркое время пріятно было тамъ окунуться въ холодную воду.

По вечерамъ мы выходили погулять на дворъ, а иногда садились на горку около канцеляріи и смотрѣли на шоссе на проходящую публику, часто завидуя всѣмъ, пользующимся свободой. Сколько мѣсяцевъ мы уже не переступали опредѣленную черту. Ни одного шага нельзя сдѣлать безъ разрѣшенія. Слово преступникъ. Да и за что? Какъ солдаты, такъ и офицеры исполнили свой долгъ

и за это жизнь и положеніе арестанта. Да! — отъ плѣна разить несправедливостью.

Каждому офицеру разрѣшалось отправлять въ Россію только одно письмо въ недѣлю и сдавать его въ канцелярію въ понедѣльникъ. Это было довольно тяжело. Если хочешь написать не одно письмо, а нѣсколько—выжди время по недѣлямъ.

15-го іюля наконецъ пришло изъ Токио разрѣшеніе на свободныя для насъ прогулки. Намъ разрѣшалось гулять въ городѣ въ опредѣленномъ районѣ, между четырьмя „кавами“ — рѣками, каждый день за исключеніемъ понедѣльниковъ и четверговъ. Разрѣшалось гулять съ 6-ти часовъ утра до 7-ми вечера. Гулять могли тѣ офицеры, которые подпишутъ слѣдующія обязательства, напечатанныя на выданныхъ намъ билетахъ:

«Я, нижеподписавшійся, обязуюсь на честное слово русскаго военнаго что, по разрѣшенію мнѣ какъ военноплѣнному, свободной прогулки внѣ пріюта военноплѣнныхъ, не только отнюдь не буду помышлять побѣга во время прогулки и не выходить внѣ опредѣленнаго района, безъ особаго на то разрѣшенія, но и не буду нарушать нижеслѣдующихъ постановленій военноплѣнныхъ въ осакаскомъ пріютѣ.

Чинъ:

Подпись:

1) Свободную прогулку сдѣлать въ опредѣленномъ районѣ и возвратиться въ пріютъ военнопленныхъ непременно въ опредѣленную часть.

2) Во время прогулки отнюдь не отправить и не принимать почтовыхъ телеграфныхъ и всякаго рода другихъ корреспонденцій или не поручать другому таковыхъ“.

На лицевой сторонѣ билета было написано то же самое японскими письменами.

Кромѣ билетовъ для каждаго изъ насъ приготовили деревянные бирки съ надписью фамиліи, висѣвшія всегда въ канцеляріи. Уходя на прогулку, бирку надо было взять и повѣсить на свой номеръ въ караульномъ помѣщеніи около воротъ. Тамъ же всегда стоялъ часовой. Еще часовой стоялъ около канцеляріи, а на ночь ставилось двое на дворѣ. Итакъ, мы со всѣхъ сторонъ были окружены ими.

Въ первый же день по разрѣшеніи свободныхъ прогулокъ я воспользовался имъ. Осака мнѣ очень понравилась. Городъ огромный и богатый. На улицахъ сильное оживленіе. Въ городъ мы обыкновенно ѣздили по желѣзной дорогѣ за 6 сенъ*), по обратному же билету за 11 сенъ и въ первомъ классѣ. Побродивъ немного по Синсай-бачи—

*) Сена—копѣйка. Іена—рубль.

великолѣпнѣйшей улицѣ Осаки, я пошелъ въ Осака-отель позавтракать. Тамъ засталъ много американцевъ и англичанъ. Отель хорошій; мы часто ѣздили туда къ завтраку и на „five o'clock“. Дешевизна невиданная. На завтракъ (tiffin) за 1 іену 20 сенъ давалось пятнадцать блюдъ, а за обѣдомъ то же количество за 1 іену 50 сенъ. Все приготовлено очень вкусно. Сервировка роскошная. О чистотѣ и говорить нечего: японцы самый чистоплотный народъ въ мірѣ. У столовъ прислуживали „мусмэ“*). Онѣ на своихъ „гетахъ“ иногда медлили, но, несмотря на это, все было очень хорошо. Мы лакомились лангустами, и если они входили въ меню завтрака, то для русскихъ офицеровъ поваръ готовилъ изрядное количество. Между нами было мало, съѣдавшихъ „дуплеты“; большая часть доводила аппетитъ до „семиплетовъ“ (семь порцій) этого кушанья. Я былъ изъ числа любителей и не разъ требовалъ себѣ „семиплета“. Въ отелѣ же подавалась и настоящая русская смирновка. Бутылка стоила три іены. Лангусты подъ соусомъ маіонезъ и еще съ водкой—одно удовольствіе. Забудешь даже, что находишься въ плѣну. Иногда за обѣдомъ играла музыка. Впрочемъ, японскій оркестръ былъ неизъ важныхъ.

*) Мусмэ—по-японски дочь, дѣвушка, барышня.

Первый мѣсяць я ѣздилъ въ Осаку очень рѣдко. Предпочиталъ играть въ карты. Разъ во время игры одинъ изъ офицеровъ передалъ мнѣ маленький клочекъ бумажки, который ему далъ рикша, прося передать мнѣ. Тамъ было написано нѣсколько словъ по-японски. Я сразу узналъ по черкъ Оханы-санъ. Она просила завтра утромъ въ 8 часовъ пріѣхать въ „Тенно-кооенъ“ (садъ Теннози). Положивъ записочку въ карманъ, я продолжалъ игру.

На слѣдующій день я проспалъ и поѣхалъ въ 11 часовъ утра. Былъ какой-то японскій праздникъ. Подъѣхавъ на рикшѣ къ саду, я увидѣлъ тамъ много гуляющей публики, поэтому не рѣшился войти; изъ европейцевъ я былъ только одинъ, и не очень приятно обращать на себя вниманіе, поэтому я вернулся назадъ, рѣшивъ пойти туда на слѣдующій день.

Рано утромъ, къ восьми часамъ, я уже былъ въ паркѣ. Обошелъ всѣ аллеи, но Оханы-санъ не нашелъ. Очевидно она, прождавъ меня накануне, уѣхала въ Куре. Садъ Теннози великолѣпнъ. Посреди огромный храмъ съ высокою каланчею. Я влѣзъ на эту каланчу и любовался видомъ. Передо мной вся Осака съ ея пригородами: „Суміоси“ и „Сакай“ видна какъ на ладони. Какъ живописны эти японскіе города! Не-

далеко отъ храма озеро, сплошь кишѣвшее священными черепаками. Я только здѣсь увидѣлъ ихъ въ такой массѣ. Всѣ были на поверхности воды, и черепаха на черепахѣ сидѣла. Всѣ приручены и ничего не боялись; ихъ никто не трогалъ. За 1 сень здѣсь продавались особые воздушные изъ тѣста шарики для кормленія ихъ. Набожные японцы этимъ занимались по цѣлымъ днямъ. По колокольчику всѣ черепахи со дна озера всплывали на верхъ, и тутъ ихъ кормили. Паркъ огромный и великолѣпный. Множество чудныхъ тѣнистыхъ аллей; много домиковъ, гдѣ хорошенькія японки продавали фрукты, пиво и японское вино. Я часто любилъ заходить потомъ въ это священное для японцевъ мѣсто, садился въ жаркую погоду подъ одинъ изъ навѣсовъ и тутъ за холоднымъ, ледянымъ пивомъ любилъ играть и шутить съ японками — чудными созданными.

Въ городѣ мы проводили все время въ Осака-отелѣ и у зубного врача Нишимуры. Чудный врачъ. Почти всѣ наши офицеры исправили у него свои зубы. Онъ работалъ медленно, но за дешевую сравнительно съ нашими дантистами плату и такъ хорошо, какъ врядъ ли сдѣлаеть самый лучшій у насъ. Всѣ остались довольны его работой, и каждый офицеръ далъ отъ себя ему

самый лестный отзывъ. Нишимура хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ. Навѣрное у него было бы множество кліентовъ. Онъ лѣчилъ и пломбировалъ зубы безъ малѣйшей боли. Многіе офицеры, у которыхъ были вставлены зубы нашими врачами, перемѣнили ихъ у Нишимуры.

Кромѣ Осаки намъ разрѣшалось еще ѣздить въ небольшіе города: Сакай и Суміоси. Сакай былъ расположенъ на берегу моря противъ города Кобе, и тамъ постоянно купалось много публики; мужчины и женщины вмѣстѣ. На берегу стояла японская „ядоа“ (гостинница) — „Куройно-карасуга“ (черный воронъ). Послѣ каждаго посѣщенія намъ тамъ дарили вѣера съ рисункомъ ворона. Тамъ можно было полакомиться чисто японскими, очень вкусными кушаньями „унаги“ и „скіяги“ *). Очень симпатичныя служанки—мусмэ играли намъ иногда на „кото“ и „самисень“ **). Суміоси очень живописный городокъ. Это сплошной паркъ, похожій на садъ Теннози. Вообще поѣздъ проходилъ туда среди чудной, вѣчно зеленѣющей, перерѣзанной прекрасными аллеями, мѣстности.

*) Унаги—кушанье изъ угря. Скіяги — приготовленное изъ курицы.

***) Кото — музыкальный инструментъ, имѣющій видъ длиннаго, узкаго, тоненькаго ящика. На немъ около 12 струнъ. Самисень—трехструнный, имѣетъ видъ нашей балалайки.

Матросамъ въ Осакѣ жилось гораздо лучше, чѣмъ въ Мацуямѣ. Тамъ ихъ выводили на прогулки и въ Доого въ ванны строимъ разъ въ двѣ недѣли. Тутъ же каждый офицеръ могъ всегда взять съ собой въ городъ нѣсколько вѣстовыхъ и вель ихъ, куда хотѣлъ. Мы часто ѣздили со своими вѣстовыми въ Осаку, Сакай и Суміоси.

Въ августѣ я рѣдко выходилъ изъ Имамѣи. 30-го августа послѣ долгаго тамъ сидѣнья поѣхалъ въ Осаку-отель, гдѣ мнѣ одинъ офицеръ сказалъ, что незадолго видѣлъ Охану-санъ. Я вышелъ, но не могъ ее розыскать. Вечеромъ, пріѣхавъ на вокзалъ, увидѣлъ ее. Мы раскланялись, но не разговаривали, такъ какъ вблизи стояло много полицейскихъ. Когда всѣ сѣли въ поѣздъ, Охана-санъ подошла къ вагону и поздоровалась. Пріѣхавъ на станцію Теннози и возвращаясь въ Имамѣю, я увидѣлъ, какъ изъ слѣдующаго поѣзда выглядывала Охана-санъ и кланялась. Я пошелъ на горку, гдѣ помѣщалась канцелярія и сѣлъ тамъ, ожидая ее. Вскорѣ она проѣхала мимо меня на рикшѣ, обмѣнялась нѣсколькими словами и просила завтра въ 8 часовъ утра прійти въ паркъ Теннози.

На слѣдующій день, вставъ въ 7 часовъ, я поѣхалъ въ паркъ. Побродивъ по аллеямъ, увидѣлъ

Охану-санъ, идущую навстрѣчу. Разговаривать тутъ она боялась, а просила пойти на каланчу. Тамъ было нѣсколько японцевъ, и поэтому она просила указать мнѣ мѣсто, гдѣ бы мы могли вдоволь наговориться. Я ей сказалъ, что лучше всего поѣхать въ Сакай. Выйдя изъ парка, мы сѣли на рикшъ и поѣхали на вокзалъ, откуда въ поѣздъ въ Сакай. Надо замѣтить, что хотя въ Осакѣ полицейскіе такъ не надоѣдали, какъ въ Мацуямѣ, но зато тутъ было много приставленныхъ къ намъ агентовъ тайной полиціи. Каждый русскій офицеръ имѣлъ своего „кейзи-дзюна“ (тайный агентъ), неотступно слѣдящаго по пятамъ. Своего полицейскаго я отлично зналъ, и передѣваясь онъ въ какія угодно кимоно, я его всегда узнавалъ. Только выйдешь изъ помѣщенія и сядешь на рикшу, кейзи-дзюна тутъ-какъ-тутъ и всюду слѣдуетъ за тобой на другомъ рикшѣ. Пойдешь въ городъ — кейзи-дзюна за тобой въ нѣсколькихъ шагахъ; придешь въ Осаку-отель, онъ и тамъ уже ждетъ въ прихожей; сядешь въ поѣздъ, онъ садится во второй классъ, купивъ билетъ до той же станціи, куда и ты. Иногда я просилъ его отстать, но онъ ничего не отвѣчалъ, будто не понимая. Растолкуешь ему, онъ отойдетъ немного, а потомъ опять за тобою. Вотъ такъ свободная прогулка!

Такъ и теперь. Я поѣхалъ съ Оханой-санъ въ 1-омъ классѣ, а во 2-омъ ѣхалъ кейзи-дзюна. Въ Сакаѣ я пошелъ въ паркъ, тамъ никого не было. Мы вошли въ чудное зданіе — сакайскій аквариумъ со множествомъ великолѣпныхъ экземпляровъ рыбокъ. Аквариумъ занималъ отдѣльное огромное зданіе. Тамъ царствовали полумракъ, и рыбы въ отдѣльныхъ бассейнахъ красиво освѣщались сверху свѣтомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ живутъ на извѣстной глубинѣ; для сохраненія того же давленія воды въ бассейны были проведены приспособленные для этого трубы съ различными уровнями. Рыбы были всевозможной величины и различной окраски. Большинство рыбъ тропическихъ морей. Впослѣдствіи въ Сабангѣ (на Зондскихъ о-вахъ), сидя на берегу и наблюдая за красивыми рыбками, я видѣлъ много экземпляровъ сакайскаго аквариума.

Осмотрѣвъ аквариумъ, мы сѣли въ садикъ на скамеечку и тамъ долго бесѣдовали. Оханъ-санъ хотѣлось жить въ Осакѣ или Суміоси, и тутъ же мы рѣшили, что послѣ войны она выйдетъ за меня замужъ. Агента тайной полиціи не было. Онъ сидѣлъ гдѣ-то въ Сакаѣ. Былъ жаркій лѣтній день. Недалеко отъ насъ купалось въ морѣ много публики. Изъ сада мы пошли пообѣдать въ ядоу: „Черный воронъ“. Тамъ началъ при-

ставать ко мнѣ агентъ тайной полиціи, указывая, гдѣ я долженъ занять мѣсто. Я ему отвѣтилъ, что если онъ не оставитъ меня въ покоѣ, то вытолкаю его вонъ. Не обращая на него вниманія, я сѣлъ тамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось. Пообѣдавъ, мы пошли прогуляться по берегу моря, а затѣмъ сѣли въ поѣздъ и поѣхали. На одной станціи была пересадка. Тамъ я и Охана-санъ шли отдѣльно, чтобы не обращать вниманія японцевъ. Тихо, мирно доѣхали до Теннози. Агентъ тайной полиціи слѣдовалъ во второмъ классѣ. Въ Имамѣи приходитъ ко мнѣ одинъ нашъ офицеръ и говоритъ, что Охана-санъ сидитъ въ полицейскомъ домикѣ около шоссе рядомъ съ нашимъ дворомъ. Выйдя и взглянувъ на полицейскій домикъ, я дѣйствительно увидѣлъ тамъ ее. Возмущившись этимъ, я попросилъ японскаго кавалериста узнать, почему ее посадили, и просилъ выпустить. Вольноопредѣляющійся ничего не могъ сдѣлать, и я поэтому попросилъ сообщить по телефону полковнику Конъ распорядиться объ освобожденіи Оханы-санъ. Тотъ самый „кейзи-дзюна“, который слѣдовалъ за мной, какъ только я попрощался съ Оханой-санъ, отвелъ ее въ полицейскій домикъ, гдѣ она должна была оставаться до разслѣдованія дѣла. Полковникъ Конъ приказалъ ее немедленно отпустить. Распоряженіе его пришло въ 9 часовъ

вечера, и уже совершенно стемнѣло, когда Охана-санъ поѣхала къ себѣ домой.

На слѣдующій день мы рѣшили встрѣтиться въ Суміоси. Я уже собрался туда ѣхать, какъ японскій кавалеристъ передаетъ мнѣ письмо Оханы-санъ съ увѣдомленіемъ, что осакская полиція за то, что она разговаривала и ѣздила съ русскимъ плѣннымъ въ Сакай, предложила ей черезъ три дня выѣхать изъ Осаки и до этого срока не ходить туда, гдѣ разрѣшены прогулки для военноплѣнныхъ. Далѣе она писала, что японцы ей ни въ чемъ не вѣрятъ и подозреваютъ, что она будетъ помогать русскимъ офицерамъ бѣжать.

Послѣ этого я въ августѣ Оханы-санъ больше не видѣлъ. Я получилъ еще два письма, въ которыхъ она писала, что одинъ японскій рикша будетъ находиться все время около Имамѣи и передавать мнѣ ея письма, а я черезъ него буду ей отправлять. Конечно во время свободныхъ прогулокъ я ей не отправлялъ писемъ, а велъ переписку черезъ рикшу, когда не выходилъ гулять.

Этотъ рикша сталъ мнѣ вѣрнымъ слугой. Въ концѣ нашего плѣна онъ разставался съ сожалѣніемъ и просилъ меня непременно навѣстить его, будучи когда-либо въ Осакѣ. Онъ былъ бѣденъ, но честенъ и услужливъ. Вообще японскіе рикши

цѣнные люди для европейцевъ. Нѣтъ лучшаго проводника по разнымъ мѣстамъ. Онъ будетъ занимать васъ своими разказами и строго охранять имущество въ ваше отсутствіе. Послѣ ратификаціи мира, поѣхавъ въ путешествіе по Японіи, я очень много пользовался услугами рикшъ.

Въ Осакѣ былъ одинъ японецъ, довольно хорошо говорящій по-англійски. Онъ за небольшую плату исполнялъ всякія порученія для русскихъ офицеровъ. Нужно ли купить или найти что-нибудь, онъ всегда это устраивалъ. Я поручилъ ему выписать Охану-санъ въ Осаку. Самъ ли онъ поѣхалъ въ Куре или написалъ ей письмо, но 14-го сентября пришелъ ко мнѣ сообщить, что пріѣхала Охана-санъ и хочетъ меня видѣть. Она остановилась въ домѣ одного японца, гдѣ ей очень не нравилось и предполагала переселиться въ ядою. Въ этотъ разъ она прожила въ Осакѣ до 26-го сентября, такъ какъ миръ еще не былъ ратификованъ. Я ѣздилъ въ ядою на томъ же рикшѣ и, побесѣдовавъ съ ней часъ или два, возвращался въ Имамю. Полицейскіе не обращали теперь никакого вниманія.

Когда мы еще не пользовались свободными прогулками, японцы предложили намъ бесплатно заниматься уроками японскаго языка. Занималось три четверти всѣхъ офицеровъ. По понедѣльни-

камъ, четвергамъ и субботамъ приходило три учителя на два часа. Раньше наши офицеры учились исправно, потомъ же число ихъ становилось все меньше и меньше, и къ концу плѣна занималось не болѣе 8-ми человекъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ японцы начали выпускать журналъ: „Японія и Россія“. Сначала журналъ этотъ имѣлъ хорошее направленіе, но потомъ обнаружилось, что онъ имѣлъ цѣлью совратить нашихъ нижнихъ чиновъ; многіе изъ нихъ его читали. Тамъ писалъ какой-то Руссель. Кто онъ — я не знаю и не старался узнать. Говорили, что какой-то преступникъ, укравшій гдѣ-то въ Россіи тридцать тысячъ рублей и сбѣжавшій за границу. Вернуться въ Россію ему не было никакой возможности. Вотъ онъ и началъ заниматься революціонной пропагандой и прилагать всѣ силы для развращенія нашихъ нижнихъ чиновъ. Японцы для этой цѣли разрѣшили ему посѣщать нашихъ матросовъ и солдатъ. Въ Японіи въ то время появилось много негодяевъ (большинство бѣглыхъ русскихъ), пріѣхавшихъ исключительно для развращенія нашихъ нижнихъ чиновъ. Къ счастью послѣдніе не были еще заражены новымъ духомъ, и эти проповѣдники нашли мало послѣдователей. Иногда нижніе чины писали намъ письма, прося разъяснить, что все это значить. Мы ѣздили въ

Хамадери (недалеко от Осаки), гдѣ жило 21000 плѣнныхъ нижнихъ чиновъ и тамъ говорили имъ, что все это вздоръ, и что враги Россіи нарочно стремятся ихъ развратить. Между нижними чинами происходили иногда драки: между послѣдователями этихъ „Русселей“ и вѣрными своей присягѣ и долгу. Во время одной такой драки было убито 8 нашихъ солдатъ и одинъ японскій. Японцы всегда держали сторону совращенныхъ, и поэтому, хотя тѣхъ было и мало—всего тридцатая часть, они имѣли за собою силу. Нижніе чины часто намъ жаловались, но мы сами въ неволѣ помочь имъ не могли и совѣтовали имъ не обращать никакого вниманія, такъ какъ измѣнники въ Россіи получаютъ заслуженное наказаніе.

Однажды въ послѣдній мѣсяцъ плѣна я получилъ слѣдующее дословное письмо:

«Ваше Высокоблагородіе!

Обращаюсь къ Вамъ со всепокорнѣйшей просьбой не откажите уведомить насъ команду по поводу данной Государемъ Императоромъ въ Россіи капитуляціей. У насъ на дворѣ мѣстной Хамадера были армейскіе офицеры въ числѣ четырехъ человекъ, которые и соопщили намъ, что въ Россіи дана конституція. На нашемъ дворѣ по поводу этого, происходило торжество во главѣ съ музыкой и поднятымъ флагомъ съ надписью

„17-го октября свобода Россіи“. Но это торжество не удалось и вышло было дракой такъ какъ большая половина у насъ этому не вѣрятъ и говорятъ что вмѣсто нашихъ русскихъ офицеровъ было подосланы социалистами такія люди, чтобы насъ смутить вотъ по поводу чего я и решилъ просить ваше В—діе чтобы вы уведомили и мы-бы не были въ смущеніи по поводу всего рассказаннаго нашими армейскими офицерами.

Затемъ прошу ваше В—діе такъ же нельзя ли сообщить когда последуетъ наша отправка на родину. Намъ уже очень надоело слушать отъ японцевъ нонче да завтра да после завтра вы поедете а въ конце концовъ все нетъ и нетъ. Намъ хочется узнать достовѣрнѣе и выти изъ этого несчастнаго положенія и я решился прибегнуть къ вамъ.

Вашъ потчиненный слуга лезервной роты эск. бр. Полтава подручный гальванеръ Иванъ Воробьевъ.

Адресъ нашъ Хомадера 4-й дворъ Баракъ №13
Личной 12644-й Ивану Воробьеву.

Японія 26 октября 1905 года.

Еще кланяюсь вашему почтенному вестовому Николаю Панкову и передайте ему мой адресъ и я жду ответа снетерпеніемъ Иванъ Воробьевъ“.

Пропагандистамъ, пробравшимся къ нашимъ плѣннымъ матросамъ, не на руку объяснять имъ по правдѣ то, что творится въ Россіи. Они за-
дались главною цѣлью поселять раздоръ между
нижними чинами, чтобы побольше привлечь ихъ
на свою сторону. Читая письмо матроса, мнѣ не
вѣрилось, чтобы могли такъ поступать русскіе
офицеры, и я наводилъ справки. Встрѣтивъ разъ
въ Осаки одного артурскаго унтеръ-офицера, я
разспросилъ его о происходившемъ въ Хамадерѣ.
Да, дѣйствительно это были наши офицеры. Одного
я зналъ; во время войны онъ былъ комендантомъ
одного изъ артурскихъ фортовъ. Пусть будетъ
предана забвенію его фамилія. Онъ писалъ очень
много въ журналъ: „Японія и Россія“, и характеръ
его статей отличался непохвальнымъ для офицера
направленіемъ. Вступивъ на эту дорогу, онъ
долженъ былъ бы снять мундиръ, а между тѣмъ
я узналъ, что онъ продолжаетъ его носить.

Въ японскихъ газетахъ много писали о безпо-
рядкахъ въ Россіи, писали и о „потемкинской
исторіи“, но мы мало вѣрили этимъ извѣстіямъ.
Японцы такъ сильно преувеличивали, что врядъ
ли кто повѣрилъ бы имъ. Что въ Россіи были
безпорядки, сомнѣнія въ этомъ не было, такъ
какъ мы получали письма отъ своихъ родныхъ,
изъ которыхъ узнали объ этомъ, но чтобы без-

порядки дошли до такой разнузданности, какъ
японцы голосили, мы не вѣрили. Иногда они до
того доходили, что провозглашали скорое раздѣ-
леніе Россіи на государства: Московское, Поль-
ское, Финляндское, Кавказское, Сибирское, и остро
шутили, что намъ придется выбирать одно изъ
этихъ государствъ, гдѣ бы служить послѣ плѣна.

Доказательствомъ того, какъ нижніе чины отно-
сились къ офицерамъ, раздѣлившимъ съ ними
тяжелое бремя плѣна, можетъ служить слѣдующее
письмо, полученное мною отъ одного изъ матро-
совъ:

«Здравія желаю Ваше Высокоблагородіе!

Сегодня прибылъ отъ Васъ въ Хамадери и за-
шелъ къ намъ въ канцелярію главнаго управле-
нія военноплѣнныхъ, гдѣ я давно уже занимаюсь,
военный чиновникъ (переводчикъ), недавно къ
Вамъ назначенный г-нъ Кимура, отъ котораго
я узналъ, къ большому моему удовольствію, Ваше
мѣстопробываніе, почему и рѣшилъ Вамъ напи-
сать кое-что, хотя и не получилъ на это разрѣ-
шенія. Примите Ваше В-діе нижайшій поклонъ
отъ части команды Вашей, находящейся въ Ха-
мадерахъ (количествомъ около 23 человекъ) и
молимъ Всевышняго о Вашемъ драгоцѣнномъ
здравіи и желаемъ Вамъ благополучно прибыть
на родину.

Мы постоянно съ восторгомъ вспоминаемъ о Васъ, какъ о добромъ и всѣми нами уважаемомъ молодомъ начальникѣ. До сихъ поръ мы считали Васъ въ числѣ уѣхавшихъ въ Россію, но здорово ошиблись и теперь весьма гордимся Вами тѣмъ, что Вы остались вмѣстѣ съ нами пить горькую чашу, выпавшую на нашу долю, несмотря на то, что Вы вполнѣ могли избѣжать послѣдняго.

Какъ жаль, что я не зналъ до настоящаго времени, что Вы такъ близко проживаете отъ насъ, я бы до сихъ поръ много кое-что написалъ бы Вамъ напр: о жизни нашей, очень тяжело и проч.

Ваше В—діе по полученіи сего ничтожнаго посланія не откажите благовоить меня нѣсколькими словами и скажите что Вамъ интересно знать,— я все постараюсь до тонкости описать.

Вашъ подданный

Бывшей мореходной канонерской лодки
„Отважный“ Карпъ Данишъ.

Адресъ мой.

Хамадера 3-ій участокъ 5 баракъ Личный № 16.
Карпу Данишу

19 октября 1905 года“.

Я переписывался иногда съ Мацуямскими плѣнниками, но одно время, что-то долго не получалъ

отвѣта. Въ это же время мой вѣстовой получилъ письмо отъ одного матроса съ описаніемъ дѣятельности полковника Кооно. Оказывается, онъ продолжалъ по прежнему примѣнять къ плѣннымъ русскимъ офицерамъ по своей неограниченной власти драконовскія правила. Вотъ примѣръ: одинъ лейтенантъ купилъ въ городѣ электрическую лампочку и замѣнилъ ею перегорѣвшую у себя въ комнатѣ, гдѣ жило пять офицеровъ. Эта лампочка была на нѣсколько свѣчей сильнѣе перегорѣвшей. Когда перегорѣла и вторая лампочка, лейтенантъ отнесъ ее въ канцелярію и просилъ перемѣнить. Японцы замѣтили, что она сильнѣе тѣхъ, которыя ставились, доложили полковнику Кооно, который позвалъ къ себѣ лейтенанта и обвинилъ его въ кражѣ электричества.

Удивительное обвиненіе! Какая тутъ можетъ быть кража, разъ за наше содержаніе японцы не преминутъ представить къ уплатѣ кругленькій счетецъ. Тѣмъ не менѣе, Кооно посадилъ лейтенанта и еще одного мичмана, его сожителя, въ тюрьму въ Зенцузи на одинъ мѣсяць. Тогда 86 морскихъ офицеровъ написали протестъ и отправили французскому послу. Кооно задержалъ протестъ, уговаривая офицеровъ взять его обратно и угрожая въ противномъ случаѣ ихъ сильно наказать. Офицеры наотрѣзъ отказались и требо-

вали отправить протестъ по назначенію. Тогда Кооно всѣхъ офицеровъ, подписавшихъ протестъ, заставилъ „соблюдать строгую жизнь“, а двухъ лейтенантовъ, особенно ему возражавшихъ, посадилъ въ Мацуямскую военную тюрьму на 32 сутокъ.

Всѣ протестующіе въ числѣ 84-хъ были посажены въ зданіе Міоендзи, гдѣ прежде едва-едва могло помѣститься 37 офицеровъ. Дѣйствительно жизнь имъ тамъ была не въ мѣру „строгая“. Жара тогда стояла страшная; двигаться невозможно; помыться нельзя. У многихъ офицеровъ начала развиваться мокрая экзема. Вѣстовыхъ не было. Въ 8 часовъ вечера всѣ должны ложиться спать и вставать по командѣ. Отъ множества насѣкомыхъ и москитовъ ужасно страдали. Спрашивается: за что? Вотъ что значитъ неограниченная власть, данная звѣрю-человѣку.

Протестъ конечно остался безъ послѣдствій. Наши amis et alliés французы не помогли намъ. Однимъ словомъ плѣннымъ въ Мацуямѣ жилось несносно, и я впослѣдствіи былъ очень радъ, что Кооно перевелъ меня въ Осаку: останься я въ Мацуямѣ, навѣрное остатокъ плѣна провелъ бы въ тюрьмѣ.

Заключеніе мира.

Мирные переговоры. Безпорядки въ Японіи. Послѣ ратификаціи мира. Поѣздка въ Куре. Послѣдніе дни плѣна. На вокзалѣ въ Осакѣ. Прощальный объѣдъ у японцевъ. Прѣздъ въ Кобе. На пароходѣ „Владиміръ“. Походъ во Владивостокъ. Въ бухтѣ Славянка. Во Владивостокѣ.

Въ августѣ стали разноситься частые слухи о заключеніи мира. Японскія газеты протрубили о томъ, что уполномоченные съ обѣихъ сторонъ съѣхались въ Вашингтонѣ для переговоровъ. Мы были всѣмъ этимъ недовольны. Вѣдь японцы уже напрягли для войны послѣднія усилія, а наши войска усиливались и улучшали свою боевую готовность, и очень могло статься, что слѣдующіе бои были бы нами выиграны. Маршалъ Ойяма доносилъ въ Токио, что настаётъ уже время заключить миръ на выгодныхъ для Японіи условіяхъ, и что можно упустить благоприятный моментъ. Изъ Токио былъ посланъ на театръ войны принцъ Фушими; онъ убѣдился въ правильности донесе-

ной Оямы и по возвращеніи въ Токио былъ посланъ въ Америку искать содѣйствія у президента Соединенныхъ Штатовъ. Рузевельтъ явился неожиданнымъ посредникомъ, и по его почину сѣхались уполномоченные.

Газетныя выдержки о ходѣ мирныхъ переговоровъ ежедневно выписывались у насъ на огромныя доски, служившія намъ для занятій японскимъ языкомъ. Такимъ образомъ дѣлились мы съ каждымъ изъ плѣнныхъ, матросомъ-ли, офицеромъ-ли, этими извѣстіями имѣющими для всѣхъ насъ большое значеніе.

Японцы отъ мала до велика лихорадочно слѣдили за ходомъ переговоровъ, и въ народѣ замѣчалось недовольство уступками его уполномоченныхъ. Тѣмъ не менѣе стремленіе японскаго правительства, заключить миръ во что бы то ни стало, видимо ощущалось. Народъ не вполне освѣдомленный о положеніи страны, возмущался условіями мира и началъ волноваться. Послѣ переговоровъ, когда условія мира должны были быть ратификованы правительствами обѣихъ сторонъ, неудовлетворенный народъ сталъ требовать продолженія войны. Въ Токио, Осакѣ и Киото собирались многолюдные митинги; объ этомъ всегда насъ предупреждали японскіе офицеры, совѣтуя избѣгать народныхъ сборищъ и толпы. Но японцы

благоразумны и сдержаны. Мнѣ пришлось проѣзжать на рикшѣ мимо огромной толпы, и не только никто не тронулъ меня, но я даже не видѣлъ ни у кого на лицѣ ни тѣни насмѣшки или презрѣнія. Они относились такъ, какъ будто проѣзжаетъ не русскій офицеръ, а какой-нибудь другой иностранецъ. Въ Токио полиція постаралась разогнать толпу; произошло возмущеніе и 40 полицейскихъ было убито. Среди народа оказалось еще больше пострадавшихъ. Значительное количество полицейскихъ будокъ и домъ графа Кацуры, перваго министра, были разрушены.

Тогда правительство оказалось вынужденнымъ разъяснить народу положеніе страны; всѣ успокоились, и порядокъ былъ восстановленъ.

Японскія газеты часто упоминали о подъемѣ нашихъ судовъ; нѣкоторые корабли по ихъ словамъ были приведены въ Японію подъ собственными парами. Насъ не озадачивали эти извѣстія. Развѣ въ такой короткій промежутокъ времени, который былъ данъ для взрыва броненосцевъ, возможно было взорвать ихъ основательно? Да если и было бы это, то всякій начальникъ эскадры не рѣшился бы взорвать затопленные корабли, не зная нашего положенія дѣлъ на сѣверѣ и предполагая, что Портъ-Артуръ въ концѣ концовъ все-таки будетъ взятъ нами обратно; была надежда,

что наши корабли будутъ подняты, когда Артуръ будетъ опять въ нашихъ рукахъ.

Еще въ Мацуямъ я получилъ слѣдующее письмо отъ севастопольскихъ морскихъ дамъ:

„Христось Воскресе!

Въ далекомъ Севастополѣ помнятъ и любятъ своихъ героевъ, и теперь, при приближеніи Свѣтлаго праздника, который имъ придется встрѣтить на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и друзей, нашъ маленькій кружокъ рѣшилъ хоть чѣмъ-нибудь доказать имъ свою любовь и память.

Просимъ подѣлиться присланнымъ съ товарищами и, если возможно, сообщить, дошла ли наша посылка въ цѣлости. Такихъ посылокъ послано нѣсколько, разнымъ лицамъ.

Сердечный привѣтъ и пожеланія всего лучшаго, главное, скорѣйшаго возвращенія на родину шлютъ вамъ.

Семьи: Ш—ъ, О—ъ, Ш—ъ, К—іе 1-ые, П—ы, Р—ъ, Г—хъ, Р—іе, Т—а, Г—ъ, Р—а.

1905 г. 11 марта

Севастополь. Морское собраніе“.

Письмо это пришло въ маѣ, а посылки все не было. Въ концѣ сентября я получилъ и посылку. Пока она лежала въ Токио, японцы опорожнили

ее и прислали мнѣ пустой ящикъ, положивъ въ него кусокъ японскаго мыла съ надписью „Nagoya“. Я показалъ эту продѣлку японскому офицеру, завѣдывающему нашимъ помѣщеніемъ. Онъ возмутился и написалъ объ этомъ въ Токио, но оттуда никакого отвѣта не послѣдовало.

10-го октября снова пріѣхала Охана-санъ. Миръ тогда уже былъ ратификованъ, и мы могли пользоваться свободными прогулками ежедневно, не исключая даже понедѣльниковъ и четверговъ. Раньше намъ разрѣшено было уходить изъ помѣщенія до 8-ми часовъ вечера, но офицеры сильно запаздывали; вслѣдствіе этого срокъ былъ продленъ до 10-ти часовъ вечера, а потомъ и до 11-ти. Японцы на этомъ срокѣ остановились, но мы тогда уже не обращали вниманія и возвращались, какъ пришлось. Въ то время было очень холодно. Спать въ зданіи безъ потолка, подъ одной крышей, было очень тяжело. Японцы выдали намъ хибачи, но они совершенно не согрѣвали комнату, поэтому многіе ѣздили ночевать въ гостинницы.

Съ Оханой-санъ пріѣхала и ея мать — очень сварливая женщина, желающая эксплуатировать дочь и ни на шагъ не отпускающая ее отъ себя. Нѣсколько нашихъ офицеровъ устроило обѣдъ въ Осака-отель, пригласивъ на него Охану-санъ, общавшую пріѣхать. Но мать ни за что не от-

пускала ее къ обѣду, какъ та ни плакала и ни просила. Послѣ обѣда мы всѣ поѣхали къ нимъ. Охана-санъ была крайне рада. Всѣхъ очень мило приняла и начала угощать. Ея мать тоже захотѣла побесѣдовать съ нами, но мы ее прогнали изъ той комнаты.

Теперь можно было ѣздить съ Оханой-санъ куда угодно, и полицейскіе не обращали на это никакого вниманія. Я посѣтилъ всѣ близъ лежащія отъ Осаки города: Кобе, Кіото, Суміоси, Сакай.

Дней черезъ десять Охана-санъ уѣхала въ Куре. Какъ только миръ былъ ратификованъ, японскіе офицеры предложили намъ поѣхать въ Кіото навѣстить жившихъ тамъ плѣнныхъ офицеровъ съ Небогатовской эскадры. Мы поѣхали туда въ сопровожденіи японскаго офицера и двухъ переводчиковъ. Кіото очень красивый городъ — древняя столица Японіи, — славится шелковыми издѣліями. Въ Кіото живутъ и самыя лучшія гейши изъ всей Японіи. Мы очень мило провели тамъ время. Пообѣдали въ Міако-отель. Скоро Кіотосскіе офицеры возвратили намъ визитъ. Обѣдали въ Осака-отель. Вечеромъ пѣли. Японцы, услышавъ пѣніе, собрались во множествѣ на площади и слушали до поздней ночи. Весь отель снаружи былъ иллюминированъ электрическими лампочками.

Было красиво, словно какое-то празднество, торжество.

Незадолго до этого японцы заключили съ англичанами союзъ. По этому поводу въ Кобе приходила англійская эскадра. Праздновали шумно и принимали гостей не только въ Кобе, но и въ Осакѣ. Весь городъ былъ разукрашенъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены арки, покрытыя зеленью, съ надписью „Welcome“. Передъ англичанами всюду раздавалось „банзай“. Въ Осакѣ празднества продолжались дней пять. Часто мальчишки насъ принимали за англичанъ, и, когда ѣдешь по улицамъ, всюду поднимаютъ кверху руки и кричатъ „банзай“. Это было непріятно.

Занятія наши по изученію японскаго языка пришлось прекратить. На прощаніе мы устроили учителямъ-японцамъ завтракъ и преподнесли на память роскошные часы съ надписью, которые, они говорили, поставятъ у себя въ школь.

У насъ составила небольшая бібліотека изъ книгъ, присланныхъ изъ Россіи плѣннымъ офицерамъ. Бібліотеку мы пожертвовали японской учащейся молодежи.

Послѣ ратификаціи мира мы могли ходить по всему городу. Начали посѣщать японскіе театры. Я былъ почти во всѣхъ увеселительныхъ мѣстахъ, чтобы ознакомиться съ ними. Все это крайне

интересно и занимательно. Японцы совершенно не так живут, как европейцы. У них все особенно, своеобразно. Въ Осакѣ есть кварталъ, напоминающій собою токійскую „Юшивару“. Тутъ такъ же мило и прекрасно, какъ и въ Юшиварѣ.

Въ срединѣ октября въ Японію прибыла коммиссія по отправкѣ плѣнныхъ въ Россію во главѣ съ генераль-лейтенантомъ Даниловымъ.

Мы жаждали какъ можно скорѣе вырваться изъ плѣна и послали генералу Данилову телеграммы и рапорты съ просьбой разрѣшить отправиться домой на свой счетъ. Но наши старанія были тщетны.

Въ это же время въ Кобе пришелъ транспортъ „Якутѣ“ въ распоряженіе генерала Данилова. Узнавъ о его приходѣ, я на слѣдующее утро поѣхалъ въ Кобе и провелъ тамъ цѣлый день. Что за радость оказаться наконецъ въ кругу людей, недавно прибывшихъ изъ Россіи. Они рассказывали различныя животрепещущія новости. Къ вечеру я уѣхалъ въ Осаку на электрическомъ трамваѣ.

26 октября я отправился въ Куре посмотрѣть на житье-бытье Оханы-санъ. Приѣхалъ къ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера; всѣ уже спали. На слѣдующій день съ утра появились жандармы и полицейскіе съ разспросами, кто приѣхалъ и

зачѣмъ? Ко мнѣ никто изъ нихъ не обращался. Мнѣ все это было крайне непріятно, и я хотѣлъ вмѣшаться, но Охана-санъ просила меня не выходить, такъ какъ ея мать обо всемъ уже переговорила. Въ тотъ же день мнѣ необходимо было возвратиться въ Осаку. Я отлучился безъ разрѣшенія и могъ бы понести за это наказаніе. Поѣздъ уходилъ въ 4 часа дня. Мнѣ хотѣлось ознакомиться съ окрестностями города, и поэтому въ 12 часовъ я сѣлъ на рикшу и проѣхалъ на слѣдующую станцію по живописнѣйшимъ горамъ. Куре отличный военный портъ. Гавань природная, окружена высокими горами, проходъ узкій и защищенный гористыми островами. Въ гавани виднѣлось много военныхъ судовъ; стоялъ и нашъ „Орелъ“, и „Ангара“ совершенно исправленная и выкрашенная. На „Орлѣ“ повидимому производились большія работы. Трубы были сняты, мачта тоже. По дорогѣ я познакомился съ куда-то шедшимъ японскимъ морскимъ офицеромъ. Тамъ мы разговорились. Офицеръ скоро со мной попрощался и ушелъ. Взобравшись на гору, я увидѣлъ оттуда весь городъ, какъ на ладони, и японскія батареи, и всѣ корабли, и портъ. Шпіонъ могъ бы снять прекрасный планъ. Часа въ три я приѣхалъ наконецъ на станцію.

Въ Осакѣ встрѣчные офицеры радостно сооб-

щили, что послѣзавтра кончается нашъ плѣнъ, и наконецъ-то мы уѣзжаемъ въ Россію. Японцы были недовольны моею поѣздкою въ Куре и взяли мою бирку изъ караульнаго помѣщенія. Я уже на это не обращалъ вниманія и уѣзжалъ безъ всякаго билета. Да и всѣ мы считали себя свободными и не стѣснялись японцами.

Всѣ дѣятельно готовились къ отъѣзду и лихо-радно укладывались. А время наступило очень холодное. У кого были деньги — тотъ уѣзжалъ ночевать въ гостинницу. Въ нашемъ помѣщеніи оставаться на ночь не считалось особеннымъ удовольствіемъ.

Къ концу плѣна начальникъ Осакаго гарнизона рѣшилъ устроить намъ прощальный обѣдъ. Но приглашеніе онъ передалъ черезъ офицера, завѣдующаго нашимъ помѣщеніемъ, а не черезъ своего адъютанта. Поэтому мы отказались отъ обѣда. Почти во всѣхъ городахъ, гдѣ были плѣнные, прощальные обѣды не состоялись. И въ Мацуямѣ послѣдовали нашему примѣру. Полковникъ Кооно очень разсердился. Въ Мацуямѣ разрѣшено было офицерамъ выходить на прогулки до десяти часовъ вечера. Нѣсколько офицеровъ какъ-то засидѣлись въ театрѣ и немного опоздали. Кооно приказалъ запереть ихъ въ конюшню, гдѣ и продержалъ тамъ цѣлую ночь. Это послѣ заключенія мира!

Послѣ ратификаціи мирнаго договора артурскимъ офицерамъ выдали сабли, и мы ходили по городу, какъ вольные граждане. Японскіе солдаты отдавали честь, часовые брали на карауль. Однимъ словомъ, отдавались всѣ воинскія почести.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней плѣна нѣсколько нашихъ офицеровъ поѣхали въ лучший театръ города Осаки съ японскимъ зубнымъ врачомъ Нишимурой. Въ представленіи участвовали исключительно гейши. Танцы ихъ были интересны, такъ какъ походили на европейскіе. Наряды роскошны. Нишимура познакомилъ насъ съ двумя гейшами. Пригласили ихъ въ ложу и весело провели время. Японки очень наивны. Такъ, въ Мацуямѣ хорошенькая, молодая японочка, увидавъ европейскую барышню — дочь одного изъ плѣнныхъ офицеровъ, спросила насъ, что ей дѣлать, чтобы стать такой же бѣлой. Мы посоветовали пить какао. Японка не знала, что такое какао и попросила насъ научить готовить его. Мы дали ей попробовать. Какао ей страшно не понравилось и показалось приторнымъ и противнымъ. Несмотря на это, она все-таки его пила нѣсколько разъ въ день, а потомъ и привыкла и полюбила и будетъ все надѣяться со временемъ побѣлѣть.

30-го октября мы наконецъ уѣзжаемъ изъ Осаки. Я послалъ телеграмму Оханъ-санъ, прося ее ско-

рѣе приѣхать. Она обѣщала. Наканунѣ отъѣзда я переночевалъ въ Осака-отель. Тамъ было нѣсколько русскихъ офицеровъ, приѣхавшихъ изъ другихъ городовъ. Наши офицеры уже начали путешествовать по Японіи и знакомиться съ нею. 30-го октября утромъ приѣхала Охана санъ и остановилась въ ядоѣ. Повидавшись съ ней, я уѣхалъ въ Имамію, гдѣ насъ всѣхъ просили собраться къ часу дня, и засталъ тамъ уже всѣхъ офицеровъ. Мы должны были уѣхать двумя партіями: 1-ая партія, куда былъ и я назначенъ— 30-го октября, а 2-ая—31-го. Въ часъ дня насъ повели на станцію Теннози. Тамъ стоялъ рикша, во время плѣна добросовѣстно исполнявшій всѣ мои порученія и значительно облегчавшій тяготу нашего плѣна. Прощаясь съ нимъ, я щедро его наградилъ. Подали поѣздъ, на которомъ приѣхали въ Осаку на станцію Умеда, оттуда должны были отправиться въ Кобе. На вокзалѣ было много публики. Между прочими и Охана-санъ съ матерью. Мы условились встрѣтиться еще въ Кобе въ Оріенталь-отелѣ. Японскія власти устроили намъ прощальный завтракъ. Имъ все же хотѣлось разстаться съ нами друзьями, поэтому въ сосѣднемъ зданіи съ вокзаломъ они сервировали намъ завтракъ. Войдя туда, мы были, сверхъ ожиданія, удивлены особеннымъ къ намъ вниманіемъ. Къ

четыремъ часамъ приѣхали губернаторъ, начальникъ гарнизона, завѣдующій военноплѣнными и другія власти Осаки. Во время завтрака провозглашались тосты, говорились рѣчи, высказывали другъ другу хорошія пожеланія. Меня, какъ знающаго японскій языкъ, посадили рядомъ съ губернаторомъ, говорящимъ только на родномъ нарѣчій. Къ концу завтрака уже подали поѣздъ. Мы разстались добрыми друзьями. У всѣхъ было привольно и радостно на душѣ: вотъ еще нѣсколько дней, и мы будемъ въ Россіи. Пережились счастливыя минуты. Хотѣлось поскорѣе увидѣть Владивостокъ. Когда уже всѣ сидѣли въ вагонахъ, публика на вокзалѣ начала кричать „банзай“, а наши матросы „ура“. Было общее ликованіе. На вокзалѣ собралась порядочная толпа. Мусмешки японскія и тутъ выдѣлялись красотой своихъ нарядовъ, придавая толпѣ изящную пестроту. Въ пять часовъ поѣздъ тронулся. Долго еще раздавалось „банзай“; на всѣхъ станціяхъ до Кобе, гдѣ остановился поѣздъ въ 6^{1/2} часовъ, раздавались эти крики.

Встрѣченные японскимъ офицеромъ мы пошли къ нашимъ уполномоченнымъ. Непріятное было шествіе, такъ какъ на тѣхъ улицахъ, которыя мы проходили, собрался японскій народъ шпалерами и глазѣлъ на насъ. Поздно вечеромъ состоялась

передача насъ русскому полковнику. Наконецъ всѣ формальности соблюдены, полковникъ поздравилъ насъ съ окончаніемъ плѣна, и наступилъ пріятный моментъ. Снова мы свободны! Нѣтъ теперь этой неволи. Не будетъ больше ни соблюденій строгой жизни, ни японскихъ полицейскихъ, ни провожатыхъ солдатъ. Мы теперь будемъ жить такъ, какъ живутъ всѣ люди въ мірѣ. Вскорѣ мы сѣли на ожидавшій насъ у пристани катеръ и поѣхали на пароходъ Добровольнаго флота „Владиміръ“. 2-ая партія должна была отправиться на „Воронежъ“. На пароходъ мы хорошо пообѣдали. Давно уже не ѣли русскихъ щей съ такимъ удовольствіемъ. Нельзя словами передать того, что мы испытывали въ тѣ минуты. Надо самому пережить это. Послѣ обѣда начальникъ эшелона объявилъ, что до восьми часовъ вечера завтрашняго дня мы свободны и можемъ ѣхать въ городъ. Въ 9 часовъ вечера въ городъ я зашелъ въ Oriental-hotel, надѣясь увидѣть Охану-санъ. Въ тотъ же моментъ какой-то японецъ передавалъ карточку метръ-д'отелю. Я взглянулъ на карточку и сейчасъ же узналъ, что она была отъ Оханы-санъ. Она сообщала мнѣ адресъ ядои, гдѣ остановилась съ матерью. Я тамъ и переночевалъ. На слѣдующій день мы предприняли интересную прогулку по окрестностямъ Кобе. Въ паркѣ мы

встрѣтили нѣсколько присоединившихся къ намъ офицеровъ. Къ вечеру вернулись въ ядою. Въ семь часовъ я, попрощавшись съ Оханой-санъ, поѣхалъ на пристань. Охана-санъ провожала меня. Я сѣлъ въ шлюпку и сказалъ бамаю *), чтобы онъ отвезъ меня на пароходъ „Владиміръ“. Охана-санъ въ это время прыгнула въ шлюпку. Шла зыбь. Бамаю сильно качало и временами заливало водой. Я сказалъ другому бамаю, чтобы онъ слѣдовалъ за нами. Охану-санъ начало укачивать, и я посовѣтовалъ ей пересѣсть на другого бамаю и вернуться въ Кобе, но она и слушать не хотѣла. Подулъ вѣтеръ, стало холодно. Охана-санъ начала зябнуть. Мнѣ пришлось снять съ себя пальто и надѣть на нее. Недалеко отъ „Владиміра“ я подозвалъ другого бамаю и пересадилъ Охану-санъ. Она начала плакать и просила въ Россіи не забывать ее. Я обѣщаль. Уже шлюпки наши были далеко другъ отъ друга, какъ я услышалъ отъ Оханы-санъ: „Васурете кудасаруна!“ (не забывайте). Я отвѣтилъ: „Кессите!“ (никогда). Такъ мы и разстались.

На „Владиміръ“ до поздней ночи я сидѣлъ въ каютъ-компаніи. Не спалось. Страшно жаль было Охану-санъ и хотѣлось во что бы то ни стало,

*) „Бамай“—шлюпочникъ-перевозчикъ.

вывезти ее въ Россію и жениться на ней. Я рѣшилъ по возвращеніи во Владивостокъ сейчасъ-же поѣхать въ Японію и сдѣлать, что задумалъ. Охана-санъ сама этого хотѣла. Но мать страшно противилась нашему желанію и ни на шагъ не отпускала отъ себя свою дочь.

Часа въ два ночи я пошелъ спать въ свою каюту. Пароходъ долженъ былъ уйти въ 6 часовъ утра. Оставалось еще принять 200 нижнихъ чиновъ. Думали ихъ принять ночью, но свѣжая погода помѣшала. Необходимо было переждать. Только къ часу дня перваго ноября всѣ нижніе чины были приняты. Всего отправлялось въ Россію 2200 нижнихъ чиновъ и 48 офицеровъ. Пароходъ снялся съ якоря и пошелъ Японскимъ Средиземнымъ моремъ. Погода была пасмурная. Временами накрапывалъ дождь. Я долго стоялъ на палубѣ и смотрѣлъ на Кобе. Оханы-санъ вѣроятно уже не было: уѣхала въ Куре. Какъ-то радостенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грустенъ былъ моментъ ухода. Радостенъ, что наконецъ-то мы увидимъ Россію, а грустенъ,—по предчувствію чего-то сквернаго. Много писали въ газетахъ про безпорядки въ Россіи. Судя по этимъ извѣстіямъ, мы представляли ее наполовину разгромленной, но вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣрили.

Первыя минуты на пароходѣ сильно дѣйстви-

вали на всѣхъ, и офицеры и нижніе чины находились въ какомъ-то взволнованномъ, напряженномъ состояніи. Предстояло много работы: надо было нижнихъ чиновъ разбить на роты, приготовить списки и назначить офицеровъ сопровождать роты изъ Владивостока къ мѣстамъ стоянокъ ихъ частей. Эшелономъ командовалъ капитанъ 2-го ранга. Онъ цѣлыми днями былъ занятъ. Всѣ офицеры помогали ему. Дня черезъ три все было приведено въ порядокъ, и уже можно было сразу по приходѣ во Владивостокъ садиться въ поѣздъ и ѣхать въ Россію.

Въ первый-же день я написалъ Оханъ-санъ огромное письмо, рѣшивъ его отправить изъ Владивостока. Вечеромъ мы прошли Куре, Хорошиму, а на слѣдующій день, оставивъ за собою Симоносекскій проливъ, направились въ Японское море. Жаль было покидать прекрасное Японское Средиземное море.

Задулъ сильный противный вѣтеръ. Пошла зыбь. Насъ сильно качало. На верхней палубѣ невозможно было гулять: ее часто заливало водой. Когда корабль взлеталъ на волну, корма высоко подымалась, винты работали въ воздухѣ, въ машинѣ былъ перебой, и весь корпусъ дрожалъ. Мы давно уже не испытывали качки, и тутъ сразу попали въ такую сильную. Было довольно неприятно.

Погода первыя сутки стояла теплая. За островомъ „Жилеть“, вѣтеръ становился все холоднѣе и холоднѣе. Отъ такой температуры мы давно отвыкли. Многіе были одѣты по лѣтнему. У насъ почти у всѣхъ бѣлые чехлы, несмотря на ноябрь мѣсяць. Многіе въ кителяхъ; другой одежды не было. Всѣ нижніе чины изъ сухопутныхъ частей. Ихъ начало укачивать. Съ ними было много возни. Въ то же время ихъ надо было спрашивать, чтобы составить обстоятельные списки: фамиліи, имена, какой губерніи, какого полка, гдѣ взять въ плѣнъ, раненъ или здоровъ и если раненъ, то гдѣ и т. д. Большинство принадлежало къ 5-ому Восточно-Сибирскому стрѣлковому полку изъ Портъ-Артура. Почти всѣ ранены. Я составилъ списокъ одной роты и помню, здоровыхъ тамъ было не болѣе 5-ти человекъ. Одинъ солдатъ былъ раненъ восемь разъ въ разныхъ бояхъ.

4-го ноября утромъ мы пришли въ бухту Славянку и стали тамъ на якорь. Для входа во Владивостокъ ожидали распоряженій оттуда, такъ какъ въ этомъ районѣ разставлено много минъ, и долженъ былъ придти миноносець для указанія пути. Часовъ въ 11 присталъ къ намъ миноносець „Грозный“. На немъ я увидѣлъ своего товарища, бывшаго въ Цусимскомъ бою. Офицеры вошли къ намъ и начали дѣлиться впечатлѣніями. Грустныя

извѣстія привезъ намъ миноносець. 30-го октября во Владивостокъ были сильныя беспорядки и почти весь городъ разграбленъ и сожженъ. Каково! А мы такъ ждали момента, когда вернемся на родину. Такъ рвались къ ней! И что же мы слышимъ, еще не вступивъ на такъ давно желанный берегъ! Нижніе чины быстро узнали про беспорядки во Владивостокъ и начали волноваться. Изъ-за такого тревожнаго времени насъ и держали въ Славянкѣ. Стоять тамъ на якорѣ было очень скучно.

Въ 4 часа дня на горизонтѣ показался крейсеръ „Аскольдъ“. Всѣ высыпали на верхнюю палубу. „Аскольдъ“ возвращался изъ Шанхая. Прійдя въ бухту, онъ сталъ на якорь, недалеко отъ насъ, и на немъ заиграла музыка.

Радостенъ былъ моментъ встрѣчи! Давно мы уже не видѣли своихъ кораблей. Съ приходомъ „Аскольда“ волненія среди нашихъ нижнихъ чиновъ улеглись. Ночью „Аскольдъ“ освѣщаль прожекторомъ берегъ и море.

На слѣдующее утро мы снялись съ якоря и пошли во Владивостокъ. Погода великолѣпная. Море спокойное. Всѣ въ приподнятомъ настроеніи. Еще нѣсколько часовъ, и мы сойдемъ на родную землю. Скоро показался островъ Аскольдъ, прошли мимо, а вотъ и Владивостокъ! Пароходъ вошелъ

въ бухту и пришвартовился къ стѣнкѣ у Эгершельда. На берегу стоялъ комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Казбекъ и много офицеровъ. Заиграла музыка. Комендантъ поздравилъ всѣхъ съ благополучнымъ прибытіемъ на родину и благодарилъ за честное исполненіе долга.

Послѣ ухода коменданта намъ разрѣшили сойти на берегъ. Всѣ были въ разнообразной одеждѣ: кто въ статскомъ платьѣ, кто въ военномъ. Но фуражки у всѣхъ были лѣтнія, такъ что по нимъ въ городѣ сразу можно было узнавать вернувшихся изъ плѣна.

Я съ однимъ офицеромъ поѣхалъ въ экипажъ, чтобы явиться, такъ какъ послѣ паденія Артура былъ переведенъ въ Сибирскій флотскій экипажъ. Тамъ мы никого не застали и вернулись на пароходъ. Комиссія по приѣмѣ плѣнныхъ выдавала прогонныя деньги до Петербурга. Былъ готовъ воинскій поѣздъ, на которомъ весь эшелонъ долженъ былъ отправиться въ Харбинъ.

Проѣзжая въ городѣ по улицамъ, я увидѣлъ результаты дѣйствій тѣхъ якобы истинно русскихъ людей, которые при помощи воинскихъ чиновъ желали по своему обновить Россію. Вотъ вамъ и обновка! Городъ наполовину былъ выжженъ. Многие магазины разграблены. Почта и телеграфъ бастовали, желѣзныя дороги съ ними заодно. Мы хо-

тѣли отправить телеграммы въ Россію, не тутъ-то было. Видно многое въ Россіи перемѣнилось за время нашего отсутствія. Я не могъ представить себѣ ничего подобнаго. Тутъ только сказалось, что все читанное въ иностранныхъ газетахъ — правда. Непріятное было возвращеніе на родину. Сладкая радость смѣнялась горькимъ разочарованіемъ. Жители видимо враждовали другъ съ другомъ. Солдаты были сильно распушены, ходили въ безобразномъ видѣ, не отдавали чести, дѣлали, что имъ хотѣлось. Все это плоды дѣятельности негодяевъ, пріѣхавшихъ изъ Россіи исключительно для совращенія нижнихъ чиновъ. Среди этихъ людей большинство были евреи.

Въ 8 часовъ вечера наши нижніе чины, посаженные въ поѣздъ, уѣхали изъ Владивостока; остались только офицеры Сибирскаго экипажа. Я ночевалъ на „Владимиръ“. Въ 7 часовъ утра онъ долженъ былъ уйти въ Японію за слѣдующей партией плѣнныхъ. Вставъ на слѣдующій день рано утромъ, я помѣстился въ домѣ, гдѣ жили офицеры подводнаго плаванія. Между ними было нѣсколько моихъ товарищей, и я остался у нихъ.

Предстояло еще съѣздить въ Японію порѣшить съ Оханой-санъ, какъ намъ поступить. Запасшись заграничнымъ паспортомъ, я ждалъ только уходящаго въ Японію парохода. Во Владивостокѣ въ

то время стояло много пароходовъ. Скоро я узналъ, что германскій пароходъ „Brungilda“ уходитъ въ Моджи. Взялъ билетъ. Пароходъ былъ грузовой безъ каютныхъ мѣстъ, и поэтому пришлось взять билетъ 3-го класса, т. е. въ трюмъ. Но на это я не обращалъ вниманія: спѣшилъ, а ждать, когда начнутъ совершать рейсы пассажирскіе пароходы, надо было мѣсяцевъ шесть. Попрощавшись со своими товарищами и поблагодаривъ ихъ за радужное гостепримство, я перебрался рано утромъ на „Брунгильду“, ожидая ея отхода.

Послѣ плѣна.

На „Брунгильдѣ“. Въ Хиросимѣ. Японскіе театры. Японскія женщины. Рикши. Приѣздъ въ Моджи маршала Ойямы. Возвращеніе во Владивостокъ. На „Алеутѣ“. Владивостокскіе беспорядки. Поѣздка въ Японію. Въ Нагасакахъ. Прибытіе „Лены“. Послѣдніе дни въ Японіи.

Отъ Владивостока до Моджи 600 миль. Это разстояніе на „Брунгильдѣ“ мы должны были пройти въ трое сутокъ. Я помѣстился въ трюмъ вмѣстѣ съ китайцами и японцами; тамъ ѣхали еще два русскіхъ студента, бывшіе на войнѣ вольноопредѣляющимися въ арміи генерала Ливевича. Впервые пришлось ѣхать въ подобной обстановкѣ. Время было холодное; начались морозы; спать въ трюмѣ невыносимо. На ночь я переходилъ въ каютъ-компанію помощниковъ и спалъ на диванѣ. Капитанъ и его помощники—очень симпатичные нѣмцы, предложили намъ совмѣстный столъ, на что мы конечно съ радостью согласились. Студенты уѣзжали въ Россію,

но желѣзныя дороги забастовали, и имъ пришлось предпринять кружной путь черезъ Суэзскій каналъ.

Пройдя островъ Жилеть, стало гораздо теплѣе—почти лѣтняя погода. Наше путешествіе страдало однообразіемъ, пассажировъ было очень мало, мѣсто для свободнаго движенія очень ограниченное, развлечься нечѣмъ, даже спать негдѣ. Въ Моджи мы пришли въ ночь на 4-ыя сутки. Утромъ на пароходъ явился японскій докторъ, осмотрѣлъ всѣхъ пассажировъ и разрѣшилъ сѣхать на берегъ. Я сѣлъ на бамаю и отправился въ Симоносеки, расположенный противъ Моджи на берегу Ниппона; отсюда по желѣзной дорогѣ предстоялъ мнѣ путь въ Куре.

Поѣздъ изъ Симоносекъ уходилъ въ часъ дня, поэтому, чтобы скоротать время, я пошелъ въ ядою и принялъ тамъ ванну. Сначала я не могъ влѣзть въ ванну: такъ она была горяча. Японская ванна имѣетъ видъ кубическаго ящика; по дну его проходятъ паровыя трубки, нагрѣвающія воду. Японцы очень любятъ горячую ванну; ни одинъ европеецъ не вынесъ бы той температуры воды, которая такъ пріятна японцу. На различіе половъ не обращается вниманія. Пока я мылся, нѣсколько разъ ко мнѣ входила молоденькая мусмешка съ киримонами и подъ разными пред-

логами. Сказать ей уйти—было неумѣстно, такъ какъ японцы не находятъ ничего въ этомъ предосудительнаго.

Освѣжившись ванною, я пошелъ на вокзалъ. Тамъ въ таможнѣ осмотрѣли мои вещи и приняли багажъ.

Послѣ Владивостока и грязнаго нѣмецкаго грузового парохода пріятно попасть въ опрятный поѣздъ. Жить на свободѣ въ Японіи—одно удовольствие. Я теперь послѣ плѣна всѣмъ восторгался. Въ одномъ со мной вагонѣ ѣхали два американца—туристы и шведскій офицеръ генеральнаго штаба, бывший въ русско-японскую войну агентомъ въ арміи Ойямы. Со шведомъ, прекрасно говорящимъ по-русски, мы всю дорогу бесѣдовали. Американцы возвращались изъ Портъ-Артура. Я съ ними познакомился еще раньше, когда былъ въ плѣну, и когда мнѣ случилось разъ ѣхать съ ними по желѣзной дорогѣ. Японцевъ въ нашемъ вагонѣ было очень мало. Вообще японцы не любители 1-го класса, и ихъ высшій слой общества ѣздитъ обыкновенно во 2-омъ классѣ, предоставляя 1-ый классъ для иностранцевъ. Это конечно изъ-за экономіи. Но проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Японіи такъ дешевъ, что для многихъ не составляетъ разницы поѣздки въ 1-омъ классѣ вмѣсто 2-го.

Въ 9 часовъ вечера на станціи Хирошима была пересадка въ другой поѣздъ, идущій въ Куре. Туда я пріѣхалъ въ 11 часовъ ночи. Охана-санъ встрѣтила меня на вокзалѣ. Куре маленькій городокъ, и тамъ вѣчно пристають къ иностранцамъ жандармы и полицейскіе; поэтому мы рѣшили отправиться въ Хирошиму. На слѣдующій день утромъ мы остановились въ Хирошимѣ въ „Наганума-рёоканъ“ (гостинница Наганума) и заняли прекрасные номера. Рядомъ помѣщался японскій принцъ Арисугава. Въ тотъ же день онъ уѣхалъ въ Токио, провожаемый всею горожскою знатью. Тогда въ Хирошимѣ, какъ сборномъ пунктѣ японскихъ войскъ, находилось много высшихъ чиновъ арміи. Изъ этого порта отправлялись на войну и туда же возвращались съ войны. Всѣ проходили черезъ Хирошиму.

Вечеромъ поѣхали въ театръ. Шла какая-то трагедія. На сценѣ главными дѣйствующими лицами были разбойники. Я мало понималъ, что тамъ говорили и пѣли. Забавляло одно: когда японцы убивали другъ друга на сценѣ, убитый подымался и безцеремонно убѣгалъ за кулисы въ сопровожденіи мальчика, закрывающаго его отъ публики цинковкой.

Театры въ Японіи своеобразные. Туда ходятъ цѣлыми семьями и приносятъ съ собой ѣду и

хибачъ для приготовленія чаю и закуриванія трубокъ. Полъ въ театрѣ разбитъ на квадраты невысокими въ полъ-аршина перегородками. Въ этихъ квадратахъ и сидятъ зрители запросто на полу на корточкахъ. Во время представленія зрители громко разговариваютъ, продавцы спуютъ между ложами, дѣти играютъ и ползаютъ; иногда какой-нибудь японецъ, угостившись „саке“ до степени охмѣленія, начинаетъ громко дѣлать свои замѣчанія актерамъ; если жарко—лишняя одежда снимается. На сценѣ господствуетъ такая же непринужденность. Если актеръ плохо знаетъ роль, суфлеръ сопровождаетъ его съ книгой, если актеръ разгорячился, на сцену выходитъ пособникъ съ полотенцемъ и вытираетъ съ него потъ во время монолога. Всѣ страшно голосятъ. Каждый старается перекричать другъ друга. Въ особенности я не любилъ слушать актриссъ, такъ какъ онѣ въ большинствѣ хрипнуть, и слышать долго охрипшую женщину не особенно пріятно. Японцы ставятъ на сценѣ преимущественно пьесы изъ древняго быта. Пьесы очень длинныя и продолжаются по нѣскольку дней сряду. Такъ, помню, въ Осакѣ одна пьеса шла 8 дней. Представленія обыкновенно начинаются отъ 12—4 часовъ дня и кончаются въ 12 часовъ ночи, а на слѣдующій день идетъ продолженіе пьесы. Японцы актерамъ

не аплодируютъ. Если имъ нравится актеръ, то они выкрикиваютъ изъ своихъ ложъ одобренія. Если же нѣтъ, то начинаютъ ругать и осыпать градомъ насмѣшекъ. При этомъ часто слышишь нецензурныя слова. Въ Хирошимѣ въ театрѣ я слышалъ выраженія, заставляющія меня краснѣть, хотя и плохо зналъ японскій языкъ. На сценѣ актеры такъ же не стѣсняются въ выраженіяхъ. Въ Хирошимѣ же въ театрѣ герой, объясняясь въ любви героинѣ, сказалъ ей комплиментъ, вызвавшій всеобщее одобреніе въ публикѣ, но если бы это слышали европейцы, врядъ ли они себя удобно почувствовали бы въ присутствіи дѣвицы. Музыка оставляетъ желать многого. Обыкновенно играютъ гейши на „кото“ и „самисенахъ“, выкрикивая при этомъ отдѣльныя слова на различные лады. Это выкрикиваніе сильно рѣжетъ ухо, но для японца оно пріятно. Въ настоящее время японцы стараются въ сценическомъ искусствѣ много перенять отъ европейцевъ, и есть театры, гдѣ ставятся исключительно европейскія пьесы. Но до нашихъ театровъ имъ еще далеко. Японскіе театры очень забавны, и для насъ они именно этимъ и интересны.

Театральное представленіе произвело на меня черезъ нѣкоторое время такое дѣйствіе, что я улегся на полу въ ложѣ и уснулъ. Охана-санъ

продолжала внимательно слушать; пьеса, говорила она, была въ высшей степени „омосирой“ (интересна). Въ ложу намъ приносили чай и ужинъ. Съ нами въ ложѣ сидѣла и служанка изъ той гостинницы, гдѣ я остановился. Въ Японіи очень часто ходятъ въ театръ въ одну ложу всѣмъ семействомъ и съ прислугой.

Послѣ театра въ часъ ночи мы вернулись въ Наганума-реоканъ. Охана-санъ за день сильно устала. Пришлось позвать массажиста. Японцы большіе любители массажа, и массажисты приходятъ къ нимъ на домъ. Обыкновенно вечеромъ часовъ съ 10-ти вы слышите, какъ на улицахъ начинаютъ дудѣть въ дудки. Это массажисты оповѣщаютъ о началѣ своей дѣятельности. Этимъ дѣломъ занимаются преимущественно слѣпые японцы, и поэтому приглашать ихъ къ себѣ на домъ можно безъ всякаго стѣсненія отъ чуждаго соглядатайства. Принявъ горячую ванну, японецъ съ видимымъ наслажденіемъ предоставляетъ себя во власть специалиста. Для массажа они пользуются особаго рода колотушками, которыми они послѣ растиранія тѣла постукиваютъ его. Долго въ ту ночь массажистъ оперировалъ Охану-санъ, рассказывая ей при этомъ различныя новости. Я нѣкоторое время слушалъ, потомъ ушелъ къ себѣ въ комнату и легъ спать.

На слѣдующій день пріѣхала мать Оханы-санъ— Исизаки-Така. Я началъ переговоры съ ней о томъ, какъ теперь Охана-санъ отправится въ Россію. Мать ни за что не хотѣла отпустить дочь; хотѣла, очевидно, извлечь изъ нея возможно больше выгодъ и соглашалась выдать ее за меня замужъ только за очень большую плату—за двадцать тысячъ рублей. Раньше она ни о чемъ подобномъ никому не упоминала. Меня это предложеніе поразило. Я никакъ не ожидалъ, что она хочетъ продать свою дочь.

Охана-санъ начала при этомъ плакать. Помочь своему горю она никакъ не могла: по обычаю Японіи первый долгъ женщины— послушаніе матери. Я замѣчалъ иногда, что Охана-санъ начинала плакать. Теперь я только узналъ причину ея сильной скорби и плача.

Положеніе японской женщины очень плачевно. Повиновеніе проходитъ во всей ея жизни красною нитью: до выхода замужъ она слѣпо должна повиноваться родителямъ, по выходѣ замужъ— мужу и по смерти мужа— сыновьямъ. Личныхъ интересовъ у японки не должно быть. Свою власть она можетъ простираетъ только на невестокъ и дочерей; вотъ почему онѣ съ послѣдними становятся такъ грубы. Выйдя замужъ, японка должна кромѣ мужа слушаться еще родителей мужа и его братьевъ.

Обращеніе съ женщиной въ Японіи очень нехорошее. Женщина во всемъ должна повиноваться мужчинамъ. При разговорѣ съ нею употребляются выраженія, какъ при обращеніи съ ребенкомъ. Тѣмъ не менѣе онѣ добры, кротки и послушны. Въ плѣну мы обращались съ ними очень вѣжливо, какъ и съ европейками, поэтому японки къ намъ сильно привязывались. Дѣвушекъ въ Японіи очень много. Всѣ семьи многолюдны. Но и проститутокъ не мало: часто бѣдные родители продаютъ своихъ дочерей въ публичные дома. Я зналъ одну семью въ Осака, въ которой, когда отцу понадобились деньги, онъ продалъ свою дочь въ „Маруяму“ въ Нагасаки за 300 рублей на 5 лѣтъ. Такимъ образомъ эта кроткая невинная дѣвушка дѣлается жертвою интересовъ родителей.

Весь восточный берегъ Азіи до Сабанга включительно изобилуетъ японскими веселыми домами. Въ Коломбо они уже не встрѣчаются. Въ настоящее время японская императрица обратила большое вниманіе на женскій вопросъ. Ей стало извѣстно о наводненіи Востока продающимися японками, и теперь вывозъ ихъ изъ Японіи крайне затрудненъ—требуется много формальностей. Полиція зорко слѣдитъ. Если ей станетъ извѣстно, что японка выѣзжаетъ для этого, то послѣдней никоимъ образомъ не удастся выѣхать. Въ Кобе

я видѣлъ, какъ нѣсколько разъ полицейскіе осматривали иностранные и свои уходящіе пароходы, чтобы убѣдиться въ отсутствіи тамъ японокъ. Проституція въ Японіи начала замѣтно ослабѣвать съ тѣхъ поръ, когда императрица обратила на это вниманіе. Пройдетъ десятокъ лѣтъ, и, благодаря такой мѣрѣ, на побережьи Востока не будетъ больше домовъ съ обитательницами красавицъ страны Восходящаго солнца. Въ самой Японіи нѣтъ тайной проституціи. Полиція тамъ строго смотритъ за этимъ, и наказанія за это налагаются жестокия. Для проститутокъ тамъ существуютъ особыя учрежденія: знаменитая Юшивара въ Токио, Маруяма — въ Нагасакахъ, Харухиза — въ Осакѣ и т. д. Въ послѣднее время японки начинаютъ замѣтно поднимать свое положеніе: кончаютъ университеты, занимаютъ служебныя должности и т. п. Очень можетъ быть, что въ недалекомъ будущемъ японки сдадутъ передъ всѣми народами міровой экзаменъ такъ-же прекрасно, какъ два года тому назадъ сдали его японцы.

Характеръ у японокъ прекрасный. Если японка выйдетъ за васъ замужъ, она вамъ будетъ хозяйкою дома, вникающею во все, изящною и преданною. Она будетъ вашимъ умнымъ расчетливымъ другомъ и сумѣетъ облегчить всю тяжесть

долгой разлуки съ родиной. Получая нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ, она будетъ очень довольна, будетъ хорошо одѣта, благодарна вамъ и весела. Уныніе и грусть имъ не знакомы. Онѣ безпечны, какъ дѣти.

Разрѣшеніе на выѣздъ Оханъ-санъ сопряжено было съ большими хлопотами. Устроить побѣгъ очень трудно, почти невозможно: ея мать зорко слѣдила за ней. Мать — вдова доктора, убитого въ японо-китайскую войну. У нея было двѣ дочери: старшая — Осиге-санъ и младшая — Икуѣ-санъ, что значить „госпожа сколько свѣта — радости“. Мы же ее называли Охана-санъ — по-японски „госпожа цвѣтокъ“. Послѣ войны мать получила отъ правительства пенсію въ 12 рублей въ мѣсяцъ и небольшой домикъ въ Доого. На эти деньги она должна была прожить съ двумя дочерьми. Старшая дочь дѣлала игрушки для дѣтей и этимъ зарабатывала небольшія деньги, а Икуѣ-санъ служила прежде продавщицей и получала 3 іены 70 сенъ въ мѣсяцъ, но послѣ моего письма японцы посадили ее въ тюрьму, и она осталась безъ мѣста. Я много ей помогаль, чтобы устроить ея жизнь лучше. Теперь ей хотѣлось непременно ѣхать въ Россію и выйти за меня замужъ. Я видѣлъ въ ней будущую преданную и хорошую жену, но мать завидовала своей дочери и старалась

всѣми способами помѣшать ей выѣхать въ Россію. У матери были всѣ ея метрическія свидѣтельства и безъ матери ей, несовершеннолѣтней, нельзя было раздобыть паспортъ. Вечеромъ мать уѣхала въ Куре, гдѣ на Мото-мачи жили ея родные. Охана-санъ, оставшись въ Хирошимѣ, сильно плакала. Она просила въ Россіи не забыть ее и, улучивъ время, пріѣхать въ Японію жениться. Мы такъ и условились, что теперь я уѣду во Владивостокъ, буду тамъ плавать, а потомъ пріѣду вновь въ Японію и женюсь; тогда мать не будетъ въ состояніи воспрепятствовать ей уѣхать въ Россію. На слѣдующій день я послалъ телеграммы въ Кобе, Моджи и Нагасаки съ вопросами, когда и откуда пойдутъ пароходы во Владивостокъ. Пришелъ отвѣтъ, что изъ Моджи черезъ два дня уйдетъ норвежскій пароходъ „Freya“. Я рѣшилъ уѣхать немедленно въ Моджи. Тяжело было разставаться съ Оханой-санъ. У нашего балкончика протекала рѣка. Она пыталась броситься въ воду, и поэтому пришлось ее удерживать. Вечеромъ я поѣхалъ на вокзалъ. Охана-санъ поѣхала со мной, чтобы проводить. Она сѣла въ поѣздъ и только въ 12 часовъ ночи вышла на какой-то станціи и вернулась въ Куре. Прощаясь, я обѣщалъ никогда не забыть ее.

Поѣздка въ Моджи была грустная: ничего не

могъ сдѣлать для Оханы-санъ, да и ея мать хотѣла слишкомъ дорогую цѣну. Такія деньги могли платить только американскіе богачи. Купля жены мнѣ очень не нравилась, и я рѣшилъ ждать. Въ Моджи пріѣхалъ рано утромъ. Было еще темно. Двое рикшъ помогли мнѣ найти ядою и всюду сопровождали меня. Во время поѣздокъ рикши всегда помогали мнѣ. Для иностранца рикша очень цѣнный человѣкъ. Онъ для васъ не только извозчикъ, но онъ даже нѣчто большее, чѣмъ проводникъ—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вашъ другъ, а когда нѣтъ вблизи полицейскаго, то и покровитель. Если кто обидитъ васъ, рикша сейчасъ же броситъ коляску и жестоко отомститъ оскорбителю. У меня во время плѣна въ Осака́ былъ очень преданный рикша. Онъ исполнялъ многія порученія и иногда даже ѣздилъ въ другіе города. На прогулкахъ я всегда ѣздилъ на немъ и лучшаго проводника не могъ себѣ найти. Разстались мы друзьями.

Если вы намѣреваетесь пріятно провести въ Японіи время—заслужите симпатію какого-нибудь рикши. Онъ повезетъ васъ по всѣмъ мѣстамъ, покажетъ и объяснитъ вамъ всѣ достопримѣчательности. Если у васъ есть багажъ, онъ будетъ ревностно оберегать его, разорвете платье, онъ немедленно починитъ его. Рикши бѣгаютъ очень

быстро. Если ихъ нѣсколько — они бѣгутъ гускомъ одинъ за другимъ и очень трудно ихъ заставить бѣжать рядомъ. Двухмѣстныхъ рикшъ нѣтъ. Каждая коляска только на одного человѣка.

Я видѣлъ въ Осакѣ и Токио двухмѣстныхъ рикшъ, но ихъ очень мало, и на нихъ ѣздятъ только японки. Рикши большіе любители „саке“, и на лишнія деньги они непременно доставляютъ себѣ это удовольствіе. Рикши пришлый народъ изъ деревень. Отчасти они приходятъ на заработки, а отчасти и для ознакомленія съ городами. Они жизнерадостны, какъ японки. Живутъ бѣдно. Ихъ жилище — небольшой сарайчикъ; все имущество — трубка и хибачъ. Лѣтомъ рикши носятъ одни только короткіе панталончики. Въ послѣднее время имъ запретили бѣгать безъ одежды, и это причиняетъ имъ сильныя страданія. Японія страна жаркая. Въ іюль и августъ стоитъ несмѣнно 30-ти-градусная жара, и рикшѣ очень тяжело, поэтому, когда онъ не видитъ вблизи полицейскихъ, снимаетъ съ себя куртку и бѣжитъ полуголымъ; завидя полицейскаго, немедленно одѣвается.

„Фрейю“ изъ Кобе надо было ждать два дня, поэтому я нанялъ въ ядоѣ комнату. Днемъ ко мнѣ пришелъ полицейскій, прося заполнить поданный мнѣ листокъ, на которомъ были напечатаны по-англійски вопросы: „фамилія“, „національность“,

„профессія“ и „откуда прибылъ“. Заполнивъ листокъ, я отдалъ японцу. Черезъ нѣкоторое время снова пришелъ полицейскій и принесъ мнѣ листокъ, написанный по-русски. Тамъ вопросовъ было значительно больше.

Узнавъ, что я русскій офицеръ, японцы захотѣли подробнѣе узнать обо мнѣ. Между прочимъ тамъ были написаны вопросы: „зачѣмъ пріѣхалъ“ и „когда уѣдетъ“. Это меня разсердило. Я написалъ, что пріѣхалъ въ Моджи заказать себѣ сапоги, а на вопросъ, когда уѣду, ничего не отвѣтилъ. Разъ они такъ подозрительны и любопытны, то пусть и довольствуются такимъ отвѣтомъ. Послѣ этого они меня оставили въ покоѣ.

Въ Моджи я познакомился съ агентами общества „Ютака сѣквай“ (зафрахтовавшаго „Фрейю“). Все время я проводилъ у нихъ. Городъ тогда украшался для встрѣчи маршала Ойямы *). Онъ долженъ былъ пріѣхать на слѣдующій день. Къ пріѣзду всѣ пароходы разсвѣтились флагами. На улицахъ Симоносеки и Моджи было замѣчено сильное оживленіе. Я ѣздилъ въ этотъ день въ Симоносеки. Тамъ тоже все было украшено, такъ какъ оттуда маршалъ долженъ былъ слѣдовать

*) Маршалъ Ойяма — главнокомандующій вооруженными японскими силами, дѣйствующими въ русско-японскую войну.

въ Токио. Въ 2 часа дня пришелъ изъ Кореи пароходъ съ маршаломъ. Онъ съѣхалъ на берегъ, заиграла музыка и раздалось громкое „банзай“. Было ликованіе. Весь городъ собрался на берегу моря. Всѣ улицы пестрѣли гирляндами, цвѣтными фонарями, флажками и цвѣтами. Пробывъ нѣкоторое время въ Моджи, маршалъ съѣлъ на небольшой пароходикъ и отправился въ Симоносеки. На рейдѣ тогда стояли „Матцушима“, „Акитцушима“ и „Ивате“. Они съ приходомъ парохода начали салютовать.

Японцы съ большимъ энтузіазмомъ встрѣчали солдатъ, возвращавшихся съ войны. Всѣ вокзалы были увѣшаны флагами и фонариками. Поѣзда всюду сопровождались громкими выраженіями восторга. На нѣкоторыхъ станціяхъ солдатъ обильно угощали. Семья, въ которую возвращался воинъ, была преисполнена радостью, и въ домѣ былъ великій праздникъ.

Вечеромъ пришелъ „Freya“. У меня заранѣе былъ взятъ билетъ, но такъ же, какъ и на „Брунгильдъ“, мнѣ не удалось добыть билета 1-го класса. На пароходѣ я познакомился съ двумя русскими, которые, осмотрѣвъ Японію, возвращались во Владивостокъ. Они жили въ одной каютѣ. Узнавъ, что мнѣ приходилось ѣхать въ третьемъ классѣ вмѣстѣ съ японцами, во мно-

жествѣ направляющимися тогда во Владивостокъ, они предложили мнѣ мѣсто у себя въ каютѣ на диванѣ. Пароходъ былъ грузовой; онъ везъ во Владивостокъ японскую сою, миканы, яблоки и различныя японскія вещи. Третій классъ былъ устроенъ на верхней палубѣ съ небольшою крытою надстройкою. Для перваго класса служили каюты капитана и его помощника; они, представляя свои каюты пассажирамъ, на время перехода во Владивостокъ переселялись въ другое мѣсто. Пароходъ простоялъ въ Моджи двое сутокъ. Это время я провелъ въ Симоносекахъ. При выходѣ изъ Симоносекскаго пролива мы встрѣтили германскій крейсеръ „Hansa“.

Погода намъ не благопріятствовала. Дуль вѣтеръ, и пароходъ сильно качало. По пути встрѣтилось и сопровождало пароходъ огромное стадо дельфиновъ. Мы позабавились стрѣльбою въ нихъ изъ револьверовъ. До Владивостока шли 4 дня. Капитанъ не зналъ прохода во Владивостокъ и проложилъ курсъ на островъ Аскольдъ. Къ острову мы подошли рано утромъ. Было еще темно. Съ берега послышалась стрѣльба. Мы подошли ближе. Оказывается, намъ запрещалось идти дальше, такъ какъ на нашемъ пути лежали мины. Стали на якорь. Въ 2 часа дня съ транспорта „Колымы“, стоявшаго у Аскольда, пріѣхалъ офи-

церъ и провель пароходъ во Владивостокъ къ вечеру къ спуску флага. Какъ разъ во время нашего входа въ гавань съ брандвахты грянула пушка, и на всѣхъ корабляхъ спустили флаги. На берегъ намъ съѣхать не разрѣшили безъ медицинскаго осмотра. На слѣдующій день послѣ прїѣзда доктора и спуска карантиннаго флага я съѣхалъ на берегъ и явился командиру порта, назначившему меня въ плаваніе на минный транспортъ „Алеутъ“.

Отъ командира порта я явился на „Алеутъ“. За малочисленностью офицеровъ во Владивостокѣ намъ невозможно было уѣхать въ Россію. Время настало тяжелое, нижніе чины были сильно распущены, надзоръ за ними слабый по недостатку офицеровъ, и они своевольничали, собирались на разные митинги, слушали агитаторовъ и развращались. Надо было очень зорко слѣдить за ними, чтобы не дать имъ разнуздаться окончательно. Вскорѣ послѣдовало назначеніе новаго коменданта, запретившаго нижнимъ чинамъ собираться на митинги и водворившаго нѣкоторый порядокъ въ крѣпости. Я очень рѣдко съѣзжалъ на берегъ, сидѣлъ на кораблѣ, изучалъ японскій языкъ. Почта, телеграфъ и желѣзныя дороги забастовали. Въ Россію нельзя было отправить письма, развѣ только черезъ Шанхай или Японію на пароходахъ—

кружнымъ путемъ. Желѣзныя дороги перевозили только плѣнныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ. Мирные жители должны были возвращаться въ Россію моремъ. Забастовка продолжалась три мѣсяца. Въ декабрѣ заливъ покрылся льдомъ. Перевозка плѣнныхъ въ Россію сначала шла очень медленно. Заняты были этимъ только пять пароходовъ Добровольнаго флота: „Кіевъ“, „Воронежъ“, „Владиміръ“, „Ярославль“ и „Казань“. Такъ какъ перевозка плѣнныхъ могла затянуться мѣсяцевъ на шесть, зафрахтовали еще нѣсколько пароходовъ у англичанъ и нѣмцевъ. Нѣмецкій пароходъ „Сильвія“ напоролся на мину загражденія и потерпѣлъ серьезную аварію. Я постоянно ѣздилъ на каждый новый пароходъ, приходящій изъ Японіи для встрѣчи плѣнныхъ. Мнѣ часто привозили письма изъ Японіи и увозили мои. Перевозка плѣнныхъ продолжалась 4 мѣсяца. Закончилась только въ концѣ февраля. Всѣхъ плѣнныхъ было 72 тысячи.

Не помню на какомъ островѣ, но кажется на Матцусимѣ, въ Японіи находится богъ — идолъ, весь увѣшанный лопатками, которыми японцы загибаютъ рисъ. Отправляясь на войну, солдатъ, помолвившись у этого бога, вѣшалъ на него лопатку, прося, чтобы богъ помогъ ему набрать въ плѣнъ столько русскихъ, сколько рысинокъ захва-

тываетъ лопатка. Видимо японцы очень усердно молились этому богу, такъ какъ онъ сплошь былъ увѣшанъ лопатками, а по количеству взятыхъ въ плѣнъ русскихъ можно судить, что богъ услышалъ ихъ молитвы.

Но можетъ быть слѣдующая, повидимому близкая война съ японцами будетъ для насъ столь же удачна, какъ прошедшая была для японцевъ. Нынѣшніе разговоры съ японцами и наблюденія въ Японіи послѣ войны заставляютъ не сомнѣваться, что новая война неизбежна. По окончаніи прошлой войны японцы немедленно, съ удвоенной энергіей начали готовиться къ новой борьбѣ. Между тѣмъ у насъ не замѣтна дѣятельность въ этомъ направленіи, и видимо мы не обращаемъ вниманія на то, что Японія скоро будетъ готова снова нагрянуть на насъ. Поводъ у японцевъ всегда найдется. Уже теперь мнѣ приходилось слышать: „Это очень нехорошо, что Сахалинъ пополамъ!“ — говорятъ японцы: „намъ это очень неудобно, и изъ-за этого скоро что-нибудь выйдеть“. Оборонительныя дѣйствія насъ скоро погубятъ. Необходимо вести наступательную войну, стремясь расширить свое благо, и тогда можно быть увѣреннымъ, что мы не уменьшимъ своего. Оборонительная же война всегда связана съ рискомъ потерять часть своего. Пора ужъ намъ

проснуться и направить значительную долю своего вниманія на боевую подготовку Востока; пора уже намъ поставить себѣ задачей отнять назадъ все взятое у насъ японцами, начать усиленно готовиться и затѣмъ блестяще выполнить эту задачу. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, японцы будутъ готовы и вновь явятся къ намъ незванными гостями. Огромный флотъ Японіи, быстро растущій послѣ войны новыми постройками очень сильныхъ броненосцевъ на своихъ же собственныхъ верфяхъ, явится опять грозной мощью, которая свяжетъ наши дѣйствія по рукамъ и ногамъ. У насъ на Востокѣ нѣтъ ни одного судостроительнаго завода и лишь одинъ докъ во Владивостокѣ. Какъ на Камчаткѣ, такъ и въ бухтѣ Посъетъ, можно было бы устроить прекрасные порты съ оборудованными судостроительными заводами, способствующими развитію нашей боевой силѣ на Востокѣ. Отсутствіе портовъ въ прошедшую войну губительно повліяло на ходъ кампаніи. Кораблямъ негдѣ было чиниться и приходилось тратить много больше времени, починяясь на водѣ. У насъ скажутъ на это, что денегъ нѣтъ. А какъ же деньги находятся у японцевъ, разоренныхъ войной не менѣе насъ. У насъ не денегъ нѣтъ, а желанія нѣтъ, — нѣтъ желанія работать. При желаніи деньги всегда найдутся. Видя японскую дѣятель-

ность и нашу бездѣтельность на Востокѣ, сжимается сердце при мысли о будущемъ. Неужели же у насъ нѣтъ энергичныхъ людей, смотрящихъ на дѣло такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности. Насколько пришлось замѣтить въ наблюденияхъ, многочисленная военная молодежь, испытавъ и видя настоящее положеніе вещей, смотритъ прямо въ глаза будущему и сгораетъ желаніемъ энергичной работой возстановить прежнюю славу и мощь Россіи—но нѣтъ молодымъ силамъ простора. Да неужели же мы будемъ на Востокѣ продолжать выполнять всѣ прихоти японцевъ?—нѣтъ! необходимо дать реваншъ, чтобы этимъ остановить знавшихся японцевъ, ставящихъ теперь насъ ни во что, и чтобы уничтожить пренебрежительное мнѣніе о насъ, составившееся у народовъ послѣ минувшей войны. Та страна сильна, въ которой царствуетъ патриотизмъ. Жаль, что нѣтъ его у насъ *). Россія и была прекрасна своей мощью, заставлявшей трепетать всѣ народы. Былъ бы у насъ патриотизмъ—была бы и армія сильная и флотъ. Японцы, поставивъ своей цѣлью достигнуть то или другое, энергичнымъ неустомимымъ

*) Количество нашего войска, взятаго въ плѣнъ японцами въ послѣднюю войну, есть достаточное доказательство отсутствія патриотизма.

трудомъ готовятся и затѣмъ блестяще выполняютъ свою задачу. Необходимо и намъ поставить цѣлью возстановить свои владѣнія на Востокѣ, энергично трудиться, подготовить успѣхъ и потомъ, дѣйствуя наступательно, вернуть попутно померкшую славу Россіи.

Жизнь во Владивостокѣ вели скучную. Городъ представлялъ печальный видъ,—наполовину выжженъ въ началѣ беспорядковъ. Для предупрежденія ихъ было прислано нѣсколько сотенъ казаковъ, развѣзжавшихъ по городу и рассѣивавшихъ нарушителей общественнаго спокойствія. Среди нижнихъ чиновъ гарнизона замѣтно было броженіе, усилившееся благодаря газетѣ „Владивостокскій Листокъ“, редакторомъ и издателемъ которой былъ еврей Подпахъ. Во Владивостокъ изъ Россіи пріѣхало много негодяевъ, преимущественно евреевъ, подымавшихъ смуту среди гарнизона. Декабрь прошелъ спокойно. Небольшія вспышки немедленно тушились казаками и другими регулярными частями. Вопреки запрещенію коменданта 10-го января собралось много нижнихъ чиновъ въ циркъ на митингъ. Нижніе чины пошли туда вооруженные и съ музыкой. На митингъ было много статскихъ ораторовъ. Затѣмъ нижніе чины направились съ музыкой къ коменданту для истребованія официального разрѣшенія собираться

на митинги, удаленія изъ Владивостока казаковъ и освобожденія арестованныхъ: военнаго врача Ланковского и вольноопредѣляющагося Шпера. Конечно они къ этому были подучены агитаторами, по почину которыхъ вывели впередъ женщинъ и дѣтей, чтобы войска, оставшіяся вѣрными своей присягѣ, видя впереди бунтовщиковъ женщинъ и дѣтей, не открывали огня.

Я въ то время былъ на „Алеутъ“. У насъ мирно и тихо; команда хорошая, матросы критически относились къ броженію. Часа въ 4 дня приходитъ вахтенный и докладываетъ, что въ городѣ началась стрѣльба. Мы вышли наверхъ. Стрѣльба начала усиливаться до степени ружейнаго боя. Ружья и пулеметы непрерывно трещали. Скоро однако стало стихать, и было видно, какъ по городу разбѣгались мятежники.

Ланковский и Шперъ были посажены комендантомъ крѣпости за пропаганду среди нижнихъ чиновъ.

Несмотря на различныя депутаціи, комендантъ отказалъ мятежникамъ въ ихъ требованіяхъ. Толпа бунтовщиковъ была огромная. По пути къ дому коменданта имъ надо было пройти по дорогѣ, защищаемой двумя пулеметами. Вотъ тутъ-то при первыхъ выстрѣлахъ они и побѣжали. Оказалось убитыми при этомъ 22 человекъ.

Въ это же время изъ Японіи пришло два парохода съ плѣнными. Когда они становились на якорь, были осыпаны градомъ пуль. До какой мерзости доходятъ озлобленія. Люди, вынесшіе всю тяжесть плѣна, съ нетерпѣніемъ ждавшіе момента увидѣть родную землю, встрѣчаются хуже врага. Очень тяжелое впечатлѣніе вынесли плѣнные. Въ тотъ день одинъ матросъ, вернувшійся только что изъ плѣна, бывший боцманъ броненосца „Севастополь“, георгиевскій кавалеръ, идя по льду съ корабля на берегъ, провалился въ воду, въ томъ мѣстѣ, гдѣ недавно прошелъ ледоколъ „Надежный“. Никто изъ видѣвшихъ это матросовъ не пришелъ къ нему на помощь. Выкарабкавшись изъ воды, онъ началъ ихъ отчитывать за нарушеніе присяги и за служеніе какимъ-то жидамъ. Его рѣчь произвела впечатлѣніе на матросовъ, и они были вполне съ нимъ согласны.

Нашимъ нижнимъ чинамъ приказано было спрягаться внизъ и не высовываться за бортъ, дабы не подвергаться выстрѣламъ.

Къ вечеру стрѣльба стихла, ночью слышались только одиночные выстрѣлы.

На слѣдующій день я поѣхалъ въ экипажъ. Тамъ одну казарму заняли казаки; матросамъ запрещено выходить. Волненіе среди нижнихъ

чиновъ не улеглось. Солдаты собрались около гауптвахты, убили полковника — коменданта города, выломали двери и выпустили Ланковского и Шпера. Нѣкоторыя батареи были заняты мятежниками. Возвращаясь на „Алеутъ“, стоявшій у Эгершельда, я видѣлъ у подножія Иннокентьевской батареи пустившуюся бѣжать кучку солдатъ. Тамъ слышалась пулеметная стрѣльба.

На этой батарее былъ раненъ тогда комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Селивановъ. Проезжая мимо батареи, я и не подозрѣвалъ, что какъ разъ въ тотъ моментъ тамъ совершилось такое преступленіе.

„Алеутъ“ стоялъ недалеко отъ этой батареи. На ней собралось много мятежниковъ. Батареи одна за другой переходили въ мятежныя руки. Вольноопредѣляющійся Шперъ сумѣлъ возмутить нижнихъ чиновъ и командовалъ батареями. Помню, нижніе чины произвели его въ полковники и иначе не говорили, какъ „Полковникъ Шперъ“. Иннокентьевская батарея временами стрѣляла. Намъ на „Алеутъ“ часто семафорили съ нея: „прислать немедленно нижнихъ чиновъ“. Матросы не шли. Тогда батарея начала угрожать, что откроетъ огонь по кораблю, если матросы не примкнутъ къ нимъ и не придутъ на батарею. Тамъ постоянно стояли часовые. Време-

нами я усматривалъ на ней какихъ-то статскихъ людей.

Утромъ на слѣдующій день съ ледокола „Надежный“ намъ передали по семафору: „немедленно отправить команду на батарею“. Я былъ посланъ на ледоколъ узнать, кто отдастъ такія распоряженія. Оказывается, командиру ледокола ничего не было извѣстно о подобныхъ семафорахъ, а это просто передавали мятежники. На обратномъ пути на „Алеутъ“ съ батареи начали стрѣлять въ меня. Я не обратилъ вниманія на эту стрѣльбу, думая, что стрѣляютъ по другому мѣсту. На берегу рабочіе таскали уголь. Когда я проходилъ мимо нихъ, они разбѣжались, засвистѣли пули, мнѣ сказали, что стрѣляютъ въ меня. Въ этомъ мѣстѣ были сложены цѣлыя горы угля, и я, найдя прикрытіе за углемъ, благополучно вернулся на „Алеутъ“.

Съ каждымъ днемъ волненіе росло. Мало оставалось надежныхъ частей, поэтому въ скоромъ времени долженъ былъ пріѣхать генераль Мищенко съ отрядомъ казаковъ. Убитыхъ мятежниковъ похоронили передъ вокзаломъ. На ихъ могилахъ развѣсили красныя ленты и флаги съ зажигательными, глупыми надписями. Агитаторы это дѣлали для того, чтобы еще болѣе смутить народъ. Однимъ словомъ во Владивостокѣ воцарилась полная анархія.

Скоро приѣхалъ генераль Мищенко, и порядокъ былъ восстановленъ въ одинъ день. Всѣ агитаторы поспѣшили убѣжать въ Японію и тамъ занялись изданіемъ какой-то пропагандной газеты. Раненый комендантъ былъ перевезенъ въ Японію и скоро, поправившись, уѣхалъ въ Россію. Его мужеству мы удивлялись. Узнавъ, что батарея взбунтовалась, онъ немедленно поѣхалъ туда водворить порядокъ. Когда онъ вошелъ на батарею, одинъ нижній чинъ столкнулъ его съ горы, а другіе начали стрѣлять. Раненый, онъ еще бодро шель къ своему экипажу, пока не поразили его еще двѣ пули. Раны были тяжелыя.

Такимъ образомъ въ серединѣ января порядокъ былъ восстановленъ. Въ войскахъ водворилась дисциплина. Всѣ бунтовавшія части были для этого отправлены въ сосѣднюю бухту.

Охана-санъ въ письмахъ просила меня приѣхать въ Японію. Я началъ хлопотать о шестимѣсячномъ отпускѣ, который Государь Императоръ даровалъ участникамъ осады Портъ-Артура. На мой рапортъ командиръ порта отвѣтилъ, что теперь офицеры очень нужны, и необходимо ждать болѣе благопріятнаго времени. Онъ все же разрѣшилъ мнѣ съѣздить въ Японію на 28 дней.

Въ 20-ыхъ числахъ января вернулись изъ плѣна мои мацуямскіе товарищи. Нѣкоторые изъ нихъ

рѣшили ѣхать въ Россію черезъ Америку. Для этого имъ надо было изъ Іокогамы на пароходѣ отправиться въ Санъ-Франциско. 27-го января я получилъ отпускъ и вмѣстѣ съ товарищами на пароходѣ „Монголія“ ушелъ въ Японію. На пароходѣ мы познакомились съ офицеромъ изъ отряда генерала Мищенко, послѣ войны вышедшимъ въ запасъ и теперь съ женой ѣхавшимъ въ Америку на нѣсколько лѣтъ. Его жена была американка. Я ѣхалъ въ Японію въ видахъ женитьбы и попросилъ своего товарища быть моимъ посаженнымъ отцомъ, а жену казачьяго офицера—посаженной матерью. Они согласились.

Черезъ три дня мы прибыли въ Нагасаки, гдѣ остановились въ „Нагасаки-отель“. Тогда же въ Нагасакахъ стоялъ нашъ транспортъ „Камчадалъ“. Пользуясь случаемъ, мы съ офицерами „Камчадала“ предпринимали интересныя поѣздки въ окрестности города. Въ особенности интересна была наша прогулка въ Унзенъ (миль 30 отъ Нагасакъ), гдѣ сѣрные источники. Охана-санъ, узнавъ, что я приѣхалъ въ Нагасаки, телеграфировала немедленно приѣхать въ Кобе, гдѣ она меня ждетъ. Получивъ телеграмму, я отправился туда. На слѣдующій день въ Кобе приѣхали и офицеры, приглашенные на свадьбу. Мы рѣшили теперь обручиться, какъ японцы говорятъ „ан-

синъ суру“, а потомъ „кекконъ суру“ (сыграть свадьбу). На другой день всѣ собрались въ домикъ, гдѣ жила Охана-санъ, и тамъ состоялся обрядъ обрученія по японскому обычаю.

Уѣзжая изъ Владивостока, я получилъ предписание явиться на транспортъ „Лену“ или „Терекъ“, если одинъ изъ нихъ прійдетъ въ Нагасаки во время моего отпуска. Они должны были идти въ Кронштадтъ. Въ Нагасакахъ я просилъ Омацу-санъ дать мнѣ немедленно въ Kobe телеграмму о ихъ приходѣ. Какъ разъ въ день моего обрученія съ Оханой-санъ получилъ телеграмму о приходѣ „Лены“. Проводивъ вечеромъ товарищей, уѣзжающихъ въ Иокогаму, я утромъ на слѣдующій день отправился въ Нагасаки. Во Владивостокѣ говорили, что „Лена“ въ Японіи будетъ стоять цѣлый мѣсяцъ изъ-за починки котловъ. Въ этотъ срокъ я думалъ жениться на Оханъ-санъ. Явившись на „Лену“, узналъ, что черезъ 5 дней она уйдетъ въ Кяо-Чао. Это для меня было неожиданно. Всѣ планы рухнули. Телеграфировалъ Оханъ-санъ. Она скоро пріѣхала, но о свадьбѣ нечего было и думать. Надо было отложить ее до болѣе благоприятнаго момента. Мы рѣшили, что я женюсь на ней потомъ, когда она пріѣдетъ въ Россію, или когда я пріѣду на Востокъ.

Весело мы провели пять дней стоянки въ На-

гасакахъ. Въ свободные отъ службы часы ѣздили на берегъ и дѣлали интересныя прогулки. Часто просиживали у Омацу-санъ въ Инасъ *). Погода стояла великолѣпная. Я былъ очень доволенъ, что впереди меня ждало очень интересное и долгое плаваніе.

Въ одномъ изъ Нагасакскихъ доковъ стоялъ и чинился броненосецъ „Побѣда“, поднятый японцами въ Артурѣ. Видъ „Побѣды“ былъ очень плохъ. Много придется поработать для приведения его въ боевую готовность. Недалеко отъ „Побѣды“ въ элингахъ строились миноносцы. Одновременно на стапеляхъ стояло 5 штукъ. Японцы быстро создали минный флотъ. Все, что потеряли за войну, сейчасъ же возобновили въ очень хорошо оборудованныхъ портахъ: Куре, Иокоско, Сасебо, Нагасаки, Майзуру и др. Японскіе корабли въ своихъ портахъ ни въ чемъ не ощущаютъ недостатка. Доки выстроены прекрасно и въ большомъ количествѣ.

Настало 21-ое февраля — день, назначенный для нашего ухода. Въ 4 часа мнѣ надо было стать на вахту. Какъ разъ въ этотъ часъ вы-

*) Инаса — небольшое мѣстечко, расположенное въ одной бухтѣ съ Нагасаками, но на противоположномъ берегу. Въ Инасъ живетъ Омацу-санъ.

звали всѣхъ наверхъ сниматься съ якоря. Подняли якорь, машинамъ дали ходъ, и мы двинулись.

Стоя на мостикѣ, я смотрѣлъ на Нагасаки. Грустно было покидать эту страну, гдѣ такъ много связано съ жизнью, а, глядя на стоящую въ докѣ „Побѣду“, тоска щемила сердце и невольно думалось: „теперь не съ Запада,—съ Востока намъ грозитъ опасность!“ Скоро мы вышли изъ пролива. Впереди показались острова. Нагасаки скрылись. Корабль пошелъ быстрѣе. Берегъ Японіи замѣтно таялъ, и къ концу моей вахты мы уже шли открытымъ моремъ.

Конецъ 2-й части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. Въ осадѣ Портъ-Артура.

	СТР.
I. Изъ Петербурга въ Портъ-Артуръ	1
II. Первый мѣсяцъ въ Портъ-Артурѣ	24
III. Послѣ гибели Вице-Адмирала Макарова	58
IV. Въ отрѣзанномъ Портъ-Артурѣ	79
V. Японцы у крѣпостной ограды	143
VI. Штурмы и бомбардированія	198
VII. На позиціяхъ и въ госпиталѣ	243
VIII. Послѣдніе дни Портъ-Артура	291
Прибавленія:	
1. Перечень кораблей Портъ-Артурской эскадры	331
2. Списки адмираловъ и офицеровъ флота	336
3. Календарь бомбардированій Портъ-Артура	350
4. Календарь штурмовъ Портъ-Артура	352

Часть II. Въ японскомъ плѣну.

I. Первые дни плѣна	5
II. Въ Мацуяимѣ	49

	СТР.
III. Въ заточені	100
IV. Свободныя прогулки	140
V. Въ Осакаѣ	174
VI. Заключение мира	201
VII. Послѣ плѣна	223

25
25
1918
I

33/8